

ISSN 0868 - 8931

ЧУДЕСА И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

№ 2/ФЕВРАЛЬ 2007

ЛЕСТНИЦА В НЕБО

Стальной триумф Эйфеля

Подписано в печать 10.01.2007 г. в 10:00 ч. М. П. Редакция: 125080, Москва, ул. Мясницкая, д. 21/23. Тел.: (495) 251-1111. Факс: (495) 251-1112. E-mail: mir@mir24.ru. Сайт: www.mir24.ru. Цена: 100 руб. (в т.ч. с доставкой по России).

ЖУРНАЛ ОСНОВАЛ
ВАСИЛИЙ ЗАХАРЧЕНКО
В 1991 ГОДУ

ЧУДЕСА И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ—

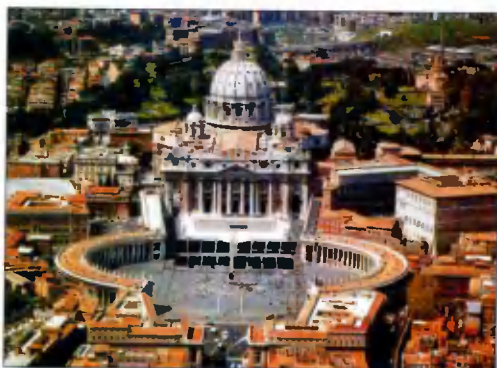
АЛЬМАНАХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ, ПУТЕШЕСТВИЙ,

НАУЧНЫХ ГИПОТЕЗ И ФАНТАСТИКИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ ПИ-77-5609

ОТ 20 ОКТЯБРЯ 2000 ГОДА

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ

62

На территории Ватикана – самого маленького государства мира – находится величайший храм планеты – собор Святого Петра.

20

Могила Пушкина в Святогорском монастыре на Псковщине, возможно, хранит прах... другого человека.
А. С. Пушкин.
Скульптор И. П. Витали. 1837

2

Не исключено, что метеориты кто-то сознательно направляет на Землю, но эту угрозу из космоса можно предупредить.

50

Гигантские мелетающие хищные птицы форораки когда-то были грозой всех теплокровных животных Южной Америки.

№2 ФЕВРАЛЬ 2007

- 2 Лев Мельников. **На мушке у Вселенной**
- 4 Юрий Фролов. **Микроб с кометы**
- 6 Николай Черкашин. **«Щука» на «сковородке»**
- 10 Юлия Трофимова. **Собачья служба с подвигом дружна**
- 11 Сергей Дёмкин. **Смотрящие за горизонт**
- 14 Василий Веденеев. **Тибетская охота двуглавого орла**
- 16 Наум Митин. **Беда в 47 карат**
- 18 Глобус
- 20 Александр Зинухов. **Бесприютный гений России**
- 25 Книги, подаренные редакции
- 26 Борис Сергеев. **«Бомба» на обед**
- 28 Владимир Константинов. **Борода, несущая смерть**
- 31 Игорь Атаманенко. **Подкоп под резидента**
- 34 Ольга Костина. **Роман по-научному**
- 36 Руслан Никитин. **Катастрофа**
- 42 Нам пишут
- 44 Геннадий Черненко. **«Седьмое небо» Гюстава Эйфеля**
- 48 Марго Залевская. **Инопланетная «морзянка»**
- 49, 51 Чудеса в решетке
- 50 Юлия Дунаева. **Пернатый «гепард» Патагонии**
- 52 Олег Назаров. **Источник горных духов (рассказ)**
- 60 За семью печатями
- 62 Юрий Туйск. **Земной дом хранителя рая**
- 64 Лев Сафонкин. **Тайны на полотне**

Наш сайт в Интернете: www.divesa.ru

Адрес редакции: 125319, г. Москва, ул. Черняховского, д. 16, комн. 501
Телефоны: (495) 152-06-92, 152-57-51.
Служба распространения: 125319, Москва, ул. Черняховского, 16.
Телефоны: 152-86-16, 152-06-92. E-mail: 4ip@nm.ru, elena-la@yandex.ru

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Перепечатка материалов без письменного разрешения редакции запрещается. Редакция в переписку не вступает. Цена свободная. Отпечатано в ОАО

«Чеховский полиграфический комбинат». 142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, 1. Формат 84x108/16. Заказ № 4226. Тираж 22490 экз.

© «Чудеса и приключения», 2007.

ЛЕСТНИЦА В НЕБО Стальной триумф Эйфеля

О самой удивительной башне мира и её творце, «инженере Вселенной», читайте на стр. 44

ИД «ЖУРНАЛИСТ»
Генеральный директор,
Главный редактор
Геннадий Мальцев

Редакционная коллегия
Сергей Дёмкин
журналист

Виктор Дыгало
контр-адмирал

Борис Минин
Президент Международной академии
общественного развития

Феликс Разумовский
историк

Анатолий Соловьёв
лётчик-космонавт, Герой Советского Союза

Юрий Тартанов
академик Международной
академии информатизации

Михаил Фырнин
шеф-редактор

Алан Чумак
парапсихолог

Борис Щербаков
директор ЗАО «Десница»

Редакторы отделов
Ирина Данченко
Лариса Решетникова
Рубен Спендиаров

Художник-дизайнер
Сергей Панасян

Набор
Анна Юдина

Корректор
Андрей Иванов
Представитель редакции
в Санкт-Петербурге
Инна Харченко
Тел.: 8-812-3109483

Наш представитель в Риге и Прибалтике
Наталья Лебедева
Тел.: 8-10-371-767-05-93

Колонка редактора

ВЕЧНАЯ ЗАГАДКА

Неизвестно, кто первый сравнил время с течением воды в реке. Видимо, это был не один человек, а целое множество людей – поэтому это неочевидное, неосознанное, невидимое явление принято считать таким же текучим, как и вода. И потому мы часто говорим как само собой разумеющееся, что время движется.

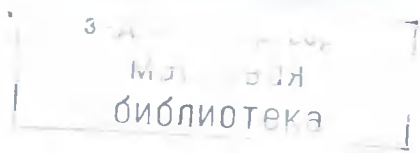
Но индусские мудрецы (Шри Раджниш) спрашивают: а куда может двигаться время? Ведь «если время движется, как мы думаем, – подобно реке, уходит в прошлое, приходит из будущего – тогда нужно другое время, в котором движется наше время». Если вы будете смотреть на время с точки зрения того, что оно движется, вы попадёте в бесконечное движение: тогда другое время будет двигаться в каком-то ещё времени, а то время – в другом и т. д.

Подобного не может быть, говорит Раджниш, потому что время не движется. Наоборот, движется наш разум, но увидеть это мы не способны. Это подобно тому, как мы едем в поезде и видим быстро мелькающие деревья: мы движемся в противоположном направлении. Если бы у нас отобрали возможность наблюдать большое пространство, могло бы возникнуть чувство, и временами оно возникает, когда наш поезд начинает двигаться, а другой стоит у платформы: мы думаем, что движется другой поезд.

Хотя человек существует на Земле миллионы лет и знает, что Земля движется, но никто из людей практически этого не знает. Мы говорим: «Солнце взойшло», «Солнце зашло». Даже учёные думают подобным образом. Мысль настолько глубоко укоренилась, что они никогда не говорят, что Земля движется. «Земля взойшла», «Земля зашла» – таких оборотов в речи нет.

То же заблуждение, говорит Раджниш, существует и относительно времени. Время не движется, потому что оно вечно. Только наш разум движется, а когда он движется, у нас есть узкий разрез: то, что происходит, – это настоящее, то, что ушло, – это прошлое, то, что не пришло, – это будущее. Но куда может двигаться настоящее?.. Попробуйте вдуматься. «Как это настоящее может двигаться в небытие? Как может бытие снова стать небытием? Прошлое нигде нет, оно стало небытием. И как может будущее, которое небытийно, прийти в бытие? Это выглядит совершенно абсурдным. Бытие остаётся бытием, небытие остаётся небытием; движется только наш разум».

Михаил Фырнин

Лев Мельников

НА МУШКЕ У ВСЕЛЕННОЙ

Падающие на Землю метеориты – это, возможно, «оружие возмездия» живого космоса.

В 1965 году вблизи густонаселенного промышленного города Бирмингема (Великобритания) упало около 100 осколков метеорита. Бомбардировке подверглись окна зданий, уличные почтовые ящики, контейнеры с мусором и... автомобили. Никто из людей не пострадал, но, как написал один английский журнал, «это была лишь счастливая случайность». По подсчетам астрономов, не менее 3 процентов народонаселения Земли может подвергнуться обстрелу метеоритами. Много это или мало? Оказывается, больше, чем погибает ежегодно в автокатастрофах.

НАХОДКА ИЗ ЛЮСА

Антуан Лавуазье (1743–1794), деятель Французской революции, известен не только тем, что был великим химиком, что по суду революционного трибунала был гильотинирован, но и тем, что оказался замешанным в неприглядную историю с метеоритами. В 1772 году Французская академия наук поручила специальному коми-

тету расследовать необычное происшествие в городке Люс (во Франции), где, по утверждению его жителей, с неба упал камень. В состав комитета включили и Лавуазье, члена Французской академии. Он должен был произвести химический анализ камня и сделать вывод о его действительном происхождении.

Лавуазье обнаружил, что камень оплавлен. Однако химический анализ не выявил в его составе ничего примечательного: предмет состоял из известных на Земле химических элементов. И великий химик сделал вывод, который «прославил» его в истории науки как образец того, что даже крупнейшие учёные могут попасть впросак и оказаться заложниками заблуждений своей эпохи. Лавуазье, а вслед за ним и Французская академия наук вынесли вердикт: камни с неба падать не могут, находка из Люса – земного происхождения.

Так Лавуазье упустил шанс стать первым в истории науки учёным, исследовавшим метеорит и подтвер-

дившим, что камень прилетел из межпланетного пространства.

В сущности, догматически мыслящему учёному трудно доказать, что аэролиты (как называли метеориты) действительно прилетают к нам из-за пределов земной атмосферы. Ведь никто никогда не проследил путь такого посланца космоса от момента его вхождения в атмосферу и до падения его.

ПО ВОСЕМЬ ШИЛЛИНГОВ ЗА КУЧКУ...

Количество вещества, оседающего на нашей планете в результате её бомбардировки из космоса, столь велико, что учёные забили тревогу: скоро Земля покроется толстым ковром пыли и осколков!

Действительно, ещё в 1939 году прославленный полярный исследователь Ричард Бёрд, пролетая над Антарктидой на самолёте, обратил внимание, что огромное ледяное поле континента сплошь покрыто большими и маленькими фрагментами метеоритов. Они чётко выделялись на исключительно белом, девственном снегу.

Самая большая коллекция метеоритов собрана в Британском музее в Лондоне. Но там платят за новые образцы найденных аэролитов всего жалких 8 шиллингов за унцию (шиллинг – 1/20 фунта стерлингов, унция – 28,35 г). То есть метеорит там оценивают практически не дороже, чем какой-нибудь ракушечник с морского побережья.

Некоторые учёные считают, что масса метеоритной пыли, выпадающей на Землю каждый год, составляет порядка 2000 тонн. Американское химическое общество называет цифру в 100 тысяч тонн. Один из шведских астрономов увеличивает это количество до такой умопомрачительной величины, как 5 миллионов тонн. И уже совсем запредельную статистику приводят француз Гребен и возглавляемое им Метеоритное общество, специализирующееся только на этих объектах Вселенной: на Землю ежегодно выпадает 2,5 миллиарда тонн метеоритов и их осколков.

Это означает, что вероятность попадания «камня с неба» в простого обывателя действительно велика. И впечатляющих примеров множество.

ИЗБРАННИКИ НЕБЕС

Несмотря на свои порой крошечные размеры, частица вещества, несущаяся со второй космической скоростью (около 11 км в секунду), представляет для человека смертельную опасность. Что уж говорить о крупных фрагментах или осколках! И бывают буквально снайперские попадания.

Однажды метеорит угодил в свадебную процессию. Это случилось в Белграде, при огромном скоплении наро-

да, 3 сентября 1929 года. Космический снаряд пробил крышу повозки и убил отца невесты. Свадебная церемония превратилась в похоронную процессию. Перст Божий? Немыслимая случайность? Но как же ничтожна вероятность попадания маленького камешка в отдельно взятого человека, да ещё в столь торжественный момент!

Известны случаи, когда метеориты вмешивались в ход сражения, опять-таки попадая в отдельно взятого человека. Такой невероятный трагический казус произошёл в Латинской Америке в 1906 году. Генерал Кастельяно восстал против правившей в Никарагуа верхушки олигархов. Он вёл в столицу свои мятежные войска. До цели – города Манагуа – оставался один дневной переход. Ночью генерал, задумавшись, сидел в палатке в своём мятежном лагере. Неожиданно ткань палатки пробил метеорит величиной с каштан и угодил генералу в голову. Кастельяно рухнул замертво. Перепуганная знаменем с неба, повстанческая армия в ужасе рассеялась по ближайшим окрестностям...

КАТАСТРОФЫ НА МОРЕ

Часть несчастных случаев, отмеченных в морских анналах, определённо можно отнести на счёт метеоритов.

В 1907 году небесный пришелец уничтожил английский учебное парусное судно «Эклипс», следовавшее вдоль американского побережья в Сан-Франциско. Аэролит величиной, как утверждают очевидцы, с человеческую голову буквально прошёл корпус трёхмачтовика с грохотом и ужасным треском. Всё это происходило в ночи. Так как небесное тело было раскалённым, на судне начался пожар. Его удалось потушить. Но в огромную брешь в корпусе хлынула вода. Экипаж четыре дня бесперывно вычёрпывал воду, но вынужден был сдаться, и судно быстро затонуло. Из 16 моряков до суши благополучно добрались 13.

Почему-то не везёт именно парусникам. Так, метеорит буквально разворотил борт быстроходного клипера «Сагитариус». Трансатлантический парусник затонул так быстро, что экипаж едва успел спустить спасательную шлюпку.

Аэролит несёт гибель и в том случае, если падает в непосредственной близости от корабля. Такой атаке из космоса подвергся голландский пароход «Океан», шедший вдоль северо-восточного побережья США (район Бермудского треугольника!). Огромный метеорит упал в нескольких метрах от судна. Поднявшаяся волна едва не потопила пароход, повредив при этом приборы, руль. Возникшее цунами снесло практически все палубные надстройки.

Точно так же в 1907 году метеорит слегка «промазал» мимо парохода, который шёл курсом из Лондона в Бостон. Гигантская волна смела всё, что было на палубе, включая экипаж, в открытое море.

Очевидно, при падении метеорита в судно моряки не успевают подать сигнал SOS, и, возможно, именно «пришельцы» служат причиной внезапной и таинственной гибели корабля вместе с командой. Ведь приведённые примеры относятся к случаям благополучного исхода трагедий на море, когда есть спасшиеся и они, как свидетели, могут поведать о том, что произошло на самом деле. А если свидетелей не осталось?

К разряду загадочных случаев на море относится трагедия «Марии Челесты» – корабля, экипаж которого исчез в морской пучине вместе со своим капитаном и его семьёй в 1872 году. Эта загадка не разгадана до сих пор: корабль был цел, но экипаж и одна шлюпка отсутствовали...

ЖИВАЯ ВСЕЛЕННАЯ

Представление о том, что небесные посланники прибывают к нам из дальнего космоса, ещё не вся правда о метеоритах. Возможно, они – посланцы жизни. Это утверждение можно рассмотреть в двух аспектах. Первый – метеориты несут живое вещество. Второй – их кто-то сознательно направляет на Землю и, возможно, метит в конкретную цель («перст Божий»).

Уже не секрет, что метеориты, падающие на Землю, содержат в своём составе органику. Громкую известность получил фрагмент метеорита, совсем недавно найденный в Антарктиде. На вид это обычное метеоритное вещество тёмно-серого цвета с оплавленной поверхностью (результат разогрева в верхних слоях атмосферы). Сенсационные результаты дали морфологической и химической анализы этого обломка. Под микроскопом выявилось его сложное строение с включением белых и чёрных вкраплений. Химический анализ показал, что эти вкрапления не что иное как сульфид железа, который считают продуктом жизнедеятельности бактерий.

Следовательно, метеоритное вещество – порода, законсервировавшая простейшую жизнь. Тут же были выдвинуты гипотезы, что бактерии – марсианские, а сам камень – кусок марсианской породы, вырванный и унесённый в космос каким-то катаклизмом и затем упавший на Землю в виде метеорита.

В составе посланцев из космоса находили следы органических молекул, углеродистые и азотистые соединения, которые могут составить основу для образования живого вещества.

Шведский физико-химик Сванте Аррениус (1859–1927), лауреат Нобелевской премии, и английский физик Уильям Томсон (1824–1907), с 1892 года за научные заслуги – барон Кельвин, вообще считали, что жизнь на Землю занесена из космоса метеоритами. В подтверждение этой теории довольно известный в конце XIX – начале XX века исследователь метеоритов доктор Хаан заявил в печати, что нашёл в пришельцах из космоса ископаемые остатки организмов.

При этом он не только дал их описание, но и опубликовал фотографии. На фото, сделанных под микроскопом, хорошо видны окаменевшие кораллы, губки, раковины... Поэтому можно сказать, что на Землю прилетает из космоса живая материя.

«ВОЛОСЫ ВЕРОНИКИ»

Так в середине XX века называли паутинообразное клейкое вещество, выпадавшее на землю после пролёта НЛО. Считалось, что это вещество связано именно с «летающими тарелками». Но оказывается, на Землю из космоса (во всяком случае, с небес) частенько выпадает мягкая субстанция, имеющая явно метеоритный характер и никак не связанная с иными пришельцами. У меня этому есть своё объяснение. Но сначала – факты.

Итак, с неба могут падать не только каменные или металлические обломки, но и весьма мягкие субстанции, напоминающие масло, бумагу, шёлк, смолу, ту же паутину («волосы Вероники»). Бывало даже, мясо и кровь! Так, официальное английское издание «Еженедельный обзор погоды» за май 1887 года сообщило о золотисто-жёлтых осадках, выпавших 27 февраля 1877 года в Германии (местечко Пеклох). Красящим веществом в них были четыре вида организмов – крошечные существа, неизвестные на Земле, формой напоминавшие стрелки, кофейные зёрна, рожки и диски.

Случаи выпадения с небес органического вещества в Германии, Англии, США, России и в других странах настолько участились, что в 1903 году этому феномену посвятило своё заседание Королевское химическое общество в Лондоне. 2 апреля этого года английский химик Г. Глейтон прочёл доклад о результатах своего исследования таинственного вещества, выпавшего с неба и собранного лично им для лабораторного анализа. Учёный утверждал, что это было органическое вещество. Предположительно – из космоса... Согласно расчётам, только в Англии выпало 10 миллионов тонн этого состава!

ГРИБ – В ЯБЛОЧНО!

Обрушиваясь на головы обывателей, неизменно органическое ве-

щество иногда ведёт себя весьма странным образом. Создаётся впечатление, что его откуда-то сверху тоже направляет чья-то «рука». В самом деле, как объяснить, что сгустки материи, имеющие признаки органики, раз за разом попадают точно в одно и то же место?

28 декабря 1860 года чудесное событие произошло в известном своими художественными традициями городе Сиена (по имени этого города назвали краску – пигмент коричнево-сероватого тона). Около 7 часов вечера в северо-западной части города выпали обильные осадки... красного цвета! Через четыре часа прошёл второй красный ливень. Три дня спустя небеса снова пролились влагой того же цвета. На следующий день – ещё раз... При этом все четыре ливня – в одном квартале города! Никакими земными причинами такое постоянство аномальных по колеру осадков не объяснить. Остаётся подозревать некую управляющую силу. Естественно, космического происхождения.

По данным американских профессоров Грейвза и Хитчкока, на передний двор ранчо, где они проживали, с разницей в несколько лет падало с неба одно и то же вещество – студенистый гриб, при этом в одно и то же место. «Пришельцы» были идентичны по цвету, размерам и консистенции. До наступления вечера дня, когда повторно выпало это вещество, на прежнем месте обнаружили ещё два «гриба». Никакого логического объяснения этим фактам учёные не нашли, однако было абсолютно ясно, что предметы упали с неба, так как падение сопровождалось свистом и вспышкой ослепительного света. Кто столь метко забрасывает в наш мир инородные тела? И где тот меткий «стрелок»?..

Иногда желеобразное вещество, будто в шутку, шлёпается едва ли не на голову того или иного наблюдателя. Как произошло, например, с путешественниками в 1652 году на дороге между Сиеной и Римом. 6 сентября 1835 года в Германии (местечко Гот) желеобразная масса шлёпнулась в трёх футах от бургера. Ещё двух немцев 8 октября 1844 года едва не сбilo с ног упавшее рядом с ними светящееся тело. На следующее утро они вернулись на это место и обнаружили на земле студенистую массу сероватого цвета. Примечательно, что все эти падения сопровождалось страшным шумом и световыми эффектами, свойственными падению аэролитов.

ПЕРСТ БОЖИЙ?

Коль скоро появление космических посланцев носит явно осмысленный характер, естественно предположить, что в некоторых случаях угрозу из космоса

можно предупредить. Если эта угроза носит сверхъестественный характер, она должна коррелировать со сверхъестественными явлениями на Земле.

С живым космосом, по определению, должны быть связаны люди с аномальными способностями: старцы, святые, отшельники, медиумы. Покопавшись в истории, можно найти чудесные проявления связи «Божиих людей» с породившим нас космосом.

В старинном русском городе Великий Устюг (ныне райцентр в Вологодской области), расположенном на реке Сухона, известном с 1207 года, стяжал себе славу святой Прокопий Устюжанин. Именно с его именем горожане связывают сверхъестественное чудо, избавившее их от великой беды. Легенда такова.

Был ясный день. И вдруг над городом сгустилась необычная туча, из которой посыпались камни. Вот-вот обрушатся они на людей и постройки. Но истовой молитвой и воззванием к Пресвятой Деве Марии Прокопий отвёл тучу от города, и каменный дождь «пролился» за его пределами, избавив всех от неминуемой катастрофы. Напоминает о том событии икона Святого Прокопия, хранящаяся в одном из монастырей Великого Устюга. Можно не верить легенде, но память людей, благодарных за избавление от бед, вызванных, скорее всего, метеоритами (или чем-то иным, ещё непознанным), зафиксировала этот факт. Как иначе можно объяснить появление на иконе столь необычного, отнюдь не теологического, а вполне метеорологического и космического сюжета? Ясно, что это отражение одной из реалий жизни средневекового русского города.

Итак, началось всё с отрицания возможности существования «небесных камней» (Лавуазье, а с ним и Французская академия наук). Затем учёные признали этот факт и стали изучать метеоритное вещество. Оказалось, что аэролиты могут состоять не только из железа, никеля, оплавленных кристаллических пород, но и из некоего малопонятного мягкого материала, в котором вскоре опознали разновидность органического вещества. В метеоритах обнаружили окаменевшие остатки живых существ или следы жизнедеятельности простейших организмов. Следовательно, либо метеориты представляют собой живую материю, либо служат средой для обитания других организмов.

Значит, можно признать, что космос – живая субстанция. А раз так – он может отправлять в наш мир своих посланцев, причём адресно. Отсюда уже недалеко до признания: метеориты в качестве посланцев живого космоса могут быть «перстом Божиим», «Божьим гневом».

Юрий Фролов

МИКРОБ С КОМЕТЫ

Кровавые дожди, веками наводящие ужас на людей, во многих случаях... внеземного происхождения.

Английский физик Годфри Луис уже несколько лет работает в Индии, в университете имени Махатмы Ганди. Обычно он не читает местных газет, ограничиваясь центральной «Таймс оф Индия». Но в конце июля 2001 года необычное сообщение в этой крупнейшей англоязычной газете Индии заставило его собрать целую коллекцию вырезок из районных и городских газет штата Керала, расположенного по западному берегу южной оконечности Индостанского полуострова. Заметки корреспондентов и письма читателей сообщали о дождевой воде красного цвета, регулярно выпадающей в этом районе.

В период муссонов затяжные дожди в Индии обычны. Но красного дождя здесь никогда не видели. Окраска воды иногда была настолько интенсивной, что многим казалось, будто с неба потоками льёт кровь. Окрашивались повозки, кроны деревьев, крыши хижин, одежда людей... Всего необычный феномен был отмечен в 124 населённых пунктах штата, и в большинстве из них кровавые дожди регулярно шли на протяжении 5–10 дней. А в некоторых деревнях – и до двух месяцев, каждый день. На карте район, где выпадали такие дожди, имеет форму эллипса размерами 450 на 150 километров, вытянутого с северо-запада на юго-восток.

Годфри Луис, специалист по физике твёрдого тела, крайне заинтересовался необычным природным явлением. Он совершил множество поездок по району красных дождей.

Рассмотрев пробы красной дождевой воды под микроскопом, физик обнаружил в них

множество округлых красных образований диаметром от 4 до 10 микрон, напоминающих эритроциты, но с очень толстой оболочкой. По оценке Луиса, всего выпало около 50 тонн таких микрочастиц. Анализ обнаружил в них азот, водород и углерод в пропорциях, типичных для живых клеток, но не нашёл даже следов ДНК, присутствующей практически во всех клетках. Впрочем, известно, что некоторые типы клеток, например эритроциты (красные кровяные тельца), и не должны содержать ДНК. Но гемоглобина, обязательного для эритроцитов, в мелких округлых образованиях, отфильтрованных из дождевой воды, не оказалось.

Некоторые из частиц имеют вид как бы раздваивающихся, что напоминает живые клетки в момент деления. По утверждению физика, больше всего таких двойных клеток было в пробе, подвергнутой нагреванию до 300 градусов Цельсия. На нашей планете неизвестны организмы, способные жить, не говоря уже о размножении, при температуре выше 113 градусов.

Университет, где работает Годфри Луис, получает пресс-релизы индийского Центра наук о Земле и небе, расположенного в столице штата Керала. Очередное сообщение попалося учёному на глаза в тот момент, когда он занимался анализами загадочных красных телец. Центр сообщал: ночью на 25 июля 2001 года, за несколько часов до начала кровавых дождей, многие обитатели штата слышали громкий звук вроде мощного взрыва, от которого задрожали стёкла в окнах, а некоторые местные жители при этом видели в небе яркую вспышку.

И у Луиса родилась смелая гипотеза: два явления связаны между собой. Красные клетки, выпадавшие с дождём, представляют собой внеземные организмы, занесённые в нашу атмосферу метеоритом, пролетевшим над Индией в ночь на 25 июля. Физик провёл опросы местных жителей и по ним восстановил траекторию болида: она совпадает с осью эллипса, в котором выпадал кровавый дождь.

Гипотеза о том, что из космоса на Землю могут попадать живые организмы или их споры, восходит к греческому философу Анаксагору, который 2500 лет назад предположил, что вся Вселенная наполнена «зёрнами жизни» и они когда-то были занесены на Землю, дав начало всему живому. В XIX веке немецкий физик Г. Рихтер, обнаружив присутствие углерода в некоторых метеоритах, предположил,

что жизнь могла попасть на нашу планету с метеоритами. Эксперименты, проведённые в конце XIX – начале XX века, показали, что многие микроорганизмы способны в виде спор переносить очень высокие и очень низкие температуры, а также вакуум. И лауреат Нобелевской премии шведский химик Сванте Аррениус создал так называемую гипотезу панспермии, согласно которой жизнь возникла не на Земле, а где-то в космосе и в форме спор вечно носится по Вселенной на метеоритах, кометах или просто в составе межзвёздной пыли. Когда-то эти споры оказались на нашей планете, где начали в благоприятных земных условиях эволюцию, дошедшую постепенно до человека. Гипотеза Годфри Луиса вполне укладывается в эти взгляды.

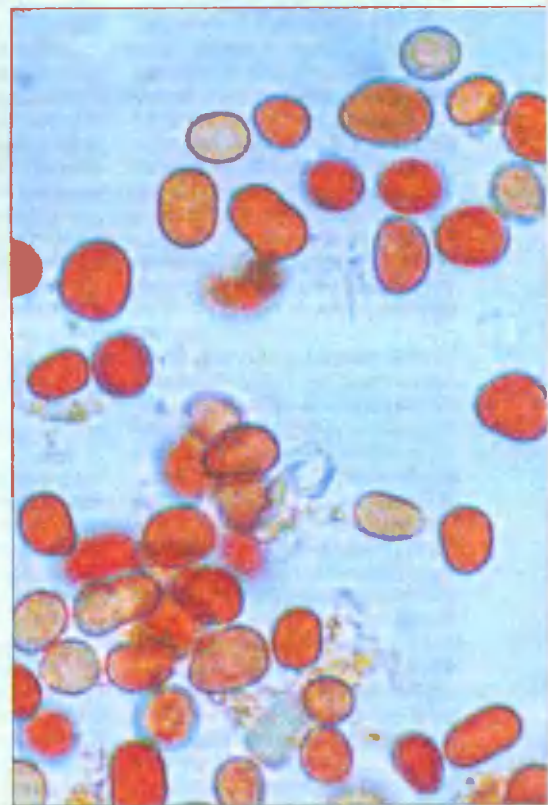
Около тридцати лет назад двое астрофизиков, англичанин Фред Хойл и индиец Чандра Викрамасингх, предположили, что на Землю постоянно выпадают космические вирусы. По их мнению, именно такими вирусами была вызвана знаменитая пандемия гриппа «испанки» в 1918–1919 годах. Действительно, не совсем ясно, каким образом грипп почти одновременно появился тогда в самых разных уголках Земли, включая изолированные острова Полинезии. И это в те времена, когда ещё не было массовых пассажирских авиалиний, да и вообще передвижения между странами были весьма затруднены из-за Первой мировой войны! Но если принять, что вирусы падали вместе с дождём с неба, всё становится на свои места. Несколько лет назад известный индийский космолог Джаянт Нарликар предположил, что и нашумевшая в 2001–2002 годах атипичная пневмония также имеет космическое происхождение. С помощью шаров-зондов он смог собрать из атмосферы на высотах до 41 километра живые микроорганизмы, которые, по его мнению, не могли быть занесены так высоко ветром, а значит, говорит Нарликар, должны происходить из космического пространства. Заметим, что уже около пяти лет об атипичной пневмонии с её высокой инфекционностью и смертностью почему-то больше ничего не слышно. Возможно, Земля в 2001 году пролетала через облако космической пыли с возбудителями этой страшной болезни, а теперь оно осталось позади.

Гипотеза Луиса о внеземном происхождении красного дождя сначала не встретила понимания в научном мире. Его статья отвергалась научны-

ми журналами. Только в январе 2006 года её опубликовал авторитетный международный журнал «Astrophysics and Space Science» («Астрофизика и космическая наука»).

Какие другие объяснения красных дождей можно выдвинуть? Фауна и флора нашей планеты, особенно её тропических районов, изучены ещё далеко не полностью. Возможно, это какие-то не известные науке земные микроорганизмы, подхваченные циклоном и занесённые в облака. Но почему их так много? Если они где-то живут в таких количествах, почему до сих пор они незнакомы учёным?

Специалисты из Тропического ботанического сада штата Керала говорят, что красные частицы похожи на споры одного из видов лишайника, живущего на стволах деревьев тропического леса. Однако возникает вопрос: как 50 тонн спор могли попасть в небо? И почему, если их поднял туда смерч или циклон, вместе с ними в облака не попали ни листья деревьев, ни частицы их коры? Какой-то избирательный смерч, заинтересовавшийся только спорами лишайника?

Красные частицы из индийских кровавых дождей под микроскопом при увеличении в тысячу раз

Николай
Черкашин

«ЩУКА» НА «СКОВОРОДКЕ»

В результате уникальной разведывательной операции, проведённой почти четверть века назад у берегов США, советские подводники добыли необычного «языка».

Если у Мирового океана есть память, то он запомнит середину 80-х годов минувшего века как время ядерной грозы, вызревавшей в его глубинах и только по великому счастью не разразившейся атомными громами и молниями. Впрочем, хладнокровные историки называют этот почти четырёхлетний отрезок времени (1983–1986) «периодом очередного обострения «холодной войны». Но то был не только очередной, но и последний всплеск ядерного противостояния, его острейший после карибского кризиса пик.

Всё началось в декабре 1983 года, когда к берегам США с обоих океанских направлений – атлантического и тихоокеанского – двинулись атомные подводные крейсера СССР с баллистическими ракетами в шахтах. То был «адекватный ответ» на размещение американских «першингов» в Западной Европе.

Караваны ракет, упакованных в прочные корпуса атомарин, проплывали под водой с севера на юг и с юга на север вдоль западного и восточного побережий США, не останавливая своего грозного движения ни на час – каждодневно, ежемесячно, круглый год... Одни

атомные ракетовозы через положенные сроки сменяли другие, держа под постоянным прицелом крупнейшие города США и военно-промышленные центры.

Кроме атомных ракетных подводных крейсеров стратегического назначения участвовали в этих походах и многоцелевые торпедные подводные лодки.

О приключениях одной из них – камчатской К-360 – и пойдёт этот рассказ. Рассказ, записанный из первых уст – тогдашнего командира К-360 капитана 2-го ранга Григория Бутакова, старшего штурмана (командира БЧ-1) капитана 3-го ранга Юрия Ерёмкина и командира вычислительной группы старшего лейтенанта Евгения Симонова.

Контр-адмирал запаса Григорий Лукич Бутаков:

– В начале августа 1984 года меня, молодого командира, вызвал командующий нашей 2-й камчатской флотилией Герой Советского Союза вице-адмирал Эдуард Дмитриевич Балтин. Я не ожидал увидеть в его кабинете начальника штаба Тихоокеанского флота вице-адмирала Хватова. Но именно Геннадий Александрович Хватов поставил мне эту непростую задачу. Смысл её заключался в

том, чтобы скрытно подойти к входу в крупнейшую военно-морскую базу США Бангор, где базировались атомные подводные лодки с баллистическими ракетами типа «Огайо», и записать шумы только что вошедшего в состав Тихоокеанского флота США стратега-ракетоносца «Мичиган». Задача более чем непростая – ведь подходы к этой базе и проливу Хуан-де-Фука охранялись всей мощью противолодочных сил, начиная от патрульных самолётов типа «Орион» и кончая совместными действиями американских и канадских кораблей. Нашим подводникам это место было хорошо известно (замечу: так же, как и американским подводникам – подходы к нашей Авачинской губе). Мы называли его «горячей сковородкой» из-за слишком интенсивного судоходства в том районе и малых глубин. Ровное, как столешница, каменистое дно также мало способствовало решению нашей главной задачи – записи шумов, поскольку оно многократно отражало звук и возникала так называемая «донная реверберация». Шансов сохранить скрытность и вернуться незамеченными было ничтожно мало. Но приказ есть приказ, и 5 августа 1984 года мы оста-

вили свой родной причал в посёлке Рыбачьем...

Атомная подводная лодка К-360 спущена на воду в Комсомольске-на-Амуре в апреле 1982 года. Кодовое название её 671РТМ проекта «Щука». Американцы называли их «Виктор-3» и относили к классу «атакующих» подводных лодок. По советским определениям атомарины 671-го проекта считались многоцелевыми атомными торпедными подлодками, способными нести не только торпеды, но и крылатые ракеты.

Их главным назначением было выслеживать и уничтожать вражеские атомные подводные лодки с баллистическими ракетами. Разумеется, они могли действовать и против надводных кораблей, в том числе авианосцев, но всё же создавали их для охоты в глубинах на вражеские атомарины. Поэтому они были чрезвычайно обтекаемыми, быстрходными и малозумными (по сравнению с непротиволодочными субмаринами).

«Щуки» могли уходить на глубину до 600 метров, двигаться под водой с максимальной скоростью 31 узел и обеспечивать экипаж в 96 человек без каких бы то ни было дозаправок в течение 80 суток.

Шумность «Щук» была значительно снижена за счёт так называемого «отключения фундамента», то есть между шумящими агрегатами и корпусом лодки были поставлены специальные амортизаторы-вибропоглотители. Был уменьшен и гидродинамический шум путём устройства вертикальных шпигатов. В прочном корпусе установили новейшее размагничивающее устройство, резко снижающее возможность обнаружения «Щук» поисковыми магнитометрами патрульных самолётов.

Командир вычислительной группы К-360 Евгений Владимирович Симонов:

— На подводных лодках нашего проекта стоял новейший по тем временам гидроакустический комплекс «Скат», позволявший не только определять цели в обычном звуковом режиме, но и в инфразвуковом диапазоне частот. Это было почти фантастикой. Но принимать неслышимые человеческим ухом звуки позволяла длинная гибкая буксирная антенна, которая выпускалась из бульбообразного контейнера, установленного над вертикальным стабилизатором кормового оперения. Именно он придавал силуэту лодки необычный вид. «По своим возможностям комплекс «Скат» втрое превосходил подобную аппаратуру предшествующего поколения и вплотную приближался к американским комплексам, — отмечает современный справочник по подводным лодкам, — хотя по-прежнему уступал им по массогабаритным характеристикам. Максимальная дальность обнаружения целей при нормальных гидрологических условиях составляла 230 километров».

Контр-адмирал Григорий Бутков:

— Обычно наши лодки ходили в тот район северным маршрутом, а для большей скрытности пошёл южным маршрутом, как бы намереваясь пройти вдоль Курильской гряды, но потом резко повернул влево, то есть на восток. Довольно быстро и благополучно пересекли Северо-Тихоокеанскую котловину, разлом Мендосино и, оставив десять тысяч миль за кормой, вышли на шельф близ стыка территориальных вод Канады и США у пролива Хуанде-Фука, прямо на «горячую сковородку». Помимо обычного довольно напряжённого судоходства в районе этого пролива ещё шёл интенсивный лов рыбы.

Я запросил у командующего флотом разрешение всплывать на сеанс связи не раз в сутки, а раз в двое суток. Очень сложно было всплывать на перископную глубину. Могли попасть таранный удар любого надводного судна или влезть в рыбацкие сети. Поэтому перед каждым всплытием я часа два проверял надводную обстановку: нет ли поблизости надводных судов. Но и это не давало особых гарантий. Там была очень плохая гидрология. К тому же рыбаки нередко ложились в дрейф, а обнаружить их без хода в пассивном режиме нашего «Ската» было невозможно.

С нами шёл ещё один наш атоморход, но он действовал в другом районе. Мне повезло: в первый же день удалось залезть под днище огромного супертанкера, который шёл в Сизлт. И мы под ним миновали все ловушки хваленной системы СОСУС.

Командир вычислительной группы старший лейтенант Евгений Симонов:

— Мой боевой пост находился в центральном посту, и я был в курсе всего, что происходило как на корабле, так и вокруг него над водой, поскольку БИУС (боевая информационная система) находилась в моём заведовании. Обстановка была напряжённая. Помимо всего прочего у многих членов экипажа был снег ещё шок, который мы пережили накануне нашего похода. Правда, было это на другой лодке — К-507.

Мы вышли на ней по боевой тревоге в бухту Саранная. Срочное погружение. И тут заклинили рули. Сработала аварийная защита ре-актора.

Ситуация: неуправляемая лодка с рулями на по-

Капитан-лейтенант Г. Л. Бутаков

ружение набирает глубину. Бутаков командует: «Всем турбинам реверс на высокие обороты!» Но винт не вращается. Хода нет. Это страшно.

Боцман докладывает глубину в непрерывном режиме. Летим вниз на скорости.

Я — вахтенный офицер боевого информационного поста. Сажу в центральном посту, и мне хорошо видно, как лысина нашего механика сначала побелела, потом покраснела, потом посинела. Мне показалось, что никто не знает, что теперь делать. Мы проваливались в океанскую пучину. Взгляд уперся в фотокарточку жены, прикрепленную к пульте. Мысленно прощаюсь с Ниной, с надеждой на нашу встречу...

Контр-адмирал Григорий Бутаков:

— Под килем пять километров. Боцман непрерывно докладывает: «Глубина 170 метров, лодка быстро погружается... Дифферент на нос растёт! Глубина 175 метров, лодка быстро погружается... Глубина... Быстро погружается... Дифферент на нос растёт...» Голос боцмана всё тревожнее и тревожнее. Рядом со мной наш механик, командир БЧ-5 Илья Железнов. Он твердит как зацикленный: «Товарищ командир, сейчас будет ход. Товарищ коман-

дир, сейчас будет ход...» Но хода нет! Лысина механика чудовищно багровеет. Он-то первым понял, чем всё должно закончиться.

Стали продувать цистерны. И как назло — там отказ. У личного состава шок!

Я закричал, чтоб продули всё аварийным продуванием. Всё выдули. Даже командирскую группу.

Боцман докладывает: «Глубина 207 метров, лодка встала».

Знаю, что после 200 метров продувание цистерн главного балласта малоэффективно. Всплывать с такой глубины можно только за счёт хода, когда под корпусом и рулями возникает подъёмная гидродинамическая сила. Но хода нет, несмотря на все заклинания механика. И мы уже за 200-метровой отметкой. Хотя лодка встала... Надолго ли? Куда она пойдёт — вниз или вверх? От нас уже ничего не зависело. Судьба наша решалась на точнейших аптечных весах. На одной чаше весов — законы физики, на другой — наши молитвы. Томительнейшие секунды.

Но Бог-то всё-таки есть! Лодка постояла, подумала и стала всплывать.

Голос боцмана, как глас Божий: «Глубина 206 метров, лодка медленно всплывает!»

Пошла, пошла, пошла... Быстрее... Быстрее. На глубине 100 метров открыл клапана вентиляции. Додули остатки балласта остатками воздуха высокого давления. Закачало на крутой волне. Надо подниматься, отдраивать верхний рубочный люк. Но шевельнуться не могу. Голова ясная, всё остальное словно каменное... От стресса.

Потом выяснилось, что авария произошла по вине завода. Одна из шестерён турбозубчатого механизма треснула из-за литейного брака, в ней оказалась каверна. И произошло рассоединение муфты ТЗМ с линией вала.

Евгений Симонов:

— Всплыли и тут же попали в жесточайший шторм. А хода нет. И несёт нас на камни бухты Саранной. Качка убийственная. Все в лёжку лежали. У нас акустик был, так только он на рулях стоял. Да толку-то, без хода корабля рули бесполезны.

Контр-адмирал Григорий Бутаков:

— Потом говорили, что такого шторма более 100 лет не было! Волны выбросили бы меня на камни и расхлестали вдрызг. Надо подалеже отходить от берега. И тут я получаю приказание немедленно заходить в бухту. Но я же могу только на электромоторах двигаться. Под ними в такой шторм в узость не войдёшь. Безопаснее было бы в океане штормовать. Однако командующий флотилией вице-адмирал Павлов принял решение завести нашу лодку в бухту двумя буксирами. Я в перископ смотрю, а буксир где-то в небе, волну его поднимает. Связываюсь с базой:

— Товарищ командующий, мне нельзя подходить. Уберите от меня эти буксиры! Я же людей на палубу вывести не могу! Смоет всех!

А буксиры идут у меня вдоль бортов и стреляют из линемётов.

Я им кричу в мегафон: «Тащите меня в океан, закончится шторм, тогда в базу пойдём!»

Но они всё равно завести ничего не смогли.

Мы же пытались исправить злополучную муфту. Пробовали с обеих сторон железяки приварить. Не сработало. Пытались ломом заклинить. Всё ломало, как спички.

Евгений Симонов:

— Полтора дня буксиры пытались заарканить нас на волне. Тросы лопались один за другим. Чудом никого не убило. При запредельных кренах и дифферентах сработала аварийная защита реактора... В общем, из огня да в полымя!

Григорий Бутаков:

— Спасло нас от навала на камни то, что ветер изменил направление и пошёл от берега... А ход смогли дать только через четверо суток.

Нет худа без добра. И та передышка испытала экипаж на прочность лучше любой тренировки по борьбе за живучесть. Здесь, у берегов Америки, на «горячей сковородке», и командир К-360 капитан 2-го ранга Григорий Бутаков, и его старпом капитан 3-го ранга Андрей Аполлонов, и механик командир БЧ-5 капитан 3-го ранга инженер Илья Железнов были уверены в своём экипаже. Если что, не подведут, срабатывают так же, как в тот камчатский шторм...

Командир БЧ-1 (старший штурман) капитан-лейтенант Юрий Прокопьевич Ерёмин:

— Однажды какая-то наша подлодка нарушила границу иностранных территориальных вод. Вышел международный скандал, и главнокомандующий запретил нашим кораблям подходить к кромке террвод ближе чем на пять миль. Но здесь мы оказались перед выбором: или мы нарушаем главнокомандующую поправку и тогда не выполняем поставленную задачу, или... Мы выбрали последний вариант. Пришлось подойти так близко, что командир предложил мне посмотреть на вероятного противника в упор. В линзах перископа были очень хорошо видны береговые хребты и самая высокая вершина, гора Олимпес, автотрасса, по которой двигались разноцветные машинки... Дух захватывало при мысли, что

вижу Америку своими глазами. Думаю, что подобные чувства испытывали и американские подводники, разглядывая в перископ наши камчатские вулканы...

Григорий Бутаков:

— Теперь наша задача сводилась к одному: затаиться и ждать, когда «Мичиган» выйдет из своей базы в океан. Перед каждым выходом стратегического ракетносца американцы проводили полномасштабную противолодочную операцию с боевым тралением, с полётами патрульных самолётов и вертолётов ПЛО типа «Си Кинг». И мы терпеливо ждали, когда начнётся эта охота по наши души.

Ко всему прочему ещё одно обстоятельство сильно осложняло нашу жизнь: стометровая глубина и ровное, как столешница, каменистое дно. Абсолютно плоский шельф. Чем это плохо? Во-первых, шумы отражались от грунта, накладывались, сбивали акустиков. Но она же, донная реверберация, помогала нам и укрываться от чужого наблюдения, ведь посылки американских гидролокаторов разбрасывались точно так же. Во-вторых, океанская зыбь на такой незначительной, в общем-то, глубине давала себя знать. Трудно было удерживать подводную лодку на перископной глубине. Она у нас вообще капризная, это же не «стратег» со своей массой и своим водоизмещением. Очень сложно было сохранять скрытность.

Но то, что нам угрожало, нас и спасало: интенсивное судходство. У меня был немалый опыт плавания под днищами судов. И экипаж в этом плане был нормально отработан. Такая вот диалектика.

И вот настал тот день, ради которого мы пересекли под водой Тихий океан. Американцы начали расчищать путь своему «Мичигану». Три канадских фрегата типа «Рестигуш» и один американский эсминец врубили гидролокаторы и пошли плотным строем прочёсывать глубины. А мы были от них в 60–70 кабельтовых. Очень близко, учитывая

возможности их поисковой аппаратуры. Что делать?

Я развернулся и стал уходить в сторону океана. Но далеко особо не уйдёшь. Дошёл до кромки своего района и всё. Дальше боевое распоряжение не велит покидать пределы назначенной позиции.

И я принимаю решение: нырять под средней в ордере корабль. Разворачиваюсь, увеличиваю ход и прямо под средней корабль.

А народ-то мой волнуется, шумы винтов в отсеках слышно. Вся надежда, что командир всё знает. Ведь мы вдалеке от Родины. А было мне в этот момент всего 32 года.

Евгений Симонов:

— Мы слышали шумы гребных винтов прямо над головой. Но это полбеды. Хуже всего, что американцы бросали сигнальные бомбочки. А они по 3–4 килограмма. И не поймешь, то ли это профилактическое бомбометание, то ли это сигналы по международному коду (требование всплыть)...

Григорий Бутаков:

— И вот иду я под этим «Рестигушем». Они меня не обнаружили. Может, раньше что-то почуяли. Пошли искать... Поисковый ордер дошёл до внешней кромки моего района, и дальше они пошли. А мне-то дальше нельзя. Они пошли в открытый океан, молотят своими гидролокаторами. Самолёты туда полетели. А я поотстал да и обратно вернулся.

И тут «Мичиган» стал уходить. Я его обнаруживаю, слежу за ним с дистанции примерно 40–60 кабельтовых. Контакт классифицировали. Записали.

Но часа через полтора и они нас обнаружили. Шумность-то у нас была приличная. Они всплыли в надводное положение и ушли в базу. Поломали мы им выход.

Тут стал я замечать, что особист учредил за мной самую настоящую слежку. Куда я, туда и он. Я в штурманскую рубку, и он за мной, я карту смотрю, и он за моей спиной. И так каждый раз. Я

не выдержал, пригласил его в свою каюту:

— В чём дело? Ты что, мне не доверяешь?

— Что вы, товарищ командир! Но почему вы всякий раз выбираете глубину погружения не так, как все командиры?

— То есть?

— Обычный командир погружался бы на пятьдесят метров для ровного счёта, а вы на сорок семь. Или на девяносто семь, как сейчас, а не на сто, как это сделал бы командир, с которым я раньше ходил.

Короче, усмотрел он в моём выборе глубин какой-то шифр, что ли... Ну, посмеялся я про себя, а ему ответил:

— Да потому, что я выбираю глубину не по ровному счёту, а по гидрологии! Или по изобате... И потом, «семёрка» — моё счастливое число. Никогда не подвела.

Капитан-лейтенант Юрий Еремин:

— Американцы догадывались о нашем присутствии и потому искали нас плотно. Корабельная поисково-ударная группа буквально выжимала нас из интересовавшего нас района. Глубины небольшие, в три раза меньше нашей предельной отметки. И тут я нашёл на карте одну котловину, неширокую — всего в три мили, но глубиной около километра. Бутаков спрашивает меня:

— Ну, что, штурман, нырнём туда?

Для того чтобы сказать ему «да», надо было точно знать своё место. Но, как известно, неточность в определении накапливается даже за сутки... Рискованно это было. Но ведь вся наша подводная служба — это сплошной риск. А тут был вполне реальный риск, мягко говоря, касания грунта. На деле при погружении это «касание» могло обернуться серьёзным ударом о каменное дно со всеми вытекающими последствиями. И всё же нам удалось плавно вписаться в эту котловину и уйти на предельную глубину. Американцам и в голову

не пришло, что мы полезем в эту дыру. Поэтому пошли искать нас дальше. А мы отсиделись и снова ушли к Хуан-де-Фука...

Тот поход запомнился мне ещё и тем, что 28 сентября мне исполнилось 28 лет. И я отметил этот праздник у берегов Америки.

Погружаясь в этот океанский «колодец» глубиной в километр, Бутаков рисковал своей жизнью, жизнью своего экипажа. Он рисковал и международным престижем своей страны. Случись что-нибудь с его кораблем у берегов США, и такая бы свистопляска началась... Он хорошо это понимал, как понимал и то, что, быть может, в те самые дни, когда К-360 выслеживала в проливе Хуан-де-Фука подводный ракетносец «Мичиган», нечто подобное делала некая американская атомарина у выхода из Кольского залива или навешивала в Охотском море на кабель стратегической связи подслушивающее устройство. Шла «холодная война», и подводный флот каждой стороны принимал свои «адекватные меры».

Григорий Бутаков:

— Итак, мы укрылись на большой глубине посреди плоской «горячей скородки». Нас искали долго и совсем в другой стороне.

Я даже вздремнул в центральном посту маленько. Вдруг вахтенный офицер за плечо трясёт:

— Товарищ командир, вас тут по звукоподводной связи вызывают!

— Кто вызывает?

— Не могу знать!

Подумал сначала, что это наша подводная лодка, с которой мы в паре ходили. Но у неё район за сто миль, если не больше. Никакая ЗПС не пройдёт. А до России ещё полсвета... Вхожу в рубку акустиков и тут слышу, как на русском языке с большим акцентом медленно произносят:

— Виктор-три, я вас наблюдаю!.. Виктор-три, я вас наблюдаю...

Американец!

Подводный ракетносец США типа «Мичиган»

Ну, думаю, если бы ты нас наблюдал, то и молчал бы. А так ещё только пытаешься это сделать. На психику давишь... А нервы у нас не из лыка шиты... Попробуй выковыряй нас из этой расщелины!

Григорий Бутаков:

— Американцы остервенели. Вертолёт подняли, стали нащупывать меня, наверное, где-то хватанули... Двое вели, а третий проверял слежение вместе с «Орионом». А я опять своим излюбленным приёмом ушёл под один из кораблей. Они, наконец, поняли, где я от них прячусь. И этот фрегат, под который я ушёл, рванул вперёд. Он даёт 15 узлов, и я тоже. Он 20, и я 20. Он 30, и я 30. Так и ходили, пока поблизости не оказалась большая цель. Я застопорил турбины, стал слушать. Транспорт какой-то шёл в Сиэтл — я под него. И снова вернулся на исходную. Мне самое главное, чтоб меня в открытый океан не выгнали. Там-то они разгуляются, буев набросают, никуда не уйдёшь. А здесь, в узкости, в стеснённых обстоятельствах, можно было играть в кошки-мышки. Как говорят китайцы, безопаснее всего в пасти тигра. Вот я в этой пасти и прятался. Главное, что успел задание выполнить. Шумы «Мичигана» у нас уже были на магнитофоне...

Так что, несмотря на хваленую противолодочную оборону, можно было работать даже у входа в американские базы.

Из того похода мы вернулись в базу 20 октября все живые и здоровые. К нам на лодку примчался начальник штаба дивизии, глянул в наши отчёты: «Вы что там натворили?! Немедленно журнал переписывайте!» А как его перепишешь, там у нас столько эпизодов было, не успевали фиксировать.

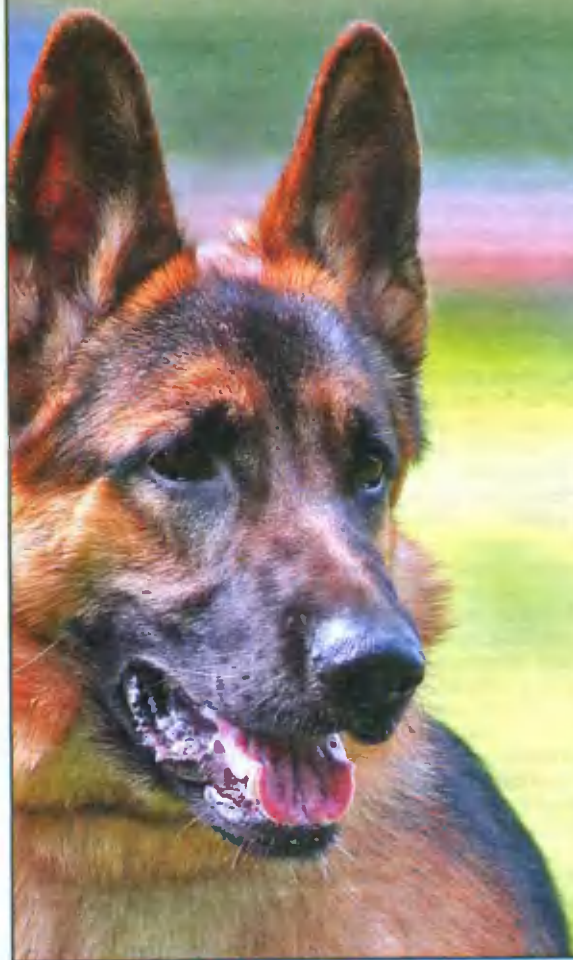
Страна так и не узнала о подвиге бутаковского экипажа. Даже на родном Тихоокеанском флоте мало кто знал, какой ценой были добыты ценные разведанные. Да, впрочем, они и сами-то не считали свой поход выдающимся деянием — обычной подводничья работа.

И только командующий 2-й флотилией Герой Советского Союза вице-адмирал Эдуард Балтин знал, чего стоили те 20 тысяч подводных миль и эта маленькая магнитофонная кассета с шумовым портретом «Мичигана». Именно он подписал представление командира К-360 на звание Героя Советского Союза. Жаль, что в высоких штабах так и не дали ход этому документу. Слишком молод командир, показалось кому-то. Как будто на войне кто-то смотрел на молодость и даже юность героев. Но Бутаков-то помнит о том наградном листе. И даже та не вручённая Звезда греет ему порой душу.

Санкт-Петербург
Фото автора и из семейных альбомов
Г. Бутакова и Е. Симонова

Юлия Трофимова

СОБАЧЬЯ СЛУЖБА С ПОДВИГОМ ДРУЖНА

Э то случилось в Ашхабаде накануне трагедии 6 октября 1948 года. Было уже около часа ночи, город спал. Владелец одного из частных одноэтажных домов, местный инженер, сидел за чертежами. В соседней комнате спали его жена и маленький ребёнок. Всё вокруг было тихо, ничто не предвещало надвигающейся беды. Вдруг снаружи послышался дикий вой, в дверь начали яростно скрестись. Испуганный хозяин понял: что-то случилось со сторожевым псом, немецкой овчаркой, и поспешил на помощь. Лишь только он открыл дверь, собака с оглушительным лаем ворвалась внутрь и побежала прямо в спальню. Хозяин бросился следом. Странное поведение собаки поразило его: обычно пёс был всегда спокоен и сдержан. И тут хозяина охватил ужас от того, что пришлось увидеть: в спальне собака выхватила спящего ребёнка из кровати, стараясь, однако, не причинить ему вреда, и выскочила с ним прочь из комнаты. Опомившись, хозяин сорвал висевшее тут же, на стене, ружьё и кинулся догонять собаку, успев при этом разбудить хозяйку. Едва муж и жена выбежали на улицу, освещённую фонарями, как сильный толчок сбил их с ног. Тут же раздался второй толчок, послышался сильный грохот, небо озарилось зеленоватыми вспышками света, отовсюду послышались отчаянные вопли людей...

Началось одно из самых сокрушительных землетрясений XX века. Последствия стихийного бедствия были катастрофическими: сейсмические толчки достигали 10 баллов. Утром жители столицы Туркменистана увидели, что их город практически стёрт с лица земли. Но немногие потом смогли описать свои впечатления. Из 196 тысяч жителей города спаслись лишь 20 тысяч.

Семья инженера тоже вошла в число спасённых, благодаря умному и преданному псу. То, что произошло в самом начале стихийного бедствия, потрясло хозяев не меньше, чем само землетрясение. Сразу после того, как они оба выбежали на улицу вслед за овчаркой, дом рухнул от первого же толчка буквально в одно мгновение, оставив после себя лишь стену пыли...

Но откуда собаке стало известно, что так случится? Учёные не знают, но подобные факты известны с древнейших времён. В развалинах Помпеи нашли собаку, которая, наверное, понимая, что ничего другого сделать не может, накрыла собой от пепла мальчика. Наши братья меньшие ближе к природе и лучше чувствуют в ней какие-либо изменения: взять хотя бы пример с крысами, бегущими с корабля задолго до его гибели. Животные способны почувствовать подземные толчки даже небольшой силы: 1–3 балла.

В описанном случае большую роль сыграла ещё и порода собаки: немецкую овчарку не зря называют универсальной служебной собакой. Пройдя соответствующее обучение, она должным образом проявляет себя и на лугу среди овец (эта порода изначально считалась именно пастушьей), и на фронте в качестве санитары или связного. Среди многочисленных достоинств немецкой овчарки есть одно, в данном случае наиболее важное: любовь к детям. Собака быстро поняла (а сигнал о землетрясении был воспринят ею, судя по её реакции, буквально за несколько секунд до него), что помощь в первую очередь нужна была беззащитному хозяйскому малышу, и потому кинулась спасать именно его. В сущности, это был единственный способ заставить покинуть дом и хозяев.

«Пророк
Меремия»
Юлиус
Шнор фон
Карлсфельд

Сергей Дёмкин

СМОТЯЩИЕ ЗА ГОРИЗОНТ

Всемирно известный французский пророк XVI века Мишель Нострадамус предсказывал не только судьбы отдельных людей, но и грядущие глобальные события. Таким же редким даром обладает и современный провидец Маркос фон Ринг. И не он один.

Например, за несколько дней до выборов в Германии 2001 года Маркос поздравил Герхарда Шрёдера с предстоящей победой, предсказал избрание Джорджа Буша президентом США на два срока. Задолго до американского вторжения в Ирак назвал точную дату первых ракетных ударов. В 1999 году принял участие в поиске исчезнувшего самолёта и не только указал на карте точное место авиакатастрофы, но и сообщил, где находятся уцелевшие пассажиры. И пострадавших удалось спасти.

Швейцарец по национальности, Маркос фон Ринг родился в Париже. Провидческий дар проявился у него ещё в детстве. Ему было достаточно взглянуть на фотографию человека или (как и знаменитому американскому предсказателю Эдгару Кейси) узнать его дату рождения, чтобы рассказать о его настоящем, прошлом и будущем и даже о проблемах со здоровьем.

— Существуют разные способы использования провидческого дара, — говорит Маркос. — Можно предсказывать будущее людей или исцелять их. Конечно, последнее очень гуманно, но при этом нужно обладать и солидными медицинскими знаниями, а ещё лучше — быть врачом, чтобы не допустить ошибки. Я начинал работать в основном с частными лицами, но потом почувствовал, что намного интереснее иметь дело с организациями, компаниями, политическими партиями. Поэтому занялся предсказаниями политических и экономических ситуаций.

Само предсказание сделать не трудно, гораздо сложнее определить, какие действия необходимо предпринять для того, чтобы избежать возникновения возможных проблем или решить их.

Так же, как у врачей. Недостаточно поставить диагноз, нужно сделать всё возможное для выздоровления пациента. К сожалению, не всегда это удаётся. Бывает, что от судьбы не уйдёшь. В качестве примера Маркос рассказывает о своей работе в Боливии:

— В этой стране был демократически избранный президент, с которым я сотрудничал в рамках его избирательной кампании. Вскоре после его избрания мне было видение, что он потеряет должность. Я передал эту информацию президенту через его окружение, но, к сожалению, слишком поздно, изменить ситуацию было уже невозможно. В результате государственного переворота к власти пришёл второй президент, который являлся вице-президентом первого. Как только он взял в свои руки бразды правления, я увидел, что и у него нет политического будущего, что он не сохранит за собой президентство даже на время, предусмотренное законом. Поэтому за шесть месяцев до того, как случился очередной государственный переворот, я решил сообщить, каким образом это произойдёт. В то время я вёл своё телевизионное шоу. И вот еженедельно, где-то за неделю вперёд, я стал рассказывать, как будет развиваться ситуация. И опять всё произошло именно так, как я предсказывал.

Кстати, в те же годы СМИ широко комментировали и другое предсказание Маркоса. В 2002-м проходил конкурс «Мисс Вселенная». За день до финала газета «EL DEBER» опубликовала сенсационное сообщение о том, что в конкурсе победит представительница одного из постсоветских государств. Через день после финала, когда мисс Вселенной была избрана Оксана Фёдорова из России, та же газета напечатала интервью с фон Рингом, предсказавшим её победу.

— До окончательного решения о том, кто станет мисс Вселенной, девушка из России не входила в десятку лучших претенденток, — рассказывал провидец, — для большинства людей моё предсказание представлялось аб-

совершенно нелогичным, даже нелепым. Но оно сбылось. Потому что основывалось не на моей фантазии или логических построениях, а на поступлении опережающей информации.

У меня есть определённая техника, которую я применяю для того, чтобы предсказать, в какой географической точке произойдёт то или иное событие. Сначала я представляю ситуацию, связанную непосредственно с каким-то человеком или вообще возможностью какого-то события. Потом закрываю глаза и медитирую в рамках этой ситуации.

В случае, о котором идёт речь, я медитировал в отношении всех континентов. Постепенно, одна за другой, исчезли Северная и Южная Америки, Австралия и Африка. Остались только Европа и Азия. Потом я как бы «приблизился» к двум оставшимся континентам. И точно так же, как это произошло вначале, первым пропал образ Западной Европы, затем Азии и Восточной Европы. Перед моим мысленным видением осталась только Россия. Так я определил то географическое пространство, откуда будет родом женщина, которая станет победительницей конкурса.

Маркос фон Ринг постоянно подчёркивает, что сделать какое-нибудь предсказание вовсе не значит задать мысленный вопрос и тут же получить ответ. Это процесс куда более сложный и во многом аналитический.

– Мне нужно время для того, чтобы изучить уже существующую ситуацию. Особенно в таких областях, как политика и экономика. Дело в том, что в моём сознании есть два канала, которые я использую для получения той или иной информации. Первый канал, как и у всех обычных людей, – наша фантазия, то, что мы сами воображаем в нашем сознании. Мысленное или, если хотите, духовное видение не зависит от нашего мозга. Провидец как бы открывает в себе некие врата, которые дают возможность доступа в иной информационный или духовный мир.

Задача прорицателя состоит в том, чтобы описать то видение, образ, возникающий при выходе в этот мир. Конечно, при этом случаются и несбывающиеся предсказания. Однако вовсе не потому, что, скажем, какое-то видение оказывается абсолютно неправильным или неоправданным. Причина в другом: можно неверно интерпретировать один или два образа в рамках этого видения. Ведь в конечном счете провидцы те же люди...

Важное место в последних предсказаниях Маркоса фон Ринга занимает Россия. «Оранжевая революция» в ней не произойдёт, ситуация в целом выглядит достаточно хорошо. После президентских выборов 2008 года будет продолжаться политический курс Путина. Его преемником станет сейчас ещё мало известный человек, примерно одного с ним возраста, из обеспеченной семьи, юрист по образованию, в прошлом судья или работник законодательного органа. Нынешний президент останется в большой политике.

– Этот человек давно привлёк моё особое внимание. Я сразу увидел, что у него весьма успешное будущее на очень высоком уровне. Есть люди с очень мощной аурой. Путин обладает наиболее сильной аурой, чем те люди, чьи образы и ситуации я изучал в последнее время, рассматривая их политическое будущее. Значит, он продолжит активную деятельность в течение достаточно длительного времени.

Провидца часто спрашивают, что произойдёт на Земле в результате глобального потепления климата, не уйдут ли под воду некоторые страны. Вопрос этот очень сложный, поскольку касается всей планеты, отвечает Маркос, коротко и определённо ответить нельзя. Гораздо легче предсказать, например, исход выборов. Но он предвидит, что положение на планете будет ухудшаться.

– Существует много предсказаний, которые описыва-

ют именно такую ситуацию. Я не люблю говорить о них, потому что они непродуктивны. И ничего нельзя в этом отношении сделать. Время от времени такие глобальные изменения происходят, как, например, смещение полюсов. То же самое вам скажут и учёные. Я же предпочитаю работать в другом ключе: рассматриваю те ситуации, которых можно избежать, предотвратить или, по крайней мере, изменить какие-то составляющие, чтобы конечный результат был лучше. Но, повторяю, то, что мне виделось в отношении глобального изменения климата, не слишком оптимистично.

Многие полагают, что Маркос фон Ринг – это такая же редкость, как, скажем, знаменитая болгарская прорицательница Ванга. Но, оказывается, провидцы встречаются практически повсюду.

Уже много лет в Литве большой популярностью пользуются предсказания прорицательницы Лены Лолишвили, грузинки, давно живущей в Вильнюсе. Причём она не занимается на мелочи, а заранее сообщает о важных событиях в политической жизни страны. Например, в 1987 году Лолишвили предсказала Бразаускасу, что через тринадцать лет он станет первым президентом независимой Литвы. В 1995 году предсказала, что следующим лидером литовцы изберут «человека родом из Америки». И действительно, через несколько лет победу на выборах одержал выходец из США Адамкус. В 1996 году Лена встретила с Роландасом Паксасом и предрекла ему, что он будет избран на высокий пост. Паксас стал главой правительства.

А вот в Испании полиция охраняет 76-летнюю бабушку по имени Хосефа, которая живёт в маленьком портовом городишке Эль Пуэрто де Санта-Мария, неподалёку от Кадекса. Старушка не умеет ни читать, ни писать, но, как свидетельствуют её соседи, знает всё наперёд: кто и когда женится, заболит или уедет искать счастье по свету. Однажды она подсказала одному из 23 своих внуков результаты 14 матчей национального чемпионата по футболу, и он выиграл один из главных призов в конкурсе болельщиков. С этого, собственно, всё и началось. Корреспондент мадридской газеты «Эль Мундо» взял у парня интервью, в котором тот простодушно рассказал об уникальном даре своей бабушки. И разразилась катастрофа: Хосефу стали осаждать желающие узнать итоги предстоящих футбольных матчей и различных соревнований, чтобы наверняка играть на тотализаторе.

Когда старушка давала советы внуку, она просто не думала о последствиях, которые, конечно же, заранее открылись бы ей. Теперь предсказательница обратилась в полицию за защитой, утверждая, что в противном случае её похитят преступники. Впрочем, Хосефа иногда предсказывает и многие более важные вещи – стихийные бедствия, транспортные катастрофы, политические события. Например, как говорят её близкие, в своё время их неграмотная бабушка сказала, что человек, которого русский лидер Ельцин считает самым верным союзником, предаст его. И даже назвала имя – Руслан.

В Испании живёт и другой провидец – Карл Бравоски. Известен он стал после того, как поставил необычный опыт. Скептики, не верящие в возможность предвидеть будущие события, утверждают, что прорицатели и гадалки занимаются обманом, их предсказания слишком неконкретны, туманны и поэтому допускают любое толкование. Бравоски решил наглядно продемонстрировать, что можно делать и вполне конкретные предсказания. На глазах у многочисленных журналистов и фотографов он записал на листе бумаги краткое содержание передовицы, которая появится через две недели в «Опиньон». Листы спрятали в портативный сейф; чтобы исключить чей-либо доступ к нему, сейф поместили на всеобщее обозрение в стеклянную витрину, оборудованную новейшей сигнали-

заций. В день выхода газеты независимые контролёры вскрыли сейф и прочитали текст, написанный Бравоски: он совпал с содержанием передовицы «Опиньона» почти дословно!

Журналисты заинтересовались, как далеко в будущее провидец может заглянуть. Озадаченный Бравоски ответил, что не пытался выяснить это, не было необходимости. «Но попробовать можно», – добавил он и вошёл в транс. Через несколько минут открыл глаза и сообщил, что через сто лет самыми востребованными профессиями будут «мастер-наладчик по уму и настроению» и «генетический художник», а вот клерков, полицейских и продавцов заменят компьютеры, управляющие роботами.

У австралийских аборигенов непререкаемым авторитетом считается колдун-предсказатель по имени Наматджира. После того как газеты рассказали об истории Джека Лоусона, к провидцу валом повалили и белые австралийцы. В середине 90-х годов прошлого века Наматджира предсказал Лоусону, что через десять лет тот умрёт, а потом станет богатым. Как это произойдёт, он не уточнил, и поэтому здоровяк Джек не принял всерьёз абсурдное пророчество. И вот в 2005 году он попал в автомобильную катастрофу. Врачи «скорой» констатировали остановку сердца и клиническую смерть. К счастью, в реанимбиле пострадавшего удалось вернуть к жизни. Через месяц Джек выписался из больницы и, будучи заядлым курильщиком, напрямик направился к табачному киоску. Сдачи у продавца не было, и он предложил Джеку лотерейный билет. А в ближайшем тираже на этот билет выпал выигрыш в 150 000 австралийских долларов. Лоусон купил ферму, приносящую солидный доход. Сбылось «абсурдное» предсказание!

К числу известных провидцев относится и шотландец Билл Маклеод, всю жизнь проживший в Зимбабве. За точность предсказаний его прозвали «африканским Нострадамусом». В частности, он день в день назвал даты провозглашения Нельсона Манделы президентом Южной Африки и бракосочетания принца Чарльза и Дианы, а также предсказал успех Маргарет Тэтчер на выборах 1979 года, тогда как многие сомневались в этом.

Во время борьбы за свои права чёрного большинства населения Южной Родезии (нынешнего Зимбабве) тогдашний премьер Ян Смит бросил Маклеода за решётку как «шпиона Нкомо»: шотландец с поразительной точностью предсказывал, когда и где бойцы Джосуа Нкомо собьют очередной самолёт родезийской армии. Но и Нкомо тоже не жаловал прорицателя. Незадолго до его смерти в 1957 году вице-президент Зимбабве подал на Маклеода в суд за то, что месяцем раньше тот предсказал, будто скоро один из двух вице-президентов серьёзно заболеет. А через три дня Нкомо срочно отправили на операцию в Южную Африку. Из клиники он вернулся в Зимбабве как раз к похоронам Маклеода и публично признал, что покойный был прав. А вот собственную смерть всезнающий шотландец «увидеть» не смог: он скончался от сердечного приступа у себя дома в Булавайо, причём, судя по всему, совершенно неожиданно для себя.

В Болгарии, в небольшом селе неподалёку от города Тырговиште, живёт бабушка Славка – необычная «ночная» пророчица. Дело в том, что знание о будущем приходит к ней в виде пророческих снов, в которых фигурируют только молоденькие девушки.

Началась эта «прогностика во сне» с того, что 70-летней бабушке Славке несколько ночей подряд снился один и тот же тревожный сон. Будто её младшая и любимая внучка, 14-летняя Милица, беременна. Обеспокоенная старушка прямо спросила у матери девочки, правда ли это. Та даже обиделась – что за глупость?! Однако всё же спросила у дочери, не перешла ли её дружба с одно-

классником дозволенные рамки. Милица побоялась сказать матери правду: в Болгарии сексуальная революция, к счастью, ещё не докатилась до сельской глубинки. А бабушке продолжали сниться тревожные сны. Мать, наконец, сводила Милицу к врачу, и выяснилось, что дочь действительно беременна.

После этого и стало беспокоить бабушку Славку по ночам легкомысленное поведение всех девиц их села. Дело кончилось тем, что теперь никто из молодёжи не решается заниматься сексом до брака. А к ясновидящей стали приезжать матери из окрестных деревень. Чтобы выполнить все их просьбы, смеётся бабушка, нужно спать 24 часа в сутки, а у неё старческая бессонница.

Маленькую мексиканскую деревушку Кабеситу прославил на всю страну 12-летняя прорицательница Долорес Агуа, «мексиканская Ванга». Дело в том, что дар предвидения появился у девочки, как и у знаменитой болгарской ясновидящей, после клинической смерти в результате авткатастрофы. Долорес точно назвала матери день, когда её выпишут. Оказавшись дома, она стала сообщать родственникам обо всех мало-мальски важных событиях, которые их ожидают. Слухи о предсказательнице быстро распространились по всей округе. Долорес не отказывает никому, безошибочно предсказывая изменения в жизни, например, браки и рождения детей, прогнозы на урожай и результаты футбольных матчей, даже называет даты смерти. Как считают эксперты по паранормальным явлениям, вполне возможно, что в мексиканскую девочку переселилась душа болгарской прорицательницы. Правда, в отличие от неё Долорес «работает» только в лунные ночи.

В последнее время СМИ то и дело сообщают о появлении новых малолетних провидцев в различных странах. Так, в иракском городе Ан-Наджар, расположенном в 160 км к югу от Багдада, объявился малолетний оракул Мухаммед Али Казым, настолько точно предсказывающий будущие события, что слава о нём пошла по всей стране. Во Франции провидческий дар обнаружился у Патрисии Люмо. Однажды её родные собрались в Париж, и девочка посоветовала им ни в коем случае не останавливаться в одном недорогом отеле. Между тем при ней разговора об этом отеле не заводили, так что Патрисия не могла услышать его название. Когда девочку стали расспрашивать, почему не следует останавливаться там, она ответила, что на него «упадёт большой самолёт». Действительно, неделю спустя на этот пригородный отель рухнул потерпевший крушение «Конкорд».

В США объектом изучения видных психологов и исследователей паранормальных явлений стал пятилетний Питер Ван-Диз. В три года, не умея ни писать, ни читать, малыш выложил из кубиков с буквами предложение: «Папу возьмут на работу». Вечером в тот же день отец Питера, больше трёх месяцев искавший новое место службы, объявил семье, что наконец-то нашёл его. Правда, родители сочли это просто совпадением. Но, к их величайшему удивлению, сын стал безошибочно предсказывать и другие вещи: даты приезда родственников, результаты беисбольных матчей, победителей телевизионных конкурсов. Сейчас Питер лучше синоптиков даёт точный прогноз погоды на целую неделю.

Впрочем, у некоторых малолетних провидцев их дар проявляется выборочно. Так, в Японии трёхлетняя девочка по имени Хироко заранее знает, когда и по какому каналу будут показывать мультфильмы, передачи о животных и... выступления одного политического комментатора. А в Бразилии пятилетний Родриго Оливейро может за два месяца предсказать результаты футбольных матчей. Букмекеры согласны платить большие деньги его родителям, лишь бы они никому не позволяли расспрашивать мальчика об этом.

Василий Веденеев

ТИБЕТСКАЯ ОХОТА ДВУГЛАВОГО ОРЛА

В январе 1904 года из Петербурга в загадочную и запретную горную страну отправилась секретная русская миссия...

Ещё в XIX веке Россия начала проводить очень активную внешнюю политику на Дальнем Востоке, и это вызвало постоянное недовольство Британской империи. Вскоре возникла глухая дипломатическая война за влияние в этом стратегически важном для обоих государств регионе, в которой самое деятельное участие принимали русская и английская разведки.

ПРИЁМ В ЗИМНЕМ ДВОРЦЕ

Русское правительство очень интересовал Синьцзян, многонациональный северо-западный район Китая, непосредственно примыкавший к российской территории в Средней Азии. В 70-х годах там вспыхнуло антикитайское восстание местных мусульман. Китайские власти обратились за помощью к России. В Синьцзян были введены войска. Но и после подавления восстания ситуация оставалась тревожной. Беспокоило Россию и то, что на отдалённую китайскую провинцию положила глаз Британская империя. Эта область граничила с Тибетом, являясь как бы его преддверием, и вполне могла стать театром военных действий. Поэтому для русского Генерального штаба крайне важно было знать все пути в этом регионе и вероятность их использования для переброски английских войск к границам среднеазиатских владений российской короны. Известно, что император Александр II, прозванный Освободителем, специально приказал в самые сжатые сроки построить в Азии железную дорогу и отвести от неё ветки к горам для удобства доставки в районы возможных боевых действий живой силы и боеприпасов. Дипломатическая война с Англией за влияние в Азии могла очень быстро перерасти в открытое ожесточённое вооружённое столкновение: британцы свято оберегали «жемчужину короны» – Индию – и ради обеспечения безопасности своей самой богатой колонии не остановились бы ни перед чем.

В течение ряда лет под эгидой Императорского русского географического общества в районы Средней Азии Россия направляла экспедиции. Четыре из них – под командованием опытного офицера и знаменитого путешественника Николая Пржевальского, впоследствии получившего генеральские эполеты и занимавшего высокие государственные должности. Там же успешно работали экспедиции офицера Генерального штаба П. К. Козлова и известного путешественника Вс. И. Роборовского. Русское влияние в Азии постоянно и неуклонно возрастало.

В 1902 году в Санкт-Петербурге на самом высоком уровне приняли решение направить в Тибет специальную секретную разведывательную миссию – русская военная разведка предполагала проникнуть в таинственный и запретный район Тибета с помощью калмыков, исповедовавших буддизм и служивших во Всевеликом Войске Донском. Разведывательную группу возглавил подъесаул

Уланов, хорошо владевший тибетским наречием. Вместе с ним предполагалось направить штатного гелюна – военного буддийского священника – Дамбе Ульянова из станицы Потаповской и переводчика – казачьего урядника той же станицы Лиджи Шарапова.

Подъесаул Уланова без лишнего шума перевели в столицу и зачислили вольнослушателем в Академию Генерального штаба, где он весьма преуспел в освоении специальных дисциплин, необходимых для выполнения тайной разведывательной миссии. Подготовка продолжалась почти два года, но её пришлось форсировать из-за агрессивной политики Англии. Воспользовавшись начавшейся русско-японской войной, британцы ввели свои войска в Тибет и оккупировали Лхасу. Тибетцы отчаянно сопротивлялись, однако силы были явно неравными, и далай-лама бежал в Монголию. России требовалось решить вопрос таким образом, чтобы заставить англичан немедленно вывести свои войска, воспрепятствовать установлению британского контроля над Тибетом и добиться его относительной самостоятельности под верховной властью Китая. Однако события разворачивались не самым благоприятным для России образом: англичане сумели подписать с тибетскими чиновниками договор, по которому Китай утрачивал полностью все свои позиции в Тибете.

В январе 1904 года военный министр А. Н. Куропаткин направил на имя императора Николая II специальную записку, в которой предлагал для соблюдения полной тайны уволить подъесаула Уланова в запас сроком на один год, а в последующем полностью восстановить его в рядах русского офицерского корпуса с зачётом выслуги лет, проведённых в тайной разведывательной экспедиции. Император дал согласие и разрешил отпустить из казны почти четырнадцать тысяч рублей (весьма крупная по тем временам сумма) на необходимое вооружение и подарки для успешного осуществления намеченного предприятия. Мало того, император пожелал лично встретиться с подъесаулом Улановым и гелюном Ульяновым.

Аудиенция состоялась 14 января 1904 года в три часа дня в Зимнем дворце. Она проходила тайно и в нарушение всех правил придворного этикета – приглашённым во дворец офицерам разрешили прибыть не в парадных мундирах, а в штатском платье. Кроме того, предпринимались различные меры, чтобы сведения об этой встрече не просочились в печать. Даже министр двора не был в курсе событий.

– Угроза военного конфликта с Англией из-за тибетского вопроса реальна, – сказал разведчикам Николай II. – Обстановка очень сложная, и ваша задача детально разобраться в происходящем. Помните, господа, ваша миссия направлена на защиту национальных интересов России!

ТРАГЕДИЯ В ПУТИ

В январе 1904 года экспедиция скрытно покинула Санкт-Петербург и к весне сумела добраться до Средней Азии, где продолжила подготовку вплоть до сентября – для обеспечения полной секретности калмыки выдавали себя за жителей разноплеменной провинции Синьцзян. Трудность состояла в добывании соответствующих документов: британская разведка тоже не дремала. Наконец, с помощью сотрудинок русского представительства в Кульдже удалось получить необходимые бумаги. Там же в состав экспедиции приняли четырёх местных жителей – опытных проводников-караванщиков.

Составив небольшой караван и одевшись как буддийские монахи-паломники, разведчики двинулись вглубь китайской территории. Казалось, всё шло отлично, но вскоре случилось непредвиденное – внезапно тяжело заболели подъесаул Уланов и урядник Шарапов. Болезнь оказалась совершенно незнакомой даже местным ле-

карям: они только сокрушённо цокали языками и беспомощно разводили руками. Через несколько дней Улянов скончался. Его гибель осталась тайной: не исключено, что подъесаул стал жертвой происков британской агентуры и был отравлен. Зато Шарапов пусть медленно, но сумел победить болезнь.

Разведгруппа осталась без руководителя, прошедшего специальный курс в Академии Генштаба, это ставило под угрозу успех всего тайного предприятия. Поразмыслив, гелюн Дамбе Улянов срочно поскакал в Кульджу, где располагалась русская миссия.

– Вам придётся взять руководство на себя, – сказали Улянову в Кульдже. – Мы запросили Санкт-Петербург. Его императорское величество, господин военный министр желают вам успеха в благородном и опасном деле. Государь особо выразил надежду, что вы сумеете достойно завершить дело, начатое подъесаулом Уляновым. И просил напомнить: оно касается национальных интересов России!

– Улянов с отличием закончил военное училище и Академию Генерального штаба, – горько вздохнул гелюн. – У меня нет опыта военного разведчика.

– Зато у вас есть знания буддийского религиозного служителя, – ответили ему. – И вы – военный священник Всевеликого Войска Донского! Играйте роль знатного паломника. В Санкт-Петербурге с нетерпением ждут добрых вестей. Желаем удачи!

Так Дамбе Улянов стал руководителем тайной разведывательной миссии в Тибет. Он повёл свой небольшой караван к Чоенским горам и зазимовал там у цайдамских калмыков, с которыми легко нашёл общий язык. В марте 1905 года экспедиция двинулась через перевалы. Встречавшиеся на границе Тибета воинственные племена благодаря артистическому таланту, удачной маскировке и знаниям Улянова считали его гегеном – буддийским духовным лицом высокого ранга – и принимали с подобающим почётом. Это вселяло в разведчиков определённые надежды.

ЛХАСА

В конце мая тайная миссия прибыла в столицу Тибета – загадочную для европейцев Лхасу. Продолжая успешно играть роль гегена, Улянов и там нашёл радушный приём и даже стал пользоваться определённой популярностью среди местного населения и паломников. Он здраво рассудил, что излишнее внимание ему совсем ни к чему, и начал ежедневно старательно поклоняться местным святым, что прибавило ему «праведности» в глазах мистически настроенных тибетцев. Однако в Лхасе хватало тайных британских агентов, пристально наблюдавших за каждым шагом Дамбе.

Тогда гелюн сделал блестящий ход. Ещё до экспедиции в Тибет Улянов написал на местном языке трактат по одному из спорных вопросов буддизма. Теперь он достал его из походной сумки и предложил для обсуждения местному высшему духовенству. Эффект был впечатляющим: русского разведчика признали знатоком учения Будды. А английская агентура убедилась, что в Тибет прибыл обычный религиозный фанатик, и потеряла к гелюну интерес, чего он, собственно, и добивался.

Осторожно собирая необходимую информацию в беседах с паломниками, караванщиками, местными жителями и буддийскими священнослужителями, гелюн получал сведения о положении дел в стране. Вскоре он погнал на приём к Голдану Гива-Рамбуче, правившему Тибетом в отсутствие далай-ламы. От него стало известно, что благодаря дипломатическим усилиям России англичане вывели войска, однако реальная угроза нового вторжения оставалась. Британцев сдерживала только боязнь крупномасштабного конфликта с Россией.

Казалось, всё складывалось удачно, но тут произошло новое, совершенно загадочное происшествие: ночью урядник Шарапов выпал из окна третьего этажа здания, где размещалась русская тайная миссия. Сам Лиджи не мог объяснить, почему это произошло. Скорее всего, это были происки всё тех же британских агентов, действовавших в Лхасе. Урядник разбился о камни так, что надежды на его исцеление не оставалось. Улянов уже решил, что теперь он останется совсем один и следующим отправится на небо. Британцы на всякий случай предпримут все меры, чтобы никого не выпустить из «запретной страны». Однако местный лекарь авторитетно заверил гелюна, что обязательно вылечит Шарапова и не позднее чем через два месяца тот сможет самостоятельно сесть в седло. Так и получилось. Как и чем лечил урядника – осталось тайной. Улянов предпринял ряд настойчивых попыток проникнуть в секреты тибетской медицины, но совершенно безуспешно. По местным обычаям все знания передавались только внутри рода или по наследству.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В середине августа 1905 года русская тайная миссия покинула Лхасу и отправилась в обратный путь. Помня о двух трагедиях, Улянов и Шарапов постоянно держались настороже, но всё обошлось. 17 марта 1906 года разведгруппа прибыла в столицу Российской империи Санкт-Петербург. Гелюн немедленно засел за свои заметки, которые в целях конспирации и соблюдения секретности вёл на калмыцком языке. На основе путевых заметок он подготовил для Военного министерства и Министерства иностранных дел серьёзные и обширные доклады о проделанной работе. Собранные и систематизированные военным буддийским священником сведения вызвали большой интерес и получили высокую оценку русского правительства. А вскоре начались переговоры с далай-ламой о возвращении его в Лхасу. Но тот поставил неременное условие – охрана русскими казаками от англичан. В конце концов удалось договориться, что к границам Тибета на территорию Монголии будет направлено подразделение казаков-бурят, одетых, в целях конспирации, в национальное платье. Кроме того, в Тибет намеревались направить две долговременные большие русские «научные экспедиции» под командованием капитана Козлова и ротмистра Казакова. Правда, впоследствии от этих планов пришлось отказаться, дабы не создавать излишней напряжённости в этом регионе, хотя Козлов и Казаков, кроме военного опыта, имели большой научный авторитет. Но казаки из бурят в Монголию всё же прибыли.

Россия провела успешные переговоры с Китаем и Великобританией, в которых большую помощь оказали сведения, добытые тайной экспедицией. В 1907 году было заключено англо-российское соглашение: британцы с большой неохотой признали Тибет частью Китая и обязались поддерживать с ним отношения только через китайское правительство. Далай-лама сначала жил в монастыре Гумбут, недалеко от тибетской границы, а затем вернулся в Лхасу.

Долгие десятилетия русская военная разведка тщательно хранила секреты тайной миссии в Тибет. Надо полагать, что далеко не все из них раскрыты и в наше время, поскольку досконально неизвестно, какие конфиденциальные поручения давал император Николай II отправлявшимся в Тибет разведчикам, тайно принимая их в Зимнем дворце. А результаты работы возглавившего секретную миссию Дамбе Улянова никогда не публиковались. Но даже скудные сведения о тайной миссии русской военной разведки в Лхасе приоткрывают завесу над одной из сокровенных тайн XX века.

Мадемуазель Ледю, звезда парижского кордебалета, расположилась в парусиновом шезлонге в центре сцены. Луч прожектора на мгновение остановился на её красивом лице, скользнул по стройной фигуре с роскошными формами. Голубым огнём вспыхнул драгоценный камень в алмазном ожерелье, которое украшало и без того впечатляющее декольте примадонны.

Из глубины личной ложи с вождением глядел на неё русский князь Иван Корытовский. Мадемуазель Ледю была его любовницей. И потрясающее по красоте алмазное ожерелье, при виде которого начинали учащённо биться сердца знатоков драгоценных камней, тоже принадлежало Корытовскому.

Спектакль ещё не кончился, когда прозвучал выстрел. Мадемуазель Ледю рухнула на сцену. Князь в начавшейся суматохе незаметно покинул ложу и скрылся.

Мотивом убийства, скорее всего, была ревность. Актрисы, как известно, никогда не отличались строгим нравом. Мадемуазель Ледю не была исключением. Однако подозрения так и остались подозрениями, потому что через два дня не стало и самого князя – ночью его зарезали на улице грабители.

Эти две смерти в самом начале двадцатого века пополнили длинный список несчастий, которые принёс своим владельцам алмаз Хоупа – огромный камень сочного голубого цвета.

По преданию, алмаз этот был найден в копях Коллур недалеко от Голконды. Французский путешественник Тавернье увидел его в индийском храме – камень украшал одного из многочисленных богов. Тавернье завладел им и в 1669 году привёз во Францию. Тогда алмаз весил 112 карат и был размером с мячик для игры в гольф, то есть был раза в три больше своих теперешних размеров.

Коллекция алмазов путешественника и авантюриста приглянулась Людовику XIV, и он не раздумывая заплатил за неё в пересчёте на современные цены порядка 100 миллионов долларов.

Больше всего королю Франции понравился огромный голубой алмаз. Надо сказать, Король-Солнце обожал драгоценные камни, особенно алма-

Наум Митин

БЕДА В 47 КАРАТ

зы. Ими были расшиты его парадные камзолы, они украшали пуговицы и широкополюе шляпы. Алмазы сверкали даже на пряжках королевских башмаков. Говорят, в дни праздников или на приёмы иностранных послов Людовик надевал алмазов на десятки миллионов долларов.

Через четыре года после покупки король решил придать голубому алмазу ещё больший блеск. После шлифовки и огранки камень по форме стал похож на сердце и «похудел» до 67 карат. Слухи о потрясающем голубом алмазе, который Король-Солнце носит на ленте на шее, распространились по всей Европе. Камень стали называть «Голубым французом».

Злой рок алмаза проявился не сразу. Стоило Людовику XIV подарить его своей любовнице, госпоже де Монтеспан, как королевской фавориткой стала мадам де Ментенон, гувернантка детей Монтеспан.

Едва ли отставку фаворитки можно считать крупным несчастьем, но

вскоре один за другим начали умирать близкие королю люди: сын, брат, внук и жена внука, единственный человек, которого он по-настоящему любил.

В сентябре 1715 года скончался сам Король-Солнце. На престол взошёл его правнук, ставший Людовиком XV. В наследство от прадеда ему достались и королевские драгоценности. Первым делом Людовик приказал украсить голубым алмазом орден Золотого Руна, который он часто носил.

Любил носить орден со знаменитым алмазом и его внук Людовик XVI. Став королём в 1774 году, Людовик подарил драгоценный камень своей супруге Марии-Антуанетте. Трагическая судьба этого семейства всем хорошо известна. Падение Бастилии, террор, аресты и казни аристократов. На гильотине погибла большая часть французского дворянства. Ночью 20 июня 1791 года Людовик XVI с женой, детьми и гувернанткой пытался бежать из Парижа. В Варенне короля узнал симпатизировавший революции почтовый смотритель. Он предупредил солдат, и Людовик был схвачен.

Революционное правительство распорядилось доставить королевские драгоценности из Версаля в Париж и поместить их на мебельный склад, который тогда частич-

но был приспособлен под музей.

Теперь все желающие могли полюбоваться драгоценностями короны. Однако охрана была поставлена настолько плохо, что историки до сих пор недоумевают, как всё не разворовали раньше. Окна первого этажа не запирались, сторожа менялись в разное время, нередко спали на постах. Немудрено, что мебельным складом заинтересовался 35-летний вор Поль Мьетт. Он несколько раз приходил посмотреть на драгоценности и явно намеревался похитить их, но в марте 1792 года его арестовали за другую кражу и посадили в тюрьму.

10 августа толпа взяла дворец Тюильри. Королевскую семью в целях безопасности перевезли в Темпл, средневековую крепость, принадлежавшую ордену тамплиеров. Оттуда король с королевой вышли в 1793 году, но лишь для того, чтобы сложить свои головы на гильотине. Людовик XVI и Мария-Антуанеттаполнили список владельцев голубо-

го алмаза, умерших насильственной смертью.

Тремя неделями позже Париж вновь взбунтовался. Толпа ворвалась в тюрьмы, перебила 1200 аристократов и выпустила «обычных» узников, среди которых был и Поль Мьетт. А вскоре голубой алмаз исчез на 20 лет.

Две шайки воров, одну из которых возглавлял Мьетт, встретились в 11 часов вечера у мебельного склада. Пока одни изображали охранников, другие забрались на балкон второго этажа. Решётки на окнах не было, поэтому проникнуть внутрь не представляло особого труда. Легко взломав замок на сундуке, вору увидели коллекцию алмазов Людовика XIV во всем её блеске и великолепии. Мьетт взял себе белые камни, оставив разноцветные, включая и голубой алмаз, коллегам.

Добыча была столь велика, что всё унести за один раз не удалось. Следующей ночью вору вернулись, прихватив с собой хлеб, колбасу и вино. С аппетитом поужинали прямо на складе. И во время дележа алмазов, разгорячённые вином, перессорились. Они так шумели, пытаясь разделить добычу по справедливости, что разбудили сторожей. Те вызвали полицию. Разбойники за свою жадность поплатились головами.

Большую часть украденных драгоценностей удалось вернуть, однако голубой алмаз бесследно исчез. Но как сбыть самый известный в Европе драгоценный камень? Единственно возможным способом была повторная огранка. Её сделали в Амстердаме, европейском центре торговли алмазами.

В 1812 году голубой алмаз (размер его теперь составлял 2,5 сантиметра), всплыл в Лондоне. Новый владелец, торговец драгоценностями по имени Элиасон, продал камень в 1830 году за 30 тысяч фунтов стерлингов (1,1 миллиона долларов в современных ценах) Генри Филиппу Хоупу, члену известной в Британии династии банкиров. По имени нового владельца голубой алмаз с тех пор стали называть алмазом Хоупа.

Банкир, проживший всю жизнь холостяком, завещал своё громадное состояние трём племянникам. Старший, Генри, выкупил алмаз Хоупа и выставил его на выставке в Гайдпарке. Через семь лет специалисты пришли к выводу, что алмаз Хоупа, больше не имеющий формы сердца и весящий теперь «всего» 47 карат, и есть тот самый знаменитый камень, которым когда-то любовался Король-Солнце.

Генри Хоуп оставил голубой алмаз старшей дочери Генриетте, которая вышла замуж за Генри Пелхэма-Клин-

тона, пятого герцога Ньюкаслского.

После смерти Генриетты алмаз перешёл к её младшему внуку, лорду Генри Пелхэму-Клинтону. Финансовые проблемы заставили лорда продать его в 1901 году торговцу из Хаттон-Гардена за 33 тысячи фунтов стерлингов. Его светлость так переживал расставание с камнем, что запретил говорить о нём в своём присутствии.

Не принёс счастья алмаз и следующему владельцу. Француз по имени Колот сошёл с ума и покончил жизнь самоубийством. В каком состоянии он находился, продавая алмаз Хоупа князю Корытовскому, неизвестно.

После смерти Ивана Корытовского алмаз Хоупа купил турецкий султан Абдул-Хамид II, или, как его ещё называли, Абдул Проклятый. К тому времени уже вовсю ходили слухи, что знаменитый алмаз приносит своим владельцам одни несчастья. Абдул застрелил жену, султаншу Салму Зобейду, на которой в момент убийства как раз был этот камень.

В 1909 году Абдул-Хамида свергли младотурки. Новые власти выставили султанские драгоценности на продажу в Париже. Алмаз Хоупа купил некий Хабиб-бей. Через несколько недель корабль, на котором глыб ювелир, затонул километрах в 60 от Сингапура. Знаменитый алмаз ушёл на дно вместе со своим владельцем...

Однако вскоре выяснилось, что камень и не покидал французской столицы. В июне того же года он был вновь продан, на этот раз знаменитому парижскому ювелиру Пьеру Картье, одному из очень немногих владельцев, кому удалось избежать злого рока.

От Картье алмаз перешёл к Эвелин Уолш Маклин, дочери миллионера Томаса Уолша, разбогатевшего на золотых приисках Колорадо.

Детство Эвелин прошло на приисках и рудниках, но позже она получила самое лучшее по тем временам образование и вышла замуж за наследника газетной империи Эдварда Маклина, по богатству почти не уступавшего её отцу. Летом 1910 года, вскоре после рождения их первого ребёнка, Маклины отпраздновали в Париже. Картье показал им алмаз Хоупа. Миллионерше не понравилась оправа. Картье поменял оправу и вставил голубой камень в центр ожерелья из потрясающе красивых белых алмазов. В октябре того же года он привёз его в Нью-Йорк вместе с документами, рассказывающими о бурной истории алмаза, и разрешил Эвелин оставить ожерелье у себя на выходные дни. Хитрость эта сработала. В понедельник Эвелин уже хотела купить ожерелье. Весной 1911 года она приобрела его за 180 тысяч

долларов (7 миллионов в нынешних ценах).

Зная репутацию голубого алмаза, Эвелин Маклин буквально на следующий же день пошла с ним к священнику. После снятия порчи она практически постоянно носила ожерелье.

Эвелин не верила в дурную репутацию алмаза Хоупа, но после покупки её жизнь изменилась к худшему. Её брат умер молодым; старший сын, чьё рождение они отметили покупкой ожерелья, погиб в автомобильной катастрофе в возрасте 9 лет. Муж начал пить, семейная жизнь закончилась разводом. Единственная дочь Эвелин скончалась от передозировки наркотиков в 1946 году.

Сама Эвелин умерла от пневмонии годом позже. Скончалась она в субботу, когда банки были закрыты. Её душеприказчики едва не посидели от тревоги, не зная, где хранить ожерелье с алмазом Хоупа до понедельника. Выручил глава ФБР Эдгар Гувер, позволивший положить его в свой сейф.

Все 74 предмета коллекции драгоценностей Эвелин Маклин были куплены в апреле 1949 года нью-йоркским ювелиром Гарри Уинстоном за 1,5 миллиона долларов. Через 9 лет он подарил алмаз Хоупа Национальному музею естественной истории в Вашингтоне.

Ценный подарок пришёл в музей... заказной бандеролью. Почтальон, доставлявший посылку, попал под грузовик. Ему разможило ногу. На этом его несчастья не закончились. Он лишился жены и выпал из машины, а его любимая собака ухитрилась задушить его на поводке.

Сегодня все грани алмаза Хоупа в платиновом обрамлении переливаются в лучах искусственного света в столичном музее. Около голубого алмаза, медленно вращающегося на круглой подставке из светло-коричневого мрамора, всегда толпятся посетители.

Пожалуй, никакой другой драгоценный камень не охраняют с такой тщательностью, как алмаз Хоупа. Он лежит под толстым пуленепробиваемым стеклом и в любой момент может упасть в первое из нескольких сверхнадежных сейфов-хранилищ в основании стенда. Номер сейфа, в котором в случае опасности окажется камень, меняется каждый день. Вычислить его невозможно.

Алмаз Хоупа не перестаёт удивлять как обывателей, так и специалистов. В 1965 году учёные «Де Бирс» установили, что при облучении ультрафиолетовыми лучами он несколько минут светится, как раскалённый докрасна уголёк. Минералоги утверждают, что другие алмазы так себя не ведут.

ПОЧКА С ХАРАКТЕРОМ

Человек, которому пересадили жизненно важный орган, может в чём-то стать похожим... на своего донора. К такому сенсационному выводу пришёл после длительных исследований профессор психологии и медицины из Университета штата Аризона (США) Г. Шварц. По его наблюдениям, не менее 10% больных, получивших в результате операции трансплантации новые сердце, лёгкие, печень или почки, приобрели «попутно» склонности и привычки их бывших владельцев. При всей необычности этой информации её подтверждают другие учёные, которые, опираясь на свидетельства пациентов, сообщают о случаях, когда у их подопечных после «капремонта» менялись не только вкусы и предпочтения, но и черты характера, и даже образ жизни. Данный феномен, считает Шварц, обусловлен тем, что внутренние органы человека имеют собственную биохимическую энергетику и память; пересаженные в другое тело эти живые «запчасти» выделяют в кровь вещества, приводящие к психосоматическим изменениям, которые не поддаются контролю головного мозга.

ВЕЧНОСТЬ В «АНВАРИУМЕ»

Неизвестный науке вид животных обнаружили израильские учёные. В одной из каменоломен страны при проведении бурильных работ произошёл обвал, и взору людей предстала пещера, заполненная водой. В этом глубоком подземном озере и обитали загадочные существа, своей внешностью напоминающие скорпионов. Анализ ДНК представителей древней фауны, чудом доживших до наших дней, показал, что они не имеют аналогов в мире. «Дом», где живут посланцы далёкого прошлого, – экосистема пещеры – появился, по мнению учёных, пять миллионов

лет назад, когда волны Средиземного моря покрывали часть территории современного Израиля, и с тех пор не имел контактов с окружающим миром.

«ГАРДЕРОБ» ДЛЯ ДУШИ

Большинство китайцев убеждено: в жизни человека многое зависит от имени, которое ему дали родители, а потому относятся к этому вопросу очень серьезно. Христианство считает имя «одеждой души». Если использовать такое определе-

ние, то можно сказать, что у подрастающего поколения в Поднебесной целый «гардероб»: в древнем Китае с момента рождения ребёнка до его совершеннолетия отец и мать имели право четыре раза менять «одежду» своего чада. Сначала младенец получал «молочное» имя, призванное отпугивать злых духов и привлекать добрых. Через несколько лет его следовало сменить для защиты маленького человека всё от тех же бестелесных носителей зла. Родители могли ещё дважды «обновить гардероб» собственного отпрыска, если им казалось, что сын или дочь не так удачливы (умны, трудолюбивы, развиты, здоровы), как хотелось бы тем, кто произвёл их на свет. Со временем этот обряд потерял былую значимость. Однако и сегодня многие китайцы дают своим детям новые

имена на важных этапах их жизни, к примеру, при переходе из начальной школы в среднюю, при поступлении в вуз, устройстве на работу, вступлении в брак и т. д.

ЛЮБОВЬ «С ИГОЛОЧКИ»

Молодые еловые побеги эффективно помогают вновь обрести мужскую силу. Это установил в ходе десятилетнего изучения хвойных лапок швед Свен-Еста Йонссон. Собирать лекарство надо в течение двух недель в мае-июне, пока побеги не потемнели и не стали жёсткими. Хвою можно использовать в свежем виде, например, посылая ею бутерброды, или заготавливать впрок, проварив с небольшим количеством уксуса, сахаром и водой. Полученное блюдо прекрасно подходит как соус к любому жаркому.

«ПЛЕЙБОЙ» ВМЕСТО ЗАРЯДКИ

Группа зарубежных специалистов провела исследование, результаты которого способны шокировать многих представительниц слабого пола. Как выяснилось, мужчины, созерцающие обнажённую женскую грудь не менее десяти минут в день, живут намного дольше тех, кто этого не делает. Причина феномена проста: при разглядывании женского бюста возникает возбуждение, схожее по своей эффективности с физической зарядкой. В ре-

зультате у мужчин ускоряется метаболизм, а это, в свою очередь, улучшает кровообращение и общую работу организма. Так что теперь сосед-сотрудник, разглядывающий на рабочем месте порнографический журнал, может объяснить такое занятие стремлением... оздоровиться.

ИНФОРМАЦИЯ НА КЛЕТОЧНОМ УРОВНЕ

Сотрудниками новой справочной службы «Телеком Италия», созданной на Апеннинском полуострове, стали... заключённые крупнейшей тюрьмы Рима. Столь необычная акция призвана помочь сидельцам подготовиться к новой для них жизни на свободе после выхода из стен исправительного учреждения. Арестанты, с энтузиазмом откликнувшиеся на предложение руководства компании, получают 12 евроцентов за звонок, обслуживая за день (с 8 до 20 часов) до 200 телефонных клиентов. «Работа может показаться рутинной, но для людей, проводящих жизнь в камере, такое занятие позволяет обрести смысл существования и надежду на будущее», – говорит Сальваторе Стриано, отбывающий наказание за участие в мафиозной деятельности.

ОТ СМЕРТИ – НАТОЩАК

То, что умеренное голодание может значительно продлить жизнь млекопитающим, включая человека, учёные знали давно. А вот секрет этого феномена лишь в последнее время открыли биологи из Массачусетского технологического института (США). Как выяснилось, при голодании, да и в некоторых других кризисных ситуациях у млекопитающих начинает вырабатываться особый белок. Он запускает на полную мощность потенциал организма, что, к примеру, позволяет довести срок пребывания человека на земле

до 120 и более лет. Этот чудо-белок – результат работы специального гена, который американские исследователи выявили в ходе опытов у лабораторных мышей. Подобный механизм, по мнению учёных, действует и у гомо сапиенса. Согласно их прогнозам, скоро может быть создано уникальное лекарство, продлевающее жизнь. А пока специалисты советуют почаще ставить организм в кризисные ситуации, скажем, пореже есть.

РЕКОРД ВСТАЛ НА НОГИ

24-летний житель ЮАР Фредди Смоок – обладатель самых больших в мире ступней (их длина – 37 сантиметров, ширина – 15 сантиметров).

Большими ногами Фредди отличался с раннего детства, причём они у него постоянно росли. Увеличиваться в размерах ступни перестали всего два года назад.

Государство бесплатно снабжает «большего» одной парой обуви в год, специально для него сшитой в ортопедическом центре. Будучи заядлым спортсменом, Фредди быстро изнашивает подарок властей и потому вынужден играть в свой любимый сквош (разновидность тенниса) босиком. Заведная мечта у него – достать пару кроссовок по ноге.

Врачи полагают, что элфантизм (слоновость) ступней молодого человека

вызван тем, что его мать страдала аллергией от укусов комаров. Во время беременности ей приходилось принимать противоаллергический препарат, из-за которого у ребёнка увеличились сердечные камеры, что, в свою очередь, вызвало быстрый рост ступней.

ТРУД РАДИ БРАНА

Оригинальный способ решения кадровых проблем (и не только их!) избрал бизнесмен из Таиланда С. Кангаронси. На страницах местной газеты он поместил объявление, в котором предложил потенциальным соискателям руку и сердце своих четырёх дочерей. Требования к конкурсантам строги: возраст от 25 до 35 лет, отменное здоровье, образование не ниже среднего, моральная устойчивость, рекомендация с места работы. И, наконец, самое главное условие: прежде чем повести невесту под венец, претендент должен... отработать в фирме Кангаронси не менее трёх лет.

Впрочем, даже отбыв «трудовую повинность», кандидат в зятя находчивого бизнесмена отнюдь не застрахован от отказа своей избранницы выйти за него замуж. Но, несмотря на всё это, нашлось немало желающих познакомиться с красотками на выданье и использовать свой шанс. Их привлекают не только девичьи прелести, но и вполне понятный интерес к отцу невест, который за несколько лет сумел сколотить приличное состояние.

ПРОКЛЯТИЕ НА ПАМЯТЬ

В Управление по делам туризма Шотландии пришла необычная посылка. В ней лежали... увесистый камень и письмо некоего бельгийского туриста, пожелавшего остаться неизвестным. Как выяснилось из послания, во время посещения родины Вальтера Скотта путешественник прихватил в качестве

сувенира тот самый камень, лежавший на территории древнего захоронения Клейв Кейрс. Этот таинственный некрополь, окружённый камнями, образующими concentric circles, – излюбленное место паломничества поклонников мистики.

Когда бельгиец вернулся домой, на него и его семью

как из дырявого мешка посыпались несчастья. Дочь сломала ногу, тяжело заболела жена, а самого любителя сувениров выгнали с работы. «Я глубоко и искренне раскаиваюсь в совершенном мной по недомыслию поступке и смиренно прошу духов этого святого места простить меня и не мстить больше ни мне, ни членам моей семьи», – писал турист, умоляя положить камень на прежнее место. Служащие выполнили его просьбу, так что духи должны оставить в покое незадачливого путешественника.

УНИТАЗ – НА СЛУЖБУ НАЦИИ

Моча – ценный продукт, который недопустимо разбазаривать. Ведь она богата азотом, и её уже несколько тысячелетий используют в качестве удобрения. Так прокомментировал доктор Рис Лиминг австралийское изобретение, которому на Зелёном континенте придаётся поистине государственное значение. Суть новинки в следующем. Раковину унитаза предлагается разделить на два отсека: передний – для мочи, за-

дний – для всего остального. Моча по специальной трубе пойдёт в хранилище, а оттуда отправится на удобрение полей; фекальную же массу превратят в компост для улучшения почв. Но, сетуют учёные, подобная система пригодна только для национальных парков, сельских районов и небольших населённых пунктов. В крупных же городах люди по-прежнему будут транжирить воду и плодотворять нечистоты.

ЧЕТВЕРОНОГИЙ ЭКСТРИМ

Семилетняя самочка спаниеля по кличке Хуч с полным основанием может считать себя суперсобакой. Судите сами. Вместе с хозяином, американцем Сином Гербертом, она совершила 53 парашютных прыжка с высоты более трёх с половиной тысяч метров. Но это ещё не всё. В паре со своим воспитателем Хуч не только поднимается за облака, но и опускается на дно. Чтобы его любимица смогла разделить с ним весь восторг подводного плавания, Син заказал для неё специальное оснащение. В него входят водонепроницаемый костюм, сшитый точно по мерке собаки, а также герметичный водолазный шлем, снабжённый баллончиком с воздухом для дыхания под водой. Хуч быстро привыкла к своему «купальнику» и с удовольствием плавает вместе с хозяином в морских глубинах, гоняясь за рыбками.

К 170-летию
со дня смерти А. С. Пушкина

Александр Зинухов

БЕСПРИЮТНЫЙ ГЕНИЙ РОССИИ

Где похоронен Пушкин? Рассматривая этот, казалось бы, давно решённый вопрос, автор после анализа различных источников приходит к неожиданному выводу.

Могила Пушкина. А.К. Саврасов. 1873

В самом деле, кто не знает, что наш великий поэт погребён на Псковщине, неподалёку от своего родового имения – села Михайловского, в Святогорском монастыре. Но так ли это? Давайте посмотрим на известные факты попристальнее.

Умер Александр Сергеевич 29 января 1837 года. Отпевание состоялось в 11 часов утра 1 февраля в придворной церкви Спаса Нерукотворного Образа, принадлежавшей конюшенному ведомству двора Его Императорского Величества. В городе её называли попросту – Конюшенной церковью.

В ночь с 3 на 4 февраля гроб с телом покойного поэта в сопровождении Александра Ивановича Тургенева и жандармского офицера отправили из Петербурга в Псковскую губернию. Вечером 5 февраля печальная процессия прибывает в Псков.

Ранним утром 6 февраля останки Пушкина погребены возле церкви в Святогорском монастыре.

Что кроется за внешней канвой событий?

ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ

Известно, что Пушкин просил не хоронить его на петербургских кладбищах, называя их «болотом». После посещения одного из них, Новодеревенского на Елагином острове, он написал стихи, проникнутые чувством глубочайшего физического отращения:

*Решётки, столбики,
Нарядные гробницы...
В болоте кое-как
Степнённые рядком...
Могилы слизкие,
Которы также тут,
Зеваючи, жильцов к себе
Наутро ждут, –
Такие смутные мне мысли
Всё наводит,
Что злое на меня
Уныние находит.
Хоть плюнуть да бежать...*

Бежать? Но куда? В 1836 году Пушкин похоронил свою мать, Надежду Осиповну. Похоронил в Святогорском монастыре неподалёку от имения Михайловское. Рядом приобрёл место для себя. Именно здесь, по соседству с землями, принадлежавшими Ганнибалам, он хотел обрести покой.

Но даже этому желанию осуществиться не дано. Личная жизнь Пушкина – вся под бременем запретов. Он хочет стать военным и отправиться в действующую армию. Нельзя! Хочет поехать за границу. Нельзя! Чего проще – уехать в деревню и писать... Нельзя! Посмертное желание – и вновь нельзя. Князь П. А. Вяземский в письме к А. О. Смирновой-Россет осторожно намекнул: «Горько знать, что

светское общество (по крайней мере некоторые члены оно́го) не только терзало его сердце своим недоброжелательством, но и озлобляется против его трупа».

Что князь имел в виду? Кажется, фраза эта вырвалась против его воли. Робкий Пётр Андреевич не спешил высказывать правду даже в частных письмах. Знал методы работы столичной почты. Письма его полны намёков на какие-то «адские козни», погубившие поэта, на «коново́дов» из высшего света. Явно что-то знал, но так никогда и не сказал...

Не хотел Пушкин лежать в петербургском болоте. Но именно там ему придётся лежать. Однако – всё по порядку.

С момента принятия решения похороны Пушкина стали делом государственной важности. Дирижировал этим старинный его недруг, начальник Третьего отделения и шеф жандармов Александр Христофорович Бенкендорф.

После гибели поэта в обществе долгое время циркулировали слухи о его неблагоприятной роли в этой истории. Игнорировать эти слухи невозможно. Если Бенкендорф принимал участие в организации убийства Пушкина, то он должен был и скрыть следы преступления: убрать тело, главное вещественное доказательство...

Первым делом меняют место отпевания. Его предполагалось провести в Исаакиевском соборе, в церковном приходе которого жил Пушкин. Но вдруг ночью 31 января тело переносят в Конюшенную церковь, имевшую иной статус – это церковь придворная. Дело, скорее всего, не только в том, что власти (без императора такой вопрос не решить и Бенкендорфу) пытались ограничить доступ народа в церковь, сколько в необходимости полного контроля за телом. Именно по этой причине от участия в похоронах устраняются все родственники. Никто из родных поэта не только не присутствовал на отпевании, они даже не были извещены о его смерти. Племянник Пушкина, Лев Павлович, писал: «Дед мой узнал о смерти сына в половине февраля 1837 года, как видно из письма к нему В. А. Жуковского, а мой дядя Лев гораздо позднее». Никто из родных не возмущался, не высказал своих чувств, кроме Ольги Сергеевны, сестры Пушкина, которая, находясь в нервной горячке, кричала: «Пустите меня к брату! Безбожники, безбожницы его режут, мясо его едят». Христианский закон грубо поправ. Родственникам отказано в естественном праве – проститься с усопшим.

Несколько странно ведёт себя жена поэта. Отставной офицер путей сообщения Верёвкин пробрался по льду

Церковь Спаса Миротворного Образа, в которой отпевали Пушкина

через реку к дому Волконской и присутствовал при выносе тела, а Наталья Николаевна, как позднее вспоминала княгиня В. Ф. Вяземская, «на вынос тела из дому в церковь... не явилась». С момента смерти Пушкина минуло двое суток. Шок уже прошёл...

А вынос тела напоминал военную операцию: во главе – начальник штаба корпуса жандармов Дубельт и с ним два десятка жандармских чинов. По соседним дворам расставлены многочисленные пикеты. Список провожающих крайне ограничен. Василий Андреевич Жуковский так запомнил и отразил в письме к графу Бенкендорфу это событие: «Вместо того назначенную для отпевания церковь переменили, тело перенесли в неё ночью, с какою-то тайною, всех поразившею, без факелов, почти без проводников; и в минуту выноса, на который собралось не более десяти ближайших друзей Пушкина, жандармы наполнили ту горницу, где молились о умершем, нас оцепили, и мы, так сказать, под стражей проводили тело до церкви».

ТУРГЕНЕВ - В БЕГАХ-

Письмо Жуковского наполнено волнением, скрытой обидой и даже возмущением действиями правительства. Интересно сравнить его с записью в дневнике Александра Ивановича Тургенева: «31 января. Воскресенье. Зашёл к Пушкину. Первые слова, кои поразили меня в чтении псалтыря: "Правду твою не скрыв в сердце твоём". Конечно, то, что Пушкин почитал правдою, т. е. злобу свою и причины оной к антагонисту – он не скрывал, не угомонился в сердце своём и

погиб. Обедня у К. Гол. Блудова, болтовня. Оттуда к Сербиновичу... О бумагах, приписал о 14 тетрадях Броглио, опять к Пушкину. И к д'Аршиаку, где нашёл Вяземского и Данзаса: о Пушкине! Знать наша не знает славы русской, олицетворённой в Пушкине. Слова государя Жуковскому о Пушкине и Карамзине. "Карамзин ангел". Пенсия, заплата долгов, 10 тысяч на погребение, издание сочинений и пр. Обедал у Карамзиной. Спор о Геккерне и Пушкине. Подозрения опять на К. И. Г. После обеда на панихиду. Оттуда пить чай к К. Мещер. – и опять на вынос. В 12, т. е. в полночь, явились жандармы, полиция: шпионы – всего 10 штук, а нас едва ль столько было! Публику уже не впускали. В 1-м часу мы вывели гроб в церковь Конюшенную, пропели за упокой, и я возвратился тихо домой».

Удивительно: смерть друга – а Пушкин и Тургенев действительно считались друзьями – никоим образом не отразилась на обычном времяпрепровождении Александра Ивановича. Он успел побывать у Блудова, Сербиновича, д'Аршиака, Карамзиной, князя Мещерского. Кстати, интересно бы узнать, что делали ближайшие друзья Пушкина у секунданта его противника д'Аршиака?

После обеда у Карамзиной Тургенев успевает на панихиду. После чая у князя Мещерского – бегом на вынос тела. Чёрствость, цинизм и бездушие. Адмирал Чичагов в своих записках отмечал, что у Александра Ивановича «в натуре была потребность рыска́ть». Он и рыскал весь день. Так же, как и 29 января, и 30-го. Перерыв в несколько дней произошёл, когда вы-

Траурный
возок несёт
гроб с телом
А.Пушкина
в обитель.
А.Наумов.
1894.

шая власть поручила Тургеневу сопровождать гроб с телом Пушкина в Михайловское.

Почему выбор пал на него, а не на Данзаса, как просила Наталья Николаевна Пушкина, или на Жуковского, как предполагалось накануне? В Третьем отделении очень внимательно отнеслись к выбору сопровождающего. С одной стороны, он должен быть лицом достаточно известным, с другой – настолько зависеть от властей, что даже о малейших подозрениях, которые могли возникнуть у него во время пути в Михайловское, не должно было стать известно никому. Необходим был человек ленивый, вялый, «довольно легкомысленный и готовый уживаться с людьми и обстоятельствами».

Так характеризовал Тургенева адмирал Чичагов. Кроме того, брат Тургенева Николай уже двенадцать лет находился в Лондоне в качестве политэмигранта. После декабрьского восстания 1825 года он был приговорён заочно к смертной казни, и приговор не отменён. Братья Тургеневы на крючке у русского правительства. Император и хотел бы простить опального Николая, да закон нарушить невозможно. Осенью 1836 года Александр Иванович Тургенев добивается аудиенции у императора. Его принимают благосклонно, в ноябре Тургенева видят даже в императорской ложе в театре, но решения вопроса нет, хотя нет и полного отказа.

И тут ответственное поручение правительства, от которого нельзя отказаться. Это шанс. Тургенев понимает.

Но вернёмся чуть назад. В Конюшенной церкви закончилось отпевание. Гроб закрыли крышкой и отнесли в подвал. Некоторые светские дамы утверждали позднее, что прове-

ли у гроба всю ночь. Если это так, то вряд ли они сидели в подвале. Исследователь Н. К. Невзоров опрашивал служащих церкви, и они сообщили, что гроб с телом Пушкина поставили «при входе в церковь, внизу, к северу, в особо устроенной комнате, где в ту пору хранилась погребальная колесница, на которой привезено было из Таганрога тело покойного императора Александра I».

Утром доступ к гробу прекращён.

1 февраля граф Григорий Строганов обращается с письменной просьбой о разрешении захоронить тело Пушкина в Святогорском монастыре Псковской губернии. А министр внутренних дел Д. Н. Блудов будто только и ждёт письма графа. Немедленно появляется его резолюция: «Истребовать и прислать ко мне поскорее все бумаги». В тот же день соответствующее письмо получают петербургский военный губернатор и обер-прокурор Святейшего синода. Одновременно граф Строганов получает формальное согласие министра внутренних дел на свою просьбу.

Но, конечно, не Блудов решал этот вопрос. Требовалось согласие императора. Получить его в один день просто невозможно. И очевидно, что в данном случае мы имеем дело не с согласием, а с решением императора, уже подготовленным.

Совершенно неожиданно был объявлен смотр войскам петербургского гарнизона, в котором участвовало 60 000 (!) солдат. Даже войсковые обозы шли по улицам, вызывая страх и недоумение у жителей столицы. Именно обозы блокировали доступ в Конюшенную улицу, где находилась церковь Спаса Нерукотворного Образа. Движение гражданских лиц в этом районе прекращено.

ПАНИХИДА НАД ЗАКРЫТЫМ ЯЩИКОМ

Учитывая все эти странности, сопровождавшие похороны Пушкина, можно с большой долей вероятности предположить, что именно 2 февраля, именно в этот день (или ночь) агенты Третьего отделения изъяли тело поэта, похоронив его на одном из петербургских кладбищ. А на его место положили труп неизвестного, вероятно, сильно разложившийся. Гроб заколотили, поставили в дубовый ящик, который тоже заколотили и просмолили.

Операция осуществлена довольно чисто. Однако сведения о ней могли просочиться в общество. М. П. Погодин записал в дневнике: «Разговор о происшествии после смерти Пушкина, нелепых подозрениях». Запись относится к периоду между 21 и 28 февраля 1837 года. Погодин не указывает, с кем был разговор, но судя по предыдущему абзацу – с Владимиром Ивановичем Далем. Даль знал многое. Он делал вскрытие тела Пушкина. И именно ему «обстоятельства» (читай – агенты Третьего отделения) не дали извлечь пулю.

Поздним вечером 3 февраля всё готово к отправке «груза». Василий Андреевич Жуковский описал момент прощания с грустной и наивной прямолинейностью: «3 февраля в десять часов вечера собрались мы последний раз к тому, что ещё для нас осталось от Пушкина, отпели последнюю панихиду; ящик с гробом поставили в сани; в полночь сани тронулись, при свете месяца я провожал их несколько времени глазами, скоро они повернули за угол дома; и всё, что было на земле Пушкин, навсегда пропало из глаз моих».

Вопреки христианской традиции панихиду пели над закрытым ящиком. Жуковскому, конечно, и в голову не могла прийти мысль, что тело подменили...

За полночь трое саней покинули столицу. Одновременно в Псков послан специальный представитель императора и Третьего отделения камергер Яхонтов с приказом для губернатора Пещурова: «...воспретить всякое особенное изъявление». В конце вскользь добавлено: «К сему не излишним считаю заметить, что отпевание тела уже совершено». Вот главное! Из-за этого спешил в Псков камергер Яхонтов. Если не отпевать, то и вскрывать гроб не нужно.

6 февраля в 6 часов утра прах предан земле. При этом гроб из ящика не вынимали, бросили ящик в мёрзлую землю, чуть присыпав снегом. До весны пролежал ящик у стены Святогорского монастыря. Никто и подумать не мог, что в нём важная государственная тайна.

Примечательно, что близкие родственники на могиле Пушкина не были. Жена, Наталья Николаевна, захотела как-то, постояла немного и ушла. Кирпичный склеп сделала соседка Пушкина, владелица села Тригорское Осипова.

Сомнения в том, что в Михайловском похоронен именно Пушкин, в очень осторожной форме высказал А. И. Фаресов в статье «В Святых Горах», помещённой в июльском номере журнала «Исторический вестник» за 1899 год: «...островский уездный исправник, которому приказано было встречать и провожать тело до вечно-го места упокоения, не рискнул сам отправиться для встречи тела поэта, а командировал для сего одного из своих последних канцелярских чиновников, который один и мог засвидетельствовать, что прибывший рано утром в Святые Горы осмолённый ящик зарыт в земле или, точнее, в снегу у одного из алтарей обители. Что же в действительности заключалось в этом ящике – свидетелей никого не было».

А если кто и был, то, конечно, молчал, и правильно делал, ибо сопряжён был государственной тайне. Но кое-какие слухи появились уже в феврале 1837 года.

За годы, прошедшие с момента погребения, трижды появлялась возможность удостовериться, кто захоронен в погребении. Первый раз – при установке памятника в 1841 году. Затем в 1902 году, когда во время реставрационных работ осела земля и обнажился гроб. Решено было укрепить откос горы и заменить попортившийся кирпичный цоколь надгробного памятника гранитным. Работами руководил гражданский инженер В. Л. Назимов. Он был и автором проекта.

Работы фактически начались 1 июля 1902 года. При переделке свода часть склепа с западной стороны обвалилась. Образовалось значительное по размеру отверстие, сквозь которое стал виден гроб. Произошло это примерно 10 августа.

12 августа в Святые Горы приехали барон Г. В. Розен и журналист В. К. Фролов, гостивший в имении барона. А 26 сентября в газете «Новое время» Фролов опубликовал статью, где подробно описал увиденное: «Подойдя к передней решётке могилы, мы увидели около неё груды кирпичей, бочки с известью, почерневшие гнилые доски, тут же валявшиеся, и над всем этим хаосом высоко приподнятую чугунную решётку, из-под которой в беспорядочном виде торчали обломки старых могильных сводов и новые кирпичи, вделанные в стены могильного склепа. Небольшая группа рабочих в

пять-шесть человек во главе с десятником копошилась около этих сводов. Ещё момент, и мы увидели на глубине не более одного аршина от поверхности земли переднюю (головную) часть дубового гроба с прахом генерального поэта!»

Очевидно, что Фролов и Розен увидели именно гроб, а не ящик. Вероятно, при устройстве склепа ящик сняли. Гроб находился в отличном состоянии. Этому способствовали почва и климат Святых Гор. В дальнейшем для нашего исследования это окажется очень важным. Фролов добавляет: «...местами на нём уцелели даже отдельные куски парчового позумена, некогда украшавшего гробовую крышку; весьма возможно, что это были остатки креста из парчовой ткани... Не только парчовые позумены, но и узоры в виде петель по их краям – все в значительной степени сохранили если не свои первоначальные (вероятно, золотисто-тёмные и красные), то изменившиеся от долгого лежания в земле, но всё же достаточно ещё яркие и свежие цвета зеленовато-жёлто-голубой и коричневый, отчасти же и свой мишурный блеск...»

Анонимный автор, подписавшийся инициалами В. В., анализируя статью Фролова, справедливо замечает, что «благодаря почвенным условиям Святых Гор гроб Пушкина сохранился гораздо дольше, чем можно было предполагать, и это даёт право допустить, что и останки поэта могли сохраниться в большей целости, чем при обычных условиях» (см. шестой том Полного собрания сочинений А. С. Пушкина). Таинственный В. В. вроде как что-то знал или догадывался.

ЧЕРЕПА И ПЕРЧАТКИ

Прошло полвека. В августе 1953 года директор заповедника «Пушкинские горы» Семён Гейченко решил провести капитальные работы по укреплению памятника на могиле. За дело взялись специалисты из Псковской реставрационной мастерской. Был приглашён известный археолог П. Н. Шульц.

В своей книге «У Лукоморья» Гейченко уделяет эпизоду вскрытия могилы всего три страницы. Прошло 54 года со дня вскрытия могилы, но никто из исследователей почему-то не вникнул в их смысл.

С 18 по 30 августа на могиле А. С. Пушкина производились работы, результаты которых можно назвать сенсационными. Свидетельствует С. Гейченко: «На второй день работы сняли надземные части памятника. Открылись створки двух больших плит, ле-

жащих в его основании. Когда убрали плиты, в центре основания обнаружилась камера, квадратная по форме, со стенами, облицованными кирпичом в один ряд. Высота камеры 75 сантиметров. В восточной стене её маленькое окошечко. На дне камеры были обнаружены два человеческих черепа и кости. Экспертиза показала, что кости принадлежат людям пожилого возраста. Останки были обмерены и помещены в специально приготовленный свинцовый ящик. Этот ящик поместили в камеру, когда по окончании реставрации детали памятника были вновь поставлены на свои места».

Итак, над склепом с захоронением обнаружено захоронение костей и двух черепов неизвестных пожилых людей. Почему-то Гейченко и другие исследователи никак это не комментируют. Кто были эти люди? Умерли они насильственной или естественной смертью? Почему и когда совершено погребение их в могиле Пушкина?

На часть вопросов можно получить ответы, если найти и проанализировать акты вскрытия и экспертизы. Очевидно одно: черепа попали сюда не случайно. Захоронение черепов в специальной камере над склепом является обязательной частью некоего ритуала, который условно можно назвать «мёртвая голова». Не исключено, что было совершено ритуальное убийство неизвестных людей.

Куль «мёртвой головы» возник многие тысячи лет назад. В одном историко-смысловом ряду стоят циклопические головы из Южной Америки (культура древних инков) и гигантские головы с острова Пасхи. В Европе «мёртвая голова» считалась священной у тамплиеров и масонов.

В средние века существовала легенда о тамплиере по имени де Сидон, вступившем в половую связь со своей умершей возлюбленной. Некий голос приказал ему явиться к могиле через девять месяцев. Де Сидон пришёл в назначенное время и раскопал могилу. Между берцовых костей скелета лежала голова. Голос сказал: «Не расставайся с ней никогда, потому что она принесёт всё, что ты пожелаешь». Так и случилось. Всю жизнь рыцарь держал у себя эту голову, потом она перешла в собственность ордена храмовников.

«Мёртвая голова» – один из основных масонских символов. Она участвует в обряде приёма профана в первую ученическую степень и переходе его во все последующие. Она же провожает умершего брата в мир иной. Масоны избирали мёртвую голову на надгробных плитах и клали черепа в могилу.

Давно известно, что Пушкин был масоном, причём масоном по-

томственным. Членами масонских лож были его отец и дядя, Василий Львович.

Исследователи обычно несколько стыдливо касаются этой темы. Почему-то забывается, что вся русская литература XIX столетия вышла из масонской лаборатории, из масонской философии, мистики и практики. Не избежал этого влияния и Пушкин.

Но если пушкинисты недооценивают роль масонства в судьбе и творчестве поэта, то масоны значительно её преувеличивают. Для них Пушкин – масон навсегда, масон как человек и как поэт. С целью подчеркнуть эту мысль в Париже создана ложа «Александр Пушкин». Масоны претендуют на его духовное и поэтическое наследие. Ритуальное захоронение черепов на могиле поэта – ещё одно тому свидетельство.

Судя по всему, камера с ритуальными черепами появилась над склепом в 1841 году, когда известный масон граф Григорий Строганов установил на могиле памятник работы замечательного мастера Александра Пермагорова. Проект утверждал сам государь Николай Павлович. Одобрив его, император вдруг заметил, что на памятнике отсутствует крест. После замечания императора Григорий Строганов не очень охотно дал указание Пермагорову на сей счёт. Крест «присочинили», очень небольшой, чтоб в глаза не бросался. «Братья» всячески старались отдалить Пушкина от христианства.

Достаточно хорошо известен и такой скандальный эпизод: в гроб с телом поэта Жуковский и Вяземский бросили белые лайковые перчатки – знак, что и после смерти покойный принадлежит к братству. Более того, они исхитрились и на руки покойного надеть слегка пожелтевшие от времени масонские перчатки.

Ритуальное захоронение черепов в могиле свидетельствует, что масоны не знали о замене тел перед захоронением в 1837 году. Тайная полиция умела хранить тайны.

ПРОПАВШАЯ ПУЛЯ

Вернёмся в август 1953 года. Четвёртый день работы. Рабочие расчистили крышку склепа. Дальнейший рассказ Гейченко носит следы авторской или редакционной правки, приведшей к нарушению логики рассказа. «Всем стало ясно, – пишет Гейченко, – что перед нами крышка склепа с гробом Пушкина. Два кирпича обвалились внутрь склепа».

Автор хочет убедить читателя, что именно сквозь это отверстие, опустив в него фонарь, они осматривали склеп и гроб.

Гейченко получил разрешение на

реставрацию памятника, но вскрывать захоронение ему никто не разрешал, поэтому он осторожничает. Бывший заключённый понимает, что будет с ним, если узнают, что он не только вскрыл склеп, но и рассматривал содержимое гроба. Однако учёный побеждает заключённого. Он не может не заглянуть внутрь. Авось никто не донесёт или в неразберихе смелы власти будет не до Пушкина.

Работами на могиле никто из властей не заинтересовался. Не обратила на них внимания и учёная общественность. А Гейченко даже не послал в Пушкинский дом акты вскрытия могилы и отчёт. По его словам, все эти документы хранятся в музее-заповеднике «Пушкинские горы». Однако исследователи с ними никогда не работали. И совершенно напрасно. Возможно, именно в них ответ на вопрос: что же увидел Гейченко в гробу?

Послушаем Гейченко: «Принесли электрический фонарь и осторожно опустили его в отверстие. Все затаили дыхание. Когда глаза наши привыкли к свету, как будто из тумана выплыли контуры помещения. На дне склепа мы увидели гроб с прахом поэта».

Произвёл промеры склепа: длина 3 метра, ширина 85 сантиметров, глубина 80 сантиметров. Стены сложены из камня, верхняя крышка из красного кирпича. Кирпич нестандартный, хорошего обжига. От действия атмосферных вод кирпич частично деформировался. Гроб стоит с запада на восток. Он сделан из двух сшитых железными коваными гвоздями дубовых досок с медными ручками по бокам. Дерево коричневого цвета. Хорошо сохранились стенки, изголовье и подножие гроба. Никаких следов ящика, в котором гроб был привезён 5 февраля 1837 года, не обнаружено. На дне склепа остатки еловых ветвей. Следов погребения не обнаружено. Прах Пушкина сильно истлел. Нетленными оказались волосы».

Отрывок приходится читать как криптограмму. Прежде всего, чувствуется рука археолога. Скорее всего, П. Н. Шульц составил профессиональное описание погребения. Но ни слова о том, куда делись позолоченные украшения с крышки гроба. Крышка провалилась, говорит Гейченко, тогда они должны быть внутри. Неужели археолог Шульц их не заметил? Как не заметил и пулю, которая должна была остаться в крестце трупа. В это трудно поверить, вероятно, украшения украдены с гроба ещё в 1902 году. А пули в гробу просто не оказалось. Она осталась в теле Пушкина, а не того, кто под этим именем лежит в чужой могиле.

Иногда мне приходит в голову мысль, что вся реставрация 1953 года

затягивается именно с целью взглянуть, а может быть, и изучить останки поэта. А почему, собственно, нет? Если у Гейченко не было научного интереса к останкам в могиле «Пушкина», то он не стал бы разбирать стену склепа и заглядывать в могилу. Остаётся открытым вопрос: что же он там увидел? Отделаться фразой «прах Пушкина сильно истлел» ему, конечно, не удастся. Мне кажется, что фраза Гейченко переводится с языка шифров на обычный язык следующим образом: ничего, напоминающего останки Пушкина, в могиле не обнаружено. Правда, найдены волосы, но учёный обязан доказать, что это волосы Пушкина. Почему-то ни их цвет, ни внешний вид не вызвали интереса у Гейченко. Не соответствовали ни по виду, ни по цвету волосам Пушкина, тому, как их описывали современники? Почему Гейченко отправил в музейный фонд гвоздь и кусочек дерева от гроба, а волосы нет? Сегодня у нас имелась бы возможность сравнить их с волосами, хранящимися в Пушкинском доме. Он не мог этого допустить, ибо тогда пришлось бы решать загадку: а где же похоронен Пушкин?

Есть необходимость рассеять все сомнения вокруг смерти и захоронения Александра Сергеевича. Необходимо эксгумация останков. Это позволит не только произвести экспертизу ритуальных черепов, но и выяснить окончательно, кто же в ней захоронен.

Даже если предположения о возможной подмене тела поэта окажутся неверны, в случае эксгумации можно будет решить специфические научные задачи. Во-первых, окончательно выявить, каким был Пушкин. Не портреты изучать, как предлагал антрополог Д. Н. Анучин, а методом Герасимова воссоздать подлинный облик поэта.

Во-вторых, разобраться с многочисленными потомками так называемой английской ветви, ведущей своё происхождение от дочери Пушкина Натальи Александровны.

Наконец, В. И. Даль утверждал, что при вскрытии тела Пушкина пулю не извлекали. Теперь появляется возможность найти её и точно определить, из какого оружия стреляли и смертельно ранили поэта, а следовательно, и кто стрелял, другими словами, верно ли предположение, что стрелял снайпер.

Вскрывать могилы кощунственно? Но почему можно вскрыть могилу Ивана Грозного, Тамирлана? Почему в Европе извлечены из могил и изучены останки Рафаэля, Петрарки, Данте, Шиллера?

Важность изучения останков национальных гениев очевидна.

ДОРОГИЕ ПОДПИСЧИКИ!

Продолжается подписка на журнал
«Чудеса и приключения» на 1-е полугодие 2007 года.

Оформить её можно в любом почтовом отделении связи по каталогам.

Наши индексы:

В Объединённом каталоге «Пресса России. Подписка-2007. Первое полугодие. 1 том»:

71083 – для индивидуальных подписчиков

73492 – для предприятий и организаций

42312 – для библиотек и школ

42436 – адресная подписка (пересылается бандеролью из редакции)

42475 – Комплект. «Чудеса и приключения» с приложением «Тайны и преступления».

42080 – Комплект. «Чудеса и приключения» с приложением «Тайны и преступления».

В каталоге Роспечати «Газеты, журналы»:

81086 – адресная подписка (пересылается бандеролью из редакции)

73492 – для предприятий и организаций.

18335 – Комплект. «Чудеса и приключения» с приложением «Тайны и преступления».

Москвичи могут оформить подписку и купить журнал по адресу:

Москва, ул. Черняховского, д. 16 (метро «Аэропорт»).

Справки по телефонам: (495) 152-06-92, 152-86-16

Наш сайт в Интернете: www.divesa.ru

Лаврентьева Е. В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 516 с. (Живая история: повседневная жизнь человечества). 5000 экз.

«Это дурное предзнаменование!» – произнёс Пушкин, когда его обручальное кольцо упало неожиданно на ковер.

Вера в приметы, интерес к обрядам, гаданиям были широко распространены в среде дворянства пушкинской поры. Слова, предметы, поведение людей и животных – всё имело в глазах даже самого просвещённого человека первой половины XIX века свой тайный смысл.

О том, во что верили, чего боялись, чего старались избегать, а чего страстно желали Александр Сергеевич Пушкин и его современники, читатель узнает из воспоминаний, писем, газетных и журнальных публикаций того времени, любовно собранных и тщательно, со вкусом организованных автором.

В. Т. Шайкин. Николай Вавилов. – М.: Молодая гвардия, 2006. 256 с. (Жизнь замечат. людей: сер. биограф.; вып. 1015). 5000 экз.

Немногим в истории мировой науки довелось пережить столь тяжкие испытания за свои убеждения, как нашему современнику – советскому исследователю растительного царства планеты и одному из основоположников генетики Николаю Вавилову. Его доброе имя и его научное наследие, известное во всём просвещённом мире, ещё полстолетия назад было под запретом в Стране Советов, которой он отдал свой талант и подарил крупнейшую в мире коллекцию растений. Сегодня получили огласку многие факты жизни и гибели Вавилова – они нашли достойное место на страницах этой книги.

С. А. Щербаков. Николай Старшинов. – М.: Молодая гвардия, 2006. 342 с. (Жизнь замечат. людей: сер. биограф.; вып. 990). 3000 экз.

КНИГИ, ПОДАРЕННЫЕ РЕДАКЦИИ

Поэт Николай Старшинов (1924–1998) относится к людям незабываемым, чья биография вобрала в себя все приметы эпохи – её величие, драмы, парадоксы и противоречия. Фронтовик, написав-

ший о войне классические строки («Когда, нарушив забытьё, / Орудия заголосили, / Никто не крикнул: «За Россию!..» / А шли и гибли за неё»), замечательный лирик, многолетний редактор молодоговардейского альманаха «Поэзия», неутомимый наставник нескольких поколений молодых поэтов, азартный собиратель народных частушек, непревзойдённый рыбак, он и сегодня присутствует в литературной жизни светлой памятью о нём. Немало случаев из его богатой событиями жизни уже мифологизировано, многие его шутки (а человек он был весёлый и жизнелюбивый) стали афоризмами. Не случайно сегодня существуют и литературная премия имени Николая Старшинова, и «Кубок Старшинова» по спортивному лову рыбы. А главное, он самый замечательный из молодоговардейцев, ведь о нём, первым из тех, кто работал в «Молодой гвардии», выходит книга в знаменитой серии «ЖЗЛ».

Р. Мантран. Повседневная жизнь Стамбула в эпоху Сулеймана Великолепного. – М.: Молодая гвардия, 2006. 368 с. (Живая история: повседневная жизнь человечества). 5000 экз.

Книга посвящена самому загадочному городу, соединяющему Европу и Азию, – Стамбулу. Наследник древнего Византия, город стал преемником великого Константинополя – столицы самой большой православной империи Средневековья, превратившись в центр империи османов и притяжения мусульман всего мира.

Повседневность Стамбула в его блестящую эпоху, жизнь обитателей дворцов и янычар, деятельность купечества и заботы бедняков ярко раскрывает книга крупнейшего французского историка Робера Мантрана.

Борис Сергеев
доктор биологических наук

Звери
за порогом
двери

«БОМБА» НА ОБЕД

«Дары Нептуна» порой таят в себе смертельную угрозу для человека.

Знаете ли вы, кто такие сонные рыбы? Вопреки своему названию (которое, впрочем, дано им не случайно) эти растительноядные существа не проводят во сне много времени. Энергичные, подвижные обитатели прибрежных вод океана, главным образом его тропической зоны, относятся к семейству кифозных рыб. Их сжатое с боков тело покрыто мелкой чешуёй и чаще всего имеет серовато-синюю окраску с яркими бронзовыми продольными линиями. Как и у других морских вегетарианцев, их мясо пахнет водорослями и гурману-европейцу вряд ли покажется деликатесом, но местное население охотно употребляет «травоедов» в пищу. Обычно такое меню не приносит неприятных сюрпризов, но иногда блюда, приготовленные из кифозов, вызывают у жителей восточного побережья Австралии, островов Фиджи и особенно острова Норфолк вспышку странного заболевания. У людей вдруг возникают галлюцинации, кошмарные видения, затем развивается сонливость, переходящая в глубокий длительный сон, после которого наступает быстрое выздоровление. За способность погрузить человека в объятия Морфея этих кифозов называют сонными рыбами.

Почему проверенные «дары Нептуна» вдруг становятся «дарами данайцев», точно не известно. Скорее всего, виной тому некий сезонный корм рыб, содержащий «нехорошие» вещества. Кстати, сходные заболевания вызывает и мясо некоторых других вполне съедобных обитателей южных морей, например, кефали и султанки. Первые симптомы отрав-

ления ими могут появиться уже через 10 минут после еды. У человека возникают зуд и жжение в горле, мышечная слабость, наблюдается частичный паралич ног; эти признаки недуга сопровождаются галлюцинациями и кошмарами. Выздоровление наступает через 5–24 часа.

Ещё большую опасность представляют отравления, вызывающие болезнь под названием сигуатера. Её виновниками могут стать многие виды обычных промысловых рыб, причём эта метаморфоза способна привести к трагическим последствиям. Один из таких случаев произошёл около трех десятков лет назад в Южной Атлантике у берегов Анголы. В то время там шла гражданская война, и СССР помогал демократическим силам этой страны. В местные порты заходили советские военные корабли, здесь базировались наши рыболовные траулеры, которым Ангола разрешила вести промысел в своих территориальных водах.

Однажды радиостанция базы рыболовного флота приняла сигнал бедствия с советского рыбозаблудывательного судна. Полностью прочитать текст сообщения не удалось, создавалось впечатление, что радиogramму послал сильно пьяный радист. Понятной была лишь последняя фраза: «Часть экипажа пытается покинуть судно...» После этого связь с рыбаками прекратилась, и на запросы они не отвечали.

«Телеграмму-ребус» начальство отнюдь не сочло за розыгрыш: в море такими вещами шутить не принято. Связались с судами в этом районе. Ближе всех к терпящим бедствие ры-

бакам находился английский траулер, но решили попросить помощи у советского сухогруза, хотя ему предстояло идти до цели 2–3 часа. Ведь в этом случае не пришлось бы платить за помощь, да и чужие глаза были ни к чему в столь странном происшествии.

Когда спасатели подошли к объекту поисков, они с удивлением увидели, что на палубах судна нет ни одного человека, а все иллюминаторы задрены. А ведь дело происходило жарким днём в тропиках в штормовую погоду. Кроме того, у правого борта обнаружили спущенный трап. Как выяснилось позднее, пять членов экипажа на шлюпке покинули судно. Судьба этих моряков неизвестна. Видимо, они погибли, но ни шлюпки, ни их тел найти не удалось.

На судне была ужасная грязь и вонь, а в кубриках царил зловещая тишина. Открыв двери кают, спасатели увидели трупы и людей, находившихся в бессознательном состоянии. Всё свидетельствовало о массовом отравлении.

Отвечать на вопросы оказались способны трое. От них смогли узнать, что болезнь заявила о себе сразу после обеда. Опросить главного действующего лица – повара – не удалось: он покинул судно на упомянутой шлюпке. Однако сами едоки сообщили, что в меню злополучной трапезы не было экзотических блюд: на первое – украинский борщ, на второе – жареный морской окунь, на десерт – компот из сухофруктов. Только чифу – старшему помощнику капитана – с его большим желудком поджарили какую-то постную рыбёшку, а окуня он съел совсем

немного и, видимо, поэтому чувствовал себя чуть лучше остальных.

Ещё один член экипажа, который смог рассказать о случившемся, стоял тогда на вахте и не обедал вместе со всеми. Когда он явился на камбуз, у многих уже началась рвота, и вахтенный, немного поковыряв вилкой в тарелке, отказался от обеда. Кстати, именно он удержал на судне большую часть команды. По свидетельству этого моряка, едва кончился обед, как поверхность воды покрыли язычки пламени (такое явление можно наблюдать иногда на некоторых болотах), затем с южной стороны море превратилось в гигантский костёр. Только вода у правого борта, на которую падала тень от судна, ещё не горела, и экипаж начал спускать шлюпки. Люди решили, что американцы сбросили термоядерную бомбу. Как потом выяснилось, бушующий огонь видели все члены команды. Вахтенному удалось предотвратить массовое бегство с судна смертельно напуганных моряков, убедив их в том, что спастись не удастся и в океане и лучше умереть в своих постелях.

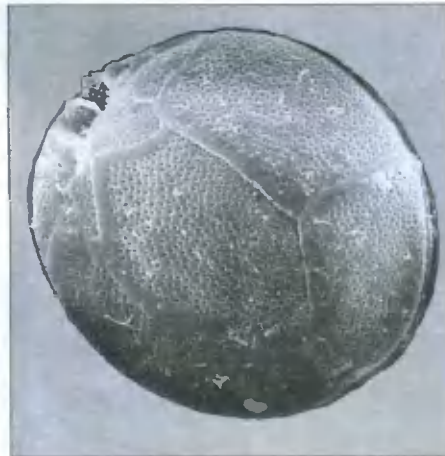
При пищевых отравлениях полагаются делать промывание желудка. В этих случаях пострадавшего просят выпить 10–12 стаканов чуть тёплой воды или молока, а тем, кто пить не в состоянии, воду вводят с помощью зонда прямо в пищевод. Спасатели, действуя в соответствии с медицинскими рекомендациями, провели эту операцию и... столкнулись с удивительным фактом. Беспомощным больным промыть желудок оказалось гораздо легче, чем тем трём, чье состояние здоровья внушало

меньше опасений. Последние, чуть пригубив воду, категорически отказывались пить: жидкость казалась им горячей как кипяток. Яд привёл к нарушению у них температурной чувствительности.

Когда судно с больным экипажем отбуксировали в Луанду, высокое начальство приказало уничтожить все судовые материалы об этом происшествии и засекретило любую информацию о нём: с советскими людьми ничего подобного не могло произойти по определению.

Всё это навсегда осталось бы тайной, если бы врач сухогруза не оказался моим однокашником. Когда, получив очередной отпуск, он приехал в Ленинград, то не только поведал мне об этом происшествии, но и дал прочесть дневник одного из матросов, который помогал ему делать промывания желудков и вводить пострадавшим камфару. Свои медицинские записи он, как было приказано, уничтожил и даже отобрал дневник у своего ассистента, но «случайно позабыл» спустить его в ватеркейс. В дневнике были тщательно зачёркнуты названия судов и фамилии всех упомянутых в нём людей. С тех пор прошло три десятилетия, срок давности на секретные материалы истёк, да и организации, засекретившей их, давно не существует. Так что сегодня можно сделать эту историю достойным гласности.

Термин «сигуатера» происходит от названия одного из съедобных моллюсков – «сигуа». Первыми из европейцев познакомились с ним (и наверняка помянули недобрым словом!) испанские конкистадоры на Кубе. Отравление вызывает ядовитое веществ-

Ядовитая одноклеточная водоросль (*Gambierdiscus toxicus*) под электронным микроскопом.

Сенная рыба

во – сигуатоксин. Оно изредка встречается в телах примерно 400 видов рыб. Особое коварство этого токсина в том, что он может неожиданно появиться в телах рыб, которые ещё накануне были вполне съедобны. В тропиках ежегодно регистрируется до 800 подобных отравлений.

Первые признаки заболевания – онемение языка и губ, сухость во рту – обычно появляются через несколько часов после еды. Затем возникают рвота, боль в животе и в суставах; в тяжёлых случаях развиваются параличи и наступает смерть. Выздоровление требует нескольких месяцев. Наиболее характерный признак отравления – нарушение температурной чувствительности: холодное кажется горячим, а горячее – холодным. И ещё одна интересная особенность. При использовании в пищу растительноядных рыб наблюдаются желудочно-кишечные формы отравления, а употребление хищных – барракуд, груперов, лутиан, мурен – чаще всего вызывает сердечно-сосудистую недостаточность.

«Заряжают» рыб опасными токсинами, как считается, ядовитые одноклеточные жгутиконосные водоросли – динофлагелляты, которыми они питаются. Хищные рыбы становятся ядовитыми, поедая растительноядных собратьев.

Жаль, что материал об отравлении на советском судне не стал в своё время известен общественности. Возможно, он убедительно объяснил бы в ряде случаев причину появления судов, покинутых экипажами в открытом море, – этих реальных, а не легендарных «Летучих Голландцев».

Владимир Константинов

БОРОДА, НЕСУЩАЯ СМЕРТЬ

Из семейных преданий

Рисунки Льва Вяткина

Эту историю я слышал в сороковых годах прошлого века от своей бабушки, а она – от двоюродной тётки Александры. В юности в качестве сестры милосердия тётка участвовала в обороне Севастополя в 1854 году. Была ранена. Лечилась в госпитале. Затем уехала долечиваться в Дмитровский уезд Орловской губернии к дальней родственнице, Анастасии Георгиевне.

На вольном воздухе (имение хозяйки располагалось у соснового бора) Александра быстро пошла на поправку. Стояло тёплое лето, и частенько женщины засиживались на открытой веранде за чаем с душистым мёдом и домашним печеньем, которое пекла сама хозяйка. Как-то разговор зашёл о чёрной магии, колдовстве, привидениях. Вот что рассказала Анастасия Георгиевна...

В имение, где жила Настенька с матушкой и младшими сестрёнками, как-то заявился богатый помещик (попросил приюта, мол, в пути у него сломалась карета), весёлый здоровяк с приятным лицом и красивой иссиня-чёрной бородой. Он очень понравился матери Настеньки. Особенно когда уплатил карточные долги её покойного мужа.

О чём говорил любезный, обаятельный помещик с матушкой, Настенька не знала. И очень удивилась, когда та объявила, что дочь должна ехать с помещиком в его имение, где ей будет обеспечено надлежащее воспитание.

Январской звёздной ночью привезли Настеньку в чужое имение и поместили во флигеле с окнами, забранными решётками. Прошёл месяц. Никто из учителей Настенькой не занимался, и она, затосковав, потребовала у обслуживающей её хмурой тётки с бледным костлявым лицом, чтобы та отвела её к хозяину. Тётка зло ответила: «Не рвись, барышня, попусту, не буянь, а то розог получишь». Настенька возмущалась: дворянку сечь? Хмурая тётка что-то шепнула дюже-

му охраннику. Тот схватил девочку, зажал её голову меж колен. Настенька рыдала, билась, как птица в клетке, а мужик, выпоров её, пригрозил: «Будешь кобениться, барынька, ещё получишь».

А потом к Настеньке пришла девушка удивительной красоты и принялась расспрашивать, как она себя чувствует. «Зачем меня словно пленницу здесь держат?» – заплакала Настенька. Девушка её успокоила: «Придёт время, всё узнаешь. А теперь я должна тебя осмотреть. Не больна ли ты?» Внимательно Настеньку осмотрела, ощупала, а уходя, сказала: «Налитая ты в свои 13 лет. Скоро его милость тебя посетит. Но прежде я ещё буду к тебе приходить, готовить тебя».

Прошло месяца три. Всё это время девушка приходила к Настеньке, беседовала с ней, они даже вместе читали французские книги – о разных способах любви между мужчиной и женщиной. Настенька сказала девушке, что замуж ей ещё рано выходить. Та в ответ посмеялась: «Всё узнаешь в своё время, дай только хозяин вернётся в имение, дела у него в Англии». Настенька возмущалась: «Объясните, почему меня выводят подышать свежим воздухом только ночью?» Девушка отшучивалась: «Это тайна, милочка, о которой даже я не знаю».

Как-то она пришла весёлая, обняла Настеньку: «Ну что я к тебе так привязалась? Душка ты, девочка, пожалуй, поделюсь с тобой своим счастьем». И рассказала, что в имении гостит дальний родственник хозяина, красавец поручик, что он предложил ей руку и сердце... И она уже дала ему своё согласие. Одно беспокоит: как к этому отнесётся благодетель-помещик? Прошло ещё недели две. Девушка не приходила. И вдруг на исходе майской ночи она разбудила Настеньку:

– Одевайся. Мы должны бежать.

– Зачем? Куда?

– Хозяин пришёл в ярость, когда узнал, что хочешь замуж выйти. Грозит,

что убьёт меня. Разбойник он и колдун, и слуги его – разбойники. Он и с тобой натешится и тоже убьёт. Чёрный колдун он. У него в подземелье большая комната есть. Там он и его подручный, да и гости из Петербурга бесовщине предаются. Женщины такие же бесовки, как и мужики: разврат и моления дьяволу. А то похитят у какой-нибудь крестьянки ребёнка, зарежут его, как поросёнка, и кровь его пьют, а потом голыми пляшут... А уж скольких он крепостных засёк, не счесть.

Настенька дрожала как осиновый лист и уж собралась разревевшись, но девушка, схватив её за плечи, поставила на ноги и сама одела.

– Как же мы пройдем мимо сторожей? – спросила Настенька.

– Не бойся. Я сторожам вина принесла с зельем, которое у лекаря-разбойника выкрала. Спят сторожа. Идем...

Они выбрались наружу. Раннее утро было хмурым. Надвигалась гроза. Беглянки пробежали барский сад, потом долго шли по полю зелёной ржи.

– Нам бы добраться до леса. Тогда мы спасены, – торопила девушка.

Наконец они вошли под полог леса. И тут хлынул ливень, словно разверзлись небеса. Идти дальше было невозможно, и беглянки укрылись под старым дубом.

А Чёрной Бороде именно в это раннее утро взбрело в голову посетить затворницу. Взяв свечу, он спустился в подземелье и пошёл переходом, который соединял господский дом с флигелем.

Во флигеле обнаружил спящими нескольких затворниц и сторожей. Настеньки не было. Он плетью разбудил охрану.

– Не знаем, как уснули. Приходила молодая барышня и от вашей милости за нашу верную службу угощала наливочкой.

Чёрная Борода взревел:

– Это всё она, дрянь! Взяла волю. Ну я ей покажу. На цепи у меня будет сидеть, пока не подохнет!

Скоро группа всадников со сворой собак понеслась за беглянками.

Когда дождь ослабел, девушка командовала Насте: «Бежим, подружка!» Но тут послышался лай собак. Глаза у девушки полыхнули синим огнём:

— Я испорченная. Дрянь я. Винавата перед Богом и людьми... Но тебя, Настенька, спасу. Бог за это меня простит.

Она прислушалась: крики людей, топот копыт, лай собак приближались. «Лезь на дерево и затаись», — крикнула девушка и побежала прочь. Всё, что увидела Настенька потом, было кошмарным сном. Собаки догнали и окружили девушку. Подскакали всадники. Чёрная Борода соскочил с седла, подступил к ней: «Где девка?» Настенька не услышала, что ответила девушка, но увидела, как та вдруг замахнулась ножом. Чёрная Борода отступил, но лезвие распороло ему плечо. Тут уж он выхватил из ножен тесак и зарубил девушку. Слуги перевязали ему плечо. Один из них спросил: «Куда труп-то девать, хозяин?» «Швырните эту падаль в кусты», — рявкнул помещик. Затем с помощью слуг забрался в седло и, приказав преследовать девчонку, повернул коня обратно.

Дрожа от ужаса и холода, Настенька с большим трудом спустилась с дуба.

Пробираясь сквозь лесную чащу, вскоре обнаружила она тропинку, которая вывела её в поле, за которым виднелись соломенные крыши какой-то деревеньки. Ей повезло — в крайней избушке жила одинокая старушка. Крестьяне считали её колдуньей и избу её обходили стороной. Старушка, ни о чём не спрашивая, сняла с девочки мокрое платье, обмыла, дала сухую одежку, накормила кашей и тушёной репой.

Несколько дней прятала она девочку, лечила отваром и наговорами. Узнав историю Настеньки, старушка не удивилась, вздохнув, сказала: «И папаша у него был изверг. Душ погубил много. Но всё ему сходило с рук: судейские от него имели хорошие деньги. Да наказал Бог за злодеяния. На охоте за кабаном старик упал с коня и насадился задом на обгорелый сук. В муках подох. Но сынок его не остепенился, пуще отца стал насильничать. Но и ему будет Божий суд... Никуда не денется». Как-то тихим вечером старушка вернулась из деревни и сказала: «Псы помещичьи вокруг рыщут. Уходить надо».

Стыдно было Настеньке просить милостыню, да что поделаешь. Побираясь, дошли они со старушкой и до усадьбы, где жила семья Настеньки. Хотела девочка сразу броситься к

матушке, но старушка запретила: «А вдруг у них кто из прислужников Чёрной Бороды сидит? Ведь ты теперь, Настенька, единственная свидетельница из благородных. Крепостных судейские не слушают».

Сутки наблюдали они за усадьбой, но никого подозрительного не заметили. Настенька обьявилась матери. Та с трудом признала в черномазой нищенке свою старшенькую, а когда ещё услышала страшный рассказ дочери, ей сделалось плохо. О многом поведала и спасительница Настеньки, крепостная того помещика.

Некоторое время матушка прятала Настеньку, когда к их усадьбе приближался посторонний. И не зря. Заявился-таки посыльный от помещика. Письмо передал. Чёрная Борода сообщал, что Настенька больна, с головой, мол, не в порядке, и её увезли за границу для лечения. Матушка для вида поохала, даже всплакнула и написала ответное письмо, в котором благодарила помещика за заботу. Посыльный пил чай, а сам всё зыркал по сторонам глазами. А потом всё как-то обошлось. Видимо, Чёрная Борода посчитал девочку погибшей и успокоился.

Прошло девять лет. Настенька уже была замужем. Поехали они с мужем

в соседнюю Курскую губернию в небольшое имение, доставшееся Николаю Алексеевичу по наследству. По дороге муж занемог. Сказалась рана, полученная им под Аустерлицем. Они попросили приюта в захудалом имении, что находилось в двух верстах от тракта.

В маленькой бедной гостиной Настенька обратила внимание на портрет очень красивой девушки. И будто ударило её в грудь: узнала она давно свою спасительницу из имения изверга. Опустилась на колени перед портретом, словно перед иконой, и склонила голову.

— Это моя убиенная доченька, — сказала немолодая хозяйка. — Но что с вами, милочка?

— Я её знала, — голос Настеньки дрогнул.

Целый вечер женщины рассказывали друг другу о пережитом.

Дочь хозяйки попала в имение Чёрной Бороды так же, как и Настенька. Долго от неё никаких вестей не было. И вдруг вызов в уездный суд, где мать была сражена известием об убийстве дочери. Оказывается, убили её крепостные помещика. Убили ради ограбления. На суде мужики путались, то одно показывали, то другое. И вещей барышни у них не нашли... Но один из заседателей так повернул дело, что их всё же осудили, выпороли и отправили на каторгу.

Мать девушки подала апелляцию в губернский суд, но правды не добились. Какие были у неё деньги, все ушли на судебные тяжбы. Без денег

пошла она пешком в столицу. Подала прошение в Сенат, добилась приёма у генерал-прокурора. Бумага попала к молодому государю Александру I. Но тот не поверил наветам вдовы из известного в Петербурге богатого помещика и оставил её прошение без внимания. Прошло семь лет. И вдруг появился тот заседатель и бухнулся ей в ноги: «Прости, матушка. Знаю я, кто убил твою дочь, да и других девушек. Да очень боялся за свою жизнь. Очень уж силен был тот помещик... Теперь другие времена настали...»

А дело в том, что обиделся заседатель на Чёрную Бороду. Приехал к нему помещик по какому-то делу, и заседатель пригласил благодетеля отобедать. Чёрная Борода удивился: у бедного чиновника и такой повар! А заседатель ему: «Ваша милость, вы же сами мне поварёнка подарили... Теперь он выучился, готовит отменно». Чёрная Борода объявил: «Повара забираю с собой». Заседатель в амбицию: «Не отдам». «А купчая у тебя есть?» Купчей, конечно, не оказалось. Забрал Чёрная Борода повара будто вещь и ещё надавал тумачков его хозяину.

И вот теперь заседатель готов был написать за вдову прошение на имя государя и дать ей денег на дорогу. Вновь поехала несчастная мать в столицу, вновь обратилась в Сенат. На сей раз делу был дан ход. Открылись такие подробности, что известная Салтычиха в сравнении с Чёрной Бородой показалась всем просто шальной...

Суд лишил помещика званий, орденов, поместья, и он был отправлен на каторгу.

...Настенька и Николай Алексеевич отдохнули у бедной вдовы и поехали дальше. Оказалось, усадьба их всего в пяти верстах от мрачных развалин бывшего поместья чернорабочего. Только поселились они на новом месте, как начались страшные убийства в окрестных лесах и деревнях. То растерзанную девушку найдут, то убитого ребёнка, то женщину со вспоротым животом, то какого-нибудь подгулявшего мужика с перерезанным горлом. Находили убитыми и овец, и даже телят... Уездный лекарь, осматривавший трупы, уверял, что у всех была высосана кровь.

Полиция и Николай Алексеевич со своими дворовыми устраивали облавы, но все безрезультатно... Как-то один из опытных местных охотников, участвующий в облаве, привёл их к развалинам усадьбы Чёрной Бороды и предложил спуститься в подземелье, вход в которое он быстро отыскал. Нашлось и несколько смельчаков. С ними спустился в подземелье и Николай Алексеевич. Освещая путь факелами, они медленно продвигались по мокрым ходам подземелья. В одном небольшом зальчике увидели два скелета, прикованные цепями к крюкам в стене. Николай Алексеевич замыкал группу. Вдруг из тёмной щели высунулась волосатая рука и схватила его за горло. Он уже терял сознание, когда шедшие впереди наконец услышали его хрип и бросились на выручку. Рука отпустила Николая Алексеевича...

Проход, обнаруженный в стене, вывел преследователей в большой подземный зал, выложенный тесаным известняком. В свете факелов люди увидели в углу рычащее, волосатое подобие человека, абсолютно голое. Глаза его светились, как у волка. Неожиданно чудовище бросилось на людей. Раздались выстрелы, визг, крики, а затем всё смолкло. Когда пороховой дым несколько рассеялся, чудовище исчезло, лишь осталось на земле пятно крови.

Один из подземных коридоров вывел охотников на поверхность далеко от усадьбы. Страшный зверь-человек исчез в темноте ночи. Утром были продолжены поиски убийцы. По каплям крови на траве пришли к реке. Тут чудовище словно испарилось. Поговаривали в народе, что это сбежавший с каторги чернорабочий, но проверить не могли: начальство упорно хранило молчание.

Лев Вяткин

Игорь Атаманенко

ПОДКОП ПОД РЕЗИДЕНТА

В 1980 году ЦРУ подготовило, а затем стало целенаправленно реализовывать секретный план развала СССР под кодовым названием «Доктрина освобождения». Важная роль в нём отводилась агентам из числа наших политиков, дипломатов, крупных хозяйственников, научных работников закрытых лабораторий и НИИ, разрабатывавших новейшие образцы стратегической продукции для оборонной промышленности. И надо отдать должное сотрудникам ЦРУ – они преуспели в «охоте за головами». В их сети попали и работали в пользу Соединённых Штатов многие высококлассные специалисты...

ТАЙНИК В ИЗМАЙЛОВСКОМ ПАРКЕ

К вечеру 20 июля 1983 года над Москвой нависла грозовая туча. Хлынул дождь, разогнав послеполуденную духоту и запоздалых туристов, бродивших у храма возле Серебряно-Виноградного пруда в Измайлове.

Поднимая фонтаны брызг, по шоссе неслась одинокая машина. Вспышка молнии осветила на мгновение дипломатический номер посольства США в Москве.

Авто остановилось неподалёку от окружённого рвом собора, из него вышел атлетического сложения молодой человек и осторожно достал из багажника тяжёлую спортивную сумку. Оглядевшись, нырнул в заросли кустарника. Промокший до нитки, выполз оттуда через минуту и вновь осматрелся. Никого. Только дождь да всполохи молний. Иностранец облёгченно вздохнул, небрежно бросил пустую сумку в багажник, уселся за руль и был таков.

...Далеко за полночь чекисты вернулись из Измайлова. В кустах, где ползал под дождём любитель ночных прогулок из американского посольства, они обнаружили огромный валун, камень-тайник, внутри которого находились инструкции, микрофотоаппаратура, вопросник, шифр-блокноты и крупная сумма денег в советских рублях.

Рано утром следующего дня, едва солнце позолотило коричневую воду рва, у зарослей кустарника появился кучерявый молодой человек привлекательной наружности с сумкой в руках. В этот час на аллеях парка не было ни души. Молодой человек посмотрел по сторонам, нагнулся

и скрылся в зарослях. Через минуту он ползком, таща за собой сумку, выбрался на тропинку. Резко выпрямился и тут же осел: от неожиданной тяжести и нахлынувшего страха подкосились колени.

Сидя на корточках, снова огляделся. Нет, ничего опасного, просто раздался гудок вынырнувшей из тоннеля электрички метрополитена. Озираясь по сторонам, молодой человек с трудом вскинул сумку на плечо и... тут же погнал в объятия «скорохватов» из «Альфы».

«Кучерявым» оказался Константин Вишня, сотрудник Института Арктики Госкомгидромета. Он давно уже попал в поле зрения контрразведки по причине своих регулярных, хоть внешне и безобидных контактов с иностранцами в зарубежных портах, куда прибывал в качестве члена экипажа советских научно-исследовательских судов.

На первом допросе Вишни было всё: прямая ложь, ложь в форме умолчания, наконец, подтасовка и сокрытие фактов. Признавал он только то, что уже и без него было известно контрразведчикам.

Однако как только ему объяснили, что лишь сотрудничая со следствием, он может рассчитывать на снисхождение в суде, он тут же стал говорить всё.

ВЗЯТЬ С ПОЛИЧНЫМИ!

Прежде всего Вишня с пафосом представился, сообщив свой рабочий псевдоним: Паганель.

Оперативники, сдерживая улыбки, переглянулись – задержанный был известен им как Осьминог. Под этой

кликлой он значился в файлах КГБ и проходил по делу оперативной разработки.

– Очень приятно, господин Паганель! Звучное имя. Но нас более интересует, где и как вы должны провести следующий сеанс связи с вашими работодателями.

– Я должен заложить тайник на сорочковом километре Приморского шоссе, в том месте, которое в инструкции проходит под кодовым названием «Сорок»...

Место известное: в этом районе трасса Ленинград–Зеленогорск имела ответвление к дачам сотрудников генконсульства США в Ленинграде. Среди них было несколько установленных разведчиков ЦРУ, сидевших «под корягой», то есть действовавших под дипломатическим прикрытием. Кому же конкретно выпадет кон изымать тайник? Посовещавшись, контрразведчики пришли к выводу, что с таким ценным агентом, каким был для американцев Паганель, может работать только сам резидент ЦРУ в Ленинграде, Лон Дэвид фон Аугустенборг.

МУКИ ОПЕРТВОРЧЕСТВА

Из «волкодавов» контрразведки, из самых опытных сотрудников «наружки» и бойцов «Альфы» в КГБ был сформирован оперативный штаб, который должен был за три дня разработать и доложить лично Андропову план захвата американца на тайнике «Сорок».

Штаб возглавил начальник 1-го отдела Второго главного управления генерал-майор Родион Крашельников.

Но одно дело «высочайшее повеление», даже исходящее от такого признанного в чекистской среде авторитета, как Андропов, другое – взять с поличным профессионала экстракласса, такого, как Аугустенборг.

Место, на котором предстояло осуществить операцию, – открытое, как столешница: слева и справа от Приморского шоссе чистое, хорошо просматриваемое во все концы поле. Спрятаться группе захвата на обочине невозможно. О том, чтобы устроить засаду непосредственно на шоссе, не могло быть и речи, ибо появившись на трассе какие-нибудь «ремонтные бригады» или «сотрудники ГАИ», якобы расследующие дорожно-транспортное происшествие, – всё, пиши пропало. Аугустенборг – разведчик матерый и осторожный, хорошо осведомлённый об ухищрениях, к которым зачастую прибегали наши контрразведчики при проведении операций по задержанию шпионов. С ним традиционные уловки КГБ не сработают. Заметить резидент ремонтников или гаишников поблизости от места заклад-

ки тайника, даже если бы они были настоящие, он не станет рисковать, а попросту перенесёт сеанс связи на другое время в иное место. Надо было найти какой-то оригинальный ход, нечто из ряда вон выходящее.

Свою работу члены штаба начали с изучения поднятых из архивов дел, закончившихся захватом иностранных разведчиков при выемке ими тайников.

Первым было дело полковника Петра Попова, сотрудника Главного разведуправления Генштаба Вооружённых Сил СССР (ГРУ), работавшего на ЦРУ в 1953–1958 годах. Попов взял во время так называемой «моменталки», то есть при обмене шпионскими контейнерами в одно касание. Он пытался передать связнику-американцу похищенные секреты, а тот ему – инструкции-задания. Всё бы хорошо, если бы не одно «но»... Задерживали его в рейсовом автобусе, пассажирами которого были исключительно... сыщики «наружки»!

Однако сороковой километр Приморского шоссе – это не автобус, битком набитый сотрудниками службы наружного наблюдения, а абсолютно открытое и отлично просматриваемое пространство. Так что этот опыт в случае с Аугустенборгом пригодиться никак не мог.

Тогда обратились к делу по захвату на тайнике другого американца, Ричарда Джекоба, связника полковника Олега Пеньковского, поставившего американцам наши секреты в 1960–1962 гг. И опять неподходящий вариант – Джекоба брали в подъезде жилого дома на улице Пушкинской, 5/6, устроив там засаду.

Тогда генерал Крашельников предложил провести дискуссию, свободный обмен мнениями, в результате которого должен был вырваться план действий. Члены штаба между собой называли эти оперативные посиделки «устными сочинениями на вольную тему». Заслушаны были даже десятки самых на первый взгляд невероятных и фантастических предложений. Так, например, по замыслу полковника С-ова «альфовцев» следовало разместиться в вертолёт, который барражировал бы вдоль шоссе.

О задержании Паганеля и свои соображения о том, у кого он может находиться на связи, чекисты доложили Андропову.

Даже став генеральным секретарем ЦК КПСС, Юрий Владимирович продолжал живо интересоваться всем происходящим в недрах КГБ СССР, который он возглавлял в течение пятнадцати лет.

Как только Андропов услышал имя оператора Паганеля, он тут же приказал во что бы то ни стало взять

его с поличным во время выемки тайника. На то у генсека имелись свои причины.

Одна из них была слишком очевидна – после ухода Андропова из системы КГБ на территории СССР не разоблачили ни одного американского агента или разведчика, в то же время сотрудники КГБ из Вашингтонской и Нью-Йоркской резидентур «сыпались» пачками. Как раз накануне задержания Паганеля два наших разведчика, 3-ский и К-ов, действовавшие под прикрытием высокопоставленных чиновников советского посольства в Вашингтоне, были объявлены персонами нон грата и высланы из США.

Это событие было раскручено американцами по полной программе: высылка из страны советских «дипломатов» – ещё одно подтверждение заявлению президента Рональда Рейгана, назвавшего СССР «империей зла»!

Захват Аугустенборга с поличным на тайниковой операции мог бы если и не оправдать разведктивность КГБ на территории США в глазах мирового сообщества, то хотя бы уравнять наши шансы на ниве разоблачения шпионов, а также заставить президентскую администрацию извиняться и оправдываться.

Второй причиной, побудившей Андропова отдать приказ о захвате американского резидента с поличным, была личная неприязнь к его отцу, Дэвиду фон Аугустенборгу. Тот, так же как и Андропов, в 1956 году был послан в Венгрии. По данным советской разведки, именно через его руки проходили деньги ЦРУ, подпитывавшие будапештское восстание, имевшее своей целью свержение в Венгрии социалистического правительства.

В феврале 1957 года чрезвычайного и полномочного посла СССР в Венгрии Андропова отозвали в Москву. Виновником своей безвременной прерванной дипломатической карьеры он считал посла США в Будапеште. И вот теперь по долгам отца должен был расплатиться его сын, резидент ЦРУ в Ленинграде Лон Дэвид фон Аугустенборг...

Однако вернёмся к оперативным посиделкам. Итак, по замыслу полковника С-ова, как только машина Аугустенборга остановится близ тайника, бойцы «Альфы» должны катапультироваться из кабины МИ-8 и произвести задержание... Идею эту отвергли с порога.

«Альфовцы» физически не смогли бы достичь цели одновременно с американцем. Для того чтобы остановиться, выйти из машины и поднять бросовой тайник, иностранцу потребовалось бы от силы секунд 40, а группе захвата – не менее пяти-семи минут.

Кроме того, уже одно появление вертолёт над шоссе сразу насторожит американца – никогда «стрекозы» там не летали, а тут на тебе! Стоило только выехать на задание, как вдруг в небе вертолёт...

– Кто ещё желает высказаться?

Желающих не нашлось, и генерал объявил получасовой перерыв.

Когда члены штаба собрались вновь и выяснилось, что ни у кого новых оригинальных идей по задержанию Аугустенборга не появилось, генерал Крашельников обратился к заместителю командира «Альфы» подполковнику Владимиру Зайцеву:

– Немедленно дайте указание, чтобы на Ярославском полигоне был возведён отрезок дороги, полностью копирующий ту часть Приморского шоссе, где будет проводиться операция по захвату. Направьте в Ленинград кого-нибудь, чтобы заснять на видео объект «Сорок» и прилегающую к нему местность... Надеюсь, так нам будет проще наметить план мероприятий. Макет предстоящего «поля боя» должен быть готов через сутки! Действуйте!

КРЫСИННЫЕ ТРОПЫ ШПИОНАЖА

Контрразведчики предложили Паганелю продемонстрировать технику вызова своего оператора на безличную связь. Агент пояснил, что всё начинается с дома № 11 по улице Пестеля. На левом углу фасада дома ему предписано поставить чёрным фломастером жирную цифру «2» – знак, что контейнер в Измайлове изъят благополучно. В инструкциях дом № 11 именуется как «Вход».

Было известно, что мимо этого дома регулярно проезжают сотрудники генконсульства США, отправляясь с семьями на дачу в Зеленогорске.

Действительно, удобно. Едешь себе в машине мимо дома под номером одиннадцать, бросаешь взгляд влево, видишь «двойку»: ну, так и есть – контейнер в Москве изъят! Не останавливаясь, спокойно продолжаешь путь.

– Сразу после того, как американцы увидят условную «двойку» у «Входа», – продолжал признаваться Паганель, – мне по радио передадут подтверждение, что сигнал принят. В том же сеансе обозначат, где я должен заложить тайник.

(Сигнал посылался с одной из американских военных баз, расположенных в окрестностях столицы Греции, поэтому назывался «Афинским радиоцентром». – И.А.)

– Но вы ведь и сейчас уже знаете, где вам предстоит заложить следующий тайник, не так ли? У вас же есть шпаргалка. Зачем же нужен радиосеанс? – поинтересовались контрразведчики.

– Да, это так. В присланных американцами инструкциях есть график передачи материалов с условным обозначением каждого места тайника. Он полностью совпадает с ранее полученным. Но радио я должен слушать независимо от наличия графика – американцы могут внести коррективы по ходу дела... А я могу что-то перепутать от... – Паганель замялся, подыскивая нужное слово, – от волнения! Поэтому американцы подстраховываются, передавая мне напоминание по радио. Для закладки материалов и нанесения меток американцы использовали разные места.

Кронверкская улица, 16.

Каждый раз по возвращении из рейса агент должен был ставить цифру «2» на фасаде дома № 16. Это знак готовности принять сигнал о закладке американцами тайника.

Перекрёсток улиц М.Горького и Кронверкской.

С перекрёстка этих улиц хорошо видна телефонная будка. Это место назвали «Максим». Здесь агент должен поставить метку, что готов заложить в тайник собранные материалы.

Проспект Добролюбова, 1/79.

Этот дом обозначен как «Добро». Так же как на Кронверкской, каждый раз после закладки материалов в тайник агенту следовало ставить на стене проходного двора «двойку».

Владимирская площадь.

Эту площадь у рынка именовали «Влад». Если машина генконсульства США стоит носом к тротуару – закладка сделана в Ленинграде. Если багажником к тротуару – значит, в Москве.

Приморское шоссе, 40-й километр.

Тайник «Сорок». Так обозначили дорожный указатель на 40-м километре Приморского шоссе. Здесь агент должен заложить последние материалы...

– Сейчас моя задача заложить материалы на Приморском шоссе и поставить цифру «2» на проспекте Добролюбова, 1/79... – подытожил свои показания Паганель.

КАПКАН ЗАХЛОПНУЛСЯ

5 сентября под присмотром операторов Паганель поставил «двойку» в месте «Максим». На следующее утро по пути на работу сотрудник генконсульства США слегка притормозил у телефонной будки и зафиксировал метку.

10 сентября, в субботу, в семь часов вечера у указателя на 40-м километре появилась тряпка, измазанная мазутом. В ней – консервная банка с информацией от Паганеля – тайник «Сорок». Над подготовкой материалов, оставленных агентом в тайнике,

контрразведчикам пришлось изрядно потрудиться, ибо «деза» должна выглядеть правдоподобно. Если что-то вдруг не заладится и контейнер всё-таки попадёт к Аугустенборгу, американцы получат ценную информацию из рук самих контрразведчиков. Это было бы уж слишком!

В ту же ночь на проспекте Добролюбова, в условленном месте «Добро», появилась очередная «двойка»...

Утром в воскресенье, 11 сентября, американский разведчик, действовавший под прикрытием торгового атташе генконсульства США в Ленинграде, Эдвард Мюллер убедился, что метка поставлена, и, прибавив газу, помчался на Приморское шоссе. Не сбавляя скорости, он свернул с трассы на дорогу, ведущую к дачам. Семейство Аугустенборгов находилось там с пятницы.

Через сорок минут после прибытия Мюллера на дачу оттуда на большой скорости вылетел «форд» с дипломатическими номерами, за рулём которого сидел не Аугустенборг, а молодой сотрудник генконсульства. И хотя его принадлежность к ЦРУ не вызывала сомнений, он никак не вписывался в схему, разработанную лучшими умами КГБ... Это не входило в расчёты чекистов и уж тем более в планы генсека Андропова.

Вдруг поступил сигнал, что Аугустенборг на «мерседесе» с женой и двухлетней дочкой покинул дачу. Всё ясно: молодой цэрэушник – это всего лишь «передовой дозор». Действительно, первая машина миновала 40-й километр не останавливаясь. Но зачем резидент прихватил с собой домочадцев? Выполняют роль прикрытия?

Внешне на шоссе всё было спокойно, и Лон Дэвид резко свернул, а затем остановился у столба с меткой «40-й километр». Из «мерседеса» вышла его жена Дэнис, неся на руках дочь, укутанную в детское одеяльце... Ещё один сюрприз!

Со стороны всё выглядело так, будто заботливая мать хочет помочь своему дитяти сделать пи-пи.

Вдруг одеяльце соскользнуло с тела ребёнка и упало, точно накрыв лежащую на бетонном основании столба грязную тряпку-контейнер. Скорчив брезгливую гримасу, будто ей неприятно поднимать перепачканную вещь, Дэнис в одно касание подхватила одеяльце и, держа его одной рукой, а дочь другой, поспешила к автомашине.

Ловкость, с которой американка подхватила одеяльце, не оставляла никаких сомнений, что мизансцена «а ля пи-пи» тщательно отработывалась.

Аугустенборг в это время сидел в машине с включённым двигателем, держа ногу на педали газа.

Миссис Аугустенборг открыла заднюю дверцу, бросила одеяльце с тряпкой на пол, ребёнка усадила в детское кресло, притороченное к заднему сиденью, и уже собралась сесть рядом, как вдруг прямо перед ней выросли гренадёры в камуфляже.

В ту же секунду взвыл мотор «мерседеса» – Лон Дэвид до упора выжал акселератор, намереваясь сбежать. Увы! Радиатор машины тут же уперся в колесо бензовоза, а сам американец был выброшен бойцами группы захвата из салона. Дэнис билась в истерику на руках у гренадёров...

Дипломатические машины неприкосновенны, обладают правом экстерриториальности, но... победителей, как известно, не судят. Да и приказ Андропова – взять разведчика с поличным – для «альфовцев» был превыше дипломатического протокола.

СВЕТ В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ

До выемки Аугустенборгом тайника оставалось всего три недели, но план по задержанию американского разведчика так и не был разработан. Члены оперативного штаба продолжали предлагать варианты, но они не устраивали либо генерала Крашельникова, либо Андропова, который был вне себя от ярости из-за неспособности своих бывших подчинённых предложить что-либо подходящее.

Генерал Крашельников, засиживаясь до глубокой ночи в своём рабочем кабинете, стал с грустью приучать себя к мысли о досрочной отставке. Но однажды, то ли во время тысячекратного просмотра отснятой видеоплёнки, на которой был запечатлён ландшафт, окружавший Приморское шоссе, то ли во время скрытой рекогносцировки местности в районе объекта «Сорок» («альфовцы» выходили туда под видом грибников), кому-то из контрразведчиков пришла замечательная мысль: надо вырыть подземный ход!

Мысль о подземном ходе отнюдь не выглядела фантастичной. Метрах в пятидесяти от шоссе, именно на той стороне, где Паганель должен был заложить тайник, начинался густой лес.

Решено – сделано.

От леса к Приморскому шоссе рабочице «Ленметростроя» прорыли тоннель, по которому можно было ездить на легковом автомобиле. Его оснастили средствами связи. Заканчивался тоннель прямо на насыпи Приморского шоссе лазом, замаскированным дёрном. Такой же тоннель был оборудован и в Ярославском пограничном учебном центре,

где бойцы «Альфы» готовились к операции по захвату американского разведчика.

В лесу обустроили командный пункт (КП) с перископами, с помощью которых можно было вести наблюдение и за воротами дипломатической дачи, и за объектом «Сорок».

Как только Аугустенборг покинет дачу, «альфовцы» покинут КП и по подземному ходу достигнут лаза на насыпи. При появлении американского разведчика у тайника группе захвата по телефону передадут команду: «Захват!»

По телефону? Да, ибо, как и предполагал генерал Крашельников, в машине Аугустенборга действительно обнаружили радию, настроенную на частоты, которыми пользовалась для переговоров наша «наружка». Зафиксируй разведчик повышенное возмущение эфира перед выемкой тайника, он попросту отказался бы от акции.

...Все работы по выемке и вывозу грунта велись ночью, чтобы не привлекать внимание дипломатов и членов их семей, курсировавших между Зеленогорском и Ленинградом. А чтобы кому-нибудь из иностранцев не пришло в голову отправиться в лес по грибов-ягоды, в нескольких ленинградских газетах появились публикации с броским заголовком «Эхо войны», в которых подробно сообщалось об обнаружении в лесах вокруг Зеленогорска мин и снарядов. На них якобы уже подорвалось несколько заблудившихся коров...

По многу раз в день «альфовцы» разыгрывали одну и ту же мизансцену: имитировали приезд американца и его захват. На всё отводились считанные секунды. Тренировались до седьмого пота в дождь, грязь, днём и ночью.

Немало времени потратили и на отработку взаимодействия с бензовозами, которые должны были заблокировать автомобиль резидента.

Аугустенборг внёс в разработанную «альфовцами» схему неожиданные коррективы, так что перестраиваться пришлось на марше, но ничего, справились...

Вскоре Лон Дэвид фон Аугустенборг был объявлен персоной нон грата и вместе с семьёй покинул пределы СССР.

Через некоторое время вслед за Аугустенборгами по тому же маршруту проследовал и господин Мюллер.

Красавица Эмилия была дочерью барона де Брейтеля, служившего церемониймейстером при дворе Людовика XIV. Её отец не разделял общего мнения, что девушке знатного рода, тем более красивой, образование не нужно. Поэтому он постарался, чтобы Эмилия получила его. Она выучила латынь и итальянский, читала и декламировала Горация, Вергилия, Лукреция, изучала естественные науки. Причём её познания в математике и физике были столь глубоки, что девушка на равных участвовала в научных спорах молодых учёных.

Однажды в 1726 году в доме друзей Эмилия встретила поэта Вольтера. Но ей не понравился этот тщедушный и некрасивый 32-летний мужчина. А вот Вольтера поразили ум и красота молоденькой девушки. Он жаждал продолжить знакомство, но обстоятельства помешали этому.

Мари Франсуа Аруэ, взявший себе псевдоним «Вольтер», был выходцем из среднего сословия. В своих ранних стихах он воспевал стремление к жизненным удовольствиям. Позднее привлёк внимание своими выпадами против абсолютизма королевской власти. Хотя Вольтер считался оппозиционным литератором, он всеми силами старался пробиться в замкнутый круг французской знати. Например, чтобы можно было настаивать на своём дворянском происхождении, он присоединил к новому имени частицу «де» без всяких на то оснований.

После этого один из его друзей позволил себе посмеяться над Вольтером. Взбешённый, тот вызвал его на дуэль, но насмешник вызова не принял. Однако несостоявшаяся дуэль послужила предлогом, чтобы отправить «самозванца» в Бастилию. Истинной же причиной были сатирические стихи Вольтера на тогдашнего французского регента Филиппа Орлеанского.

Тюремное заключение было недолгим. Затем Вольтера выслали в Англию. Он покинул Францию униженный и разгневанный, увозя с собой единственное приятное воспоминание о юной красавице Эмилии.

Встретить её вновь Вольтеру было суждено только через семь лет, когда он вернулся в Париж уже известным поэтом и драматургом, чья пьеса «Заир» в это время с огромным успехом шла в парижском театре. На одном из приёмов Вольтер увидел высокую и грациозную светскую даму, в которой с удивлением узнал когда-то поразившую его своей красотой и живым умом дочь барона де Брейтеля.

За прошедшие годы в её жизни многое изменилось. В 19 лет она вышла замуж за блестящего офицера маркиза дю Шатле и родила ему двух

Ольга Костина

РОМАН ПО-НАУЧНОМУ

Великие люди не часто бывают постоянны в любви. К числу таких редких исключений относится знаменитый французский философ и писатель Вольтер (1694–1778), который всю жизнь творил только для своей избранницы – маркизы Эмили дю Шатле. А она была для него ангелом-хранителем, оберегавшим от всех превратностей судьбы.

детей. Впрочем, Эмилия и её муж не пылали взаимной страстью. Это был брак по расчёту. Вскоре после пышной свадьбы супруги по обоюдному согласию предоставили друг другу полную свободу, как это было принято в то время при дворе.

Всё это Вольтер узнал тут же, на приёме, после чего присутствовавшие на нём дамы, старавшиеся привлечь внимание знаменитости, перестали для него существовать. Пренебрегая правилами приличия, он направился к Эмили, напомнил о давнем знакомстве, добавив, что все эти годы их первая встреча была жива в его памяти.

Вольтер пленён её красотой и не скрывает этого. Трудно сказать, что именно на сей раз привлекло в нём Эмилию. Может, горящие умные глаза или язвительный сарказм, когда он клеймил высший свет, в котором знатное происхождение значило всё, а личность – ничто. Во всяком случае, они почувствовали непреодолимое влечение друг к другу.

После этого вечера к Вольтеру на улицу Лонг стала тайно приходиться женщина, завладевшая его сердцем.

Вольтер в кресле. Ю.-А. Гудон

Вскоре они не могли и дня прожить друг без друга. Но не только страсть владела ими. Эти странные любовники вместе занимались... наукой, в частности, изучали математику и английскую философию. До романа с Эмилией Вольтер был поэтом, драматургом, актёром. Теперь он увлёкся математикой, физикой, химией, геологией. Только для того, чтобы вызвать восхищение дамы сердца, он пишет комментарии к трудам Ньютона и трактат о свойствах огня, который посылает в Академию наук.

Проходит немного времени, и Вольтер с Эмилией перестают скрывать свою связь. Они всюду бывают вместе — на балах, спектаклях, литературных вечерах. Но Вольтер не только блистает в светском обществе. Он много пишет и вновь навлекает на себя гнев властей. В 1734 году выходят его «Философские письма», в которых он рассказывает о политической жизни Англии. Крамольное издание конфисковали и сожгли, а автора для острастки ненадолго вновь отправили в Бастилию.

Однако это не оказало на Вольтера должного воздействия. Он издаёт

с любимой прихлассе Вольтеру по душе. Он не пожалел ни денег, ни энергии, чтобы превратить в райский уголок изрядно запущенный замок. А на пристроенной к нему галерее разместил лабораторию для физических опытов. Её украшали статуи Геракла и Венеры, символизировавшие силу и любовь, и два Амура, один с физическим прибором, другой со стрелой.

Столь странное сочетание должно было олицетворять не менее необычную любовь Вольтера и Эмилии. Любовь, которую питали не только чувства, но и общие духовные и научные интересы. Как и в Париже, они вместе изучают труды натуралистов, философов, математиков и популярно пересказывают их для французского читателя.

Вольтер не уставал повторять, что бесконечно признателен своей прекрасной возлюбленной за то, что ради него она оставила высший свет и «похоронила себя в глуши». На это Эмилия возражала, что столичная суета ей уже давно была не по душе. А главное — здесь он может спокойно работать. Действительно, спокойная

своего «Светского человека», за которого его обвиняют в издевательстве над религией. Чтобы опять не попасть за решётку, он вынужден бежать в Голландию.

Но Вольтер и Эмилия не могли жить в разлуке. У неё родилась спасительная идея поселиться вместе с возлюбленным в своём родовом замке в провинции Шампань, расположенном в живописной долине неподалёку от границы. При первой же тревоге можно покинуть Францию и пешком уйти во владения герцога Лотарингского, философа и учёного, поклонника Вольтера.

Возможность спокойно работать в уединении среди красот природы, а главное, быть вместе

атмосфера старинного замка способствовала творчеству Вольтера. Написанные им пьесы тут же превращались в спектакли, которые ставились в их домашнем театре. Играть в них приезжали знаменитости из Парижа, да и сам Вольтер часто выходил на сцену.

Это может показаться удивительным, но супруг Эмилии, маркиз дю Шатле, не мешал их любовной идиллии. Иногда он бывал в её замке, играл с Вольтером в трик-трак, любезно беседовал. Маркиз нисколько не ревновал к нему свою жену. Напротив, был готов даже помочь Вольтеру. Так, после публикации памфлета «Вольтеромания», в котором аббат Дефонтен обвинил писателя в безбожии, маркиз дю Шатле встретился с автором и так поговорил с ним, что аббат дал письменную расписку в том, что памфлет он не писал и, больше того, категорически не согласен с выдвинутыми в нём обвинениями.

Мирное течение жизни в замке нарушал сам Вольтер, который продолжал будоражить общественное мнение своими сочинениями. Например, одной только знаменитой «Орлеанской девы», злой сатиры на историческое событие, хватило бы, чтобы снова упрятать автора в Бастилию. Но, к счастью, этого не произошло.

Наступил 1748 год. Франция одержала победу в войне. По этому поводу Вольтер написал торжественную оду, которая принесла ему славу всенародного поэта. Он отправляется в Париж, где его избирают во Французскую академию. А верная Эмилия терпеливо ждёт его в своём замке.

Наконец, к её великой радости, Вольтер возвращается. Но уже близок конец их романтической истории. В декабре 1748 года Эмилия сообщила любимому, что ждёт ребёнка. Назревал скандал. Однако изобретательный Вольтер нашел выход: маркиз дю Шатле должен стать отцом в третий раз. Эмилия пишет мужу нежное письмо. Получив его, маркиз незамедлительно приезжает в замок, проводит несколько дней рядом с женой, а затем возвращается в полк. Там он вскоре с восторгом узнаёт, что вновь станет отцом.

В сентябре 1749 года Эмилия родила девочку. А на шестой день после родов её не стало. Безутешный Вольтер написал в дневнике: «Ушла половина меня самого. Самый нежный отец не мог бы любить сильнее свою единственную дочь».

После кончины Эмилии Вольтер покинул её родовый замок и до конца своих дней жил в Швейцарии, не переставая тосковать об ангеле-хранителе, осветившем его жизнь тёплым светом бескорыстной любви.

Руслан Никитин

КАТАСТРОФА

История эта произошла в 1970-е годы.

Рисунки Михаила Петрова

Ближе к концу апреля жена с маленьким сынишкой уехала на лето из Заполярного гарнизона к моей матери в Подмоскowie. Мне тоже через неделю обещали отпуск, и мы планировали провести майские праздники вместе. Билет на самолёт был куплен, отпуск оформлен, и за два дня до отъезда я уже укладывал чемодан, предвкушая беззаботный отдых. Но все мои планы внезапно рухнули. В полку при выполнении дневных полётов пропал экипаж в составе майора Желткова и молодого лейтенанта, недавно прибывшего в часть из училища. Поиски в тот же день ничего не дали, помешала низкая облачность. На другой день с воздуха были обнаружены обломки пропавшей спарки, но экипажа ни рядом, ни в прилегающей местности не заметили. На связь при помощи портативной радиации, которая находится в ранце парашюта, лётчики тоже не выходили. Обстановка не предвещала ничего хорошего. Большинство личного состава склонялось к мнению о гибели экипажа, хотя слабая надежда ещё оставалась. Кто-то вроде бы заметил с воздуха недалеко от обломков предмет, похожий на катапультное кресло.

Я счёл своим долгом сдать билет и остаться. К этому обязывало не только беспокойство за своих товарищей, но и занимаемая мной в то время должность начальника парашютно-десантной службы полка, под чьим руководством находится контроль и обслуживание спасательных средств на самолётах. Мне нужно было убедиться в штатном срабатывании катапультных кресел и парашютов, если лётчики ими воспользовались. Как раз в это время формировалась поисково-спасательная группа, которая в канун праздника, 30 апреля, должна была вылететь на вертолёте к месту катастрофы. В неё входили врач, несколько молодых авиатехников из числа охотников с лыжами, мои подчинённые – укладчики парашютов и несколько солдат и офицеров из других служб. Теперь к ним присоединился и я. Туда же вылетал и другой вертолёт с офицерами штаба во главе с командиром корпуса. Утром следующего дня наш вертолёт поднялся в воздух. Внизу проплывали заснеженные сопки, местами поросшие елями и кустарником. Под мерное потряхивание и монотонный шум двигателей я вспоминал Желткова.

Он прибыл в полк в прошлом году из академии. Молодой, жизнерадостный, энергичный и общительный майор быстро вжился в офицерский коллектив и стал успешно осваивать программу лётной подготовки. Авиационные полки в то время всё больше и больше пополнялись молодыми лейтенантами из высших лётных училищ и выпускниками академий. Лётчик без высшего образования уходил в прошлое. Одновременно с этим уже тогда, в семидесятых годах, у молодых лётчиков было замечено некоторое зазнайство и чувство превосходства перед старыми лётчиками «от сохи». И самое неприятное – то, что этот перекокс в воспитании молодых офицеров начинался в училище, когда они были ещё курсантами. Вольно или

неволью им прививали чувство высокомерия к младшим по званию, к старым, необразованным офицерам. А уж про отношение к солдатам и говорить нечего. Они для них были просто быдлом. Многие молодые лейтенанты разговаривали с ними на повышенных тонах, кричали на них, даже если для этого не было никакого повода. Оказывается, в училище им так рекомендовали отработывать командирский голос. Все пророчили выпускникам в скором времени как минимум командование авиаполками, внушали презрение к «неграмотным», бесперспективным «старикам» без высшего образования, как к отработанному материалу. Всё это я узнал от одного молодого лётчика, с которым однажды поговорил по душам. Молодые лейтенанты совершенно не признавали авторитет опытных пилотов. Многие вели себя нагло, советы старых лётчиков пропускали мимо ушей, а иногда даже грубили. Как-то раз один из них пожаловался своему товарищу, что у него не получаются высотные перехваты. Услышав это, я указал на ошибки в его действиях и рекомендовал способ их исправления. Реакция была неожиданной:

– Без ваших советов обойдёмся, – ответил он.

А когда я напомнил, что у меня большой налёт и опыт таких перехватов, то получил ещё более грубый ответ:

– Мой чемодан налетал больше.

И это при том, что между нами до этого не было никаких стычек или конфликтов. А уж когда в армии начался процесс омоложения командного состава, который в авиации прозвали «озеленением», то вообще беспредел пошёл. В лётной работе этого никак нельзя было допускать. Вспоминаю только один характерный случай. Старый опытный лётчик, майор, командир звена, пришёл из отпуска. Ему нужно было выполнить контрольный полёт с вышестоящим командиром. Им оказался молодой старший лейтенант, которого только что назначили заместителем командира эскадрильи. После полёта майор распечатал формуляр у авиатехника и направился в лётную комнату. И вдруг услышал окрик старшего лейтенанта:

– Товарищ майор, вы почему не получили у меня замечания по выполнению полёта?

Тот вяло обернулся:

– Салага, яйца курицу не учат, тебя ещё самого учить летать надо.

И подобных инцидентов множество. С лётной работы на пенсию в то время ушло много опытных лётчиков, настоящих асов. А молодые гибли часто и в основном из-за своей самоуверенности, неопытности, самонадеянности и просто по глупости, иногда совсем безрассудной. Одного молодого, да раннего командира при полёте зимой на малой высоте между слоями облаков штурман командного пункта дважды предупредил о высокой сопке прямо по курсу, но каждый раз лётчик самодовольно отвечал, что он всё видит и знает. После третьего предупреждения он успел в ответ только якнуть, а затем короткий треск и тишина. Из-за вопиющей глупости погиб молодой лётчик, по-де-

тски обидевшись на руководителя полётов, который дважды не ответил на его запрос. Лейтенант тогда назло не стал разворачиваться на аэродром и улетел так далеко на север, что обратно не хватило топлива и он упал в Баренцево море. Кому нужна такая обидчивость? Назло кому он это сделал? Абсурд, да и только!

С Желтковым по роду службы мне близко сталкиваться не приходилось, а судя по поведению я считал его одним из немногих офицеров с высшим образованием – и без признаков высокомерия и спеси. Но однажды меня включили в полёты в паре с ним. Майору нужно было освоить полёты строем на малой высоте, и меня назначили к нему ведущим. Хотя непосредственно по службе мы друг другу не подчинялись, а в звании он был на ступень выше, но на правах ведущего перед полётом я порекомендовал ему держаться на увеличенной дистанции, а также сказал о том, что полёт будем выполнять в режиме радиомолчания. Желтков согласно кивнул, и мы пошли к самолётам. В воздухе по пути в пилотажную зону, несмотря на мою рекомендацию, майор держал чуть ли не парадный строй, так что слегка повернув голову я уже мог его видеть. Перед началом выполнения фигур пилотажа пришлось всё-таки дать команду на увеличение дистанции. Желтков сначала оттянулся назад, но вскоре на очередном вираже я снова увидел его рядом. Ну что ж, раз не понимает, пусть убедится на практике – подумал я, после чего снизился почти до вершин сопки и без предупреждения сделал крен в его сторону. Вот тут он и заметился. Сначала шархнул было от меня, но при этом своим же самолётом заслонил самолёт ведущего и потерял с ним зрительную связь, что грозило столкновением. Тогда он дёрнулся вниз, но рядом земля. Хотел убрать крен, но тогда бы мы столкнулись. В конце концов Желтков резко ушёл вверх и перестроился в другой пеленг на внешнюю сторону виража. После полёта он должен был получить у меня замечания по выполнению полёта, но, видимо, ему, майору из академии, было неловко получать замечания у

неграмотного капитана, поэтому он подошёл ко мне будто бы просто поделиться впечатлениями.

– Олег, ну ты понял, что нельзя держать такой строй, особенно на малой высоте? – спросил я.

– Да нормально. Я просто перешёл в другой пеленг.

Ладно, думаю, может, ему неудобно вслух признать мою правоту, а сам наматал на ус. Оказалось – ничуть не было. Нам предстоял ещё один полёт. И снова Олег летел в парадном строе. Тогда я пошёл ещё на один эксперимент. В зоне была высокая двуглавая сопка. Я снизился до бреющего и направил самолёт между двумя её вершинами. Если ведомый будет упрямо держаться на своём, то он может вмазать в одну из них. Увидит или не увидит? Я слегка оглянулся. Самолёт Желткова был близко. Его голова повернута в мою сторону. Ну правильно, чтобы держаться в плотном строе, лётчик вынужден всё время смотреть на ведущего. Переднюю полусферу он мог видеть только окольным зрением. Я же придерживался другой тактики. По моему убеждению, ведомый должен идти в очень вытянутом строе, вплотную до того, чтобы ведущий проецировался в лобовом стекле, и лучше всего взять не-

большое превышение над ним. Это давало возможность чувствовать себя свободно и видеть всё так, как в одиночном полёте. При этом ведущий мог без предупреждения внезапно выполнять любые резкие манёвры, и это никак не сказывалось на безопасности полёта. Ну как же грамотный офицер не поймёт этого? Чему же их в академии учили? Неужели он не понимает, что нам нужно готовиться не к авиационным парадом, а к боевым действиям? Двуглавая сопка всё ближе. В седловине между вершинами наша пара не пройдёт, а Желтков по-прежнему на своём месте. Может, он в последний момент перестроится или хотя бы «перепрыгнет» вершину? Нет, упрямо идёт рядом. А сопка уже вот она. Я не выдержал и слегка взял ручку на себя. Близко под нами пронеслись каменные уступы и валуны, покрытые мхом. А мой ведомый будто прилип ко мне, ну никакой реакции.

После полёта я сам подошёл к нему, высказал свои замечания и ещё раз объяснил преимущества полёта в сильно вытянутом пеленге. И снова услышал почти то же самое:

- Да нормально всё, видел я эту сопку.
- Так почему же ты не среагировал?
- Да мы и так проскочили бы.

Ничего больше тогда я ему говорить не стал, отметил про себя, что и у него, оказывается, присутствует пренебрежение к опыту старых лётчиков и высокое самомнение, только по характеру Олег был более деликатен и не выставлял этого напоказ.

В эти последние дни апреля Желтков так же, как и я, собирался в отпуск, но командир полка попросил задержаться, для того чтобы дать вывозные и контрольные полёты лётчикам, прибывшим из училища. Позавчера с одним из них Олег и вылетел на задание. Полёт проводил поверх низкой облачности. В районе первого поворотного пункта руководитель полётов запросил его о характе-

ре погоды на маршруте. Вместо того чтобы, не изменяя высоты и курса, передать видимые условия, он, судя по всему, решил замерить высоту нижнего края облаков и пошёл на снижение. По предварительному определению при входе в облачность самолёт столкнулся с гребнем высокого хребта и разрушился. Действия командира экипажа были явно безрассудными, а лейтенант, конечно же, постеснялся как-то воспрепятствовать. И его можно понять. У меня на его месте тоже не хватило бы решительности препятствовать действиям своего командира. Со временем подобная робость пропадает. Осознание реальной опасности преобладает над ней.

В моей лётной работе было два таких случая. Первый – как две капли воды похожий на только что случившееся ЧП. Тогда я дважды за полёт молча, но решительно вытягивал ручку управления на себя, не давая командиру экипажа войти в низкую облачность, убить меня и разбиться самому, хотя он был старше и должен бы быть опытнее. Во втором случае при контрольном полёте с корпусным инспектором ночью в облаках я почувствовал в кабине очень знакомый запах, но до того нереальный в данной обстановке, что мне какое-то время не удавалось определить его происхождение. И только когда я заметил на остеклении фонаря странные блики красноватого цвета в задней кабине, яркость которых то плавно увеличивалась, то меркла, до меня вдруг дошло. Испуганно-возмущённым голосом я сразу же заорал:

- Товарищ подполковник, вы что, курите?!

В тот момент мне ещё в какой-то мере казалось нереальным его сумасбродство.

- Всё, всё, не беспокойся, продолжай полёт, – слышал я его голос. Уж не знаю, как он там загасил свою сигарету, но блики больше не появлялись, а запах быстро выветрился. Ну не сумасшествие ли – курить в кабине истребителя рядом с кислородным оборудованием и кислородной

маской у лица? По радио на землю я ничего не передал, но после посадки сообщил руководителю полёта. Через месяц подполковника списали с лётной работы за неоднократное употребление спиртных напитков накануне лётной смены и нарушение предполётного режима. Раньше никогда бы не поверил, что лётчик может дойти до такого состояния.

Мои мысли прервали возгласы ребят, увидевших в иллюминатор обломки самолёта. Их разбросало по внутреннему склону одного из двух параллельных хребтов. Подходящая площадка для посадки вертолётов нашлась совсем рядом с местом катастрофы.

С неприятным тревожным чувством мы сразу пошли к искорванному центроплану, где должна быть кабина пилотов, и ещё на подходе к нему увидели, что худшие предположения оправдались. На краю ямы, образовавшейся от удара основной массы самолёта, торчал искорёженный дюраль, а на нём, перегнувшись пополам, свесился обгоревший труп Желткова. В самой яме навзничь лежал труп лейтенанта с расплюсненной головой. Вместе с моим корпусным начальником по парашютно-десантной службе подполковником Пейдусом мы стали вынимать из карманов лейтенанта документы, карты, полётную планшетку и пистолет. Кроме положенных необходимых вещей дополнительно обнаружили коробок спичек в самодельной герметической упаковке и шоколад.

– Запасливый был лейтенант, – сказал Пейдус.

Потом вместе с полковым врачом стали высвобождать Желткова. Этому мешала его рука, зажатая обломком самолёта. Доктор надел резиновые перчатки и, не щадя мёртвой руки, с неприятным царпаньем силой протаскивал обгоревшую культю сквозь рваную дыру в металле. Затем солдаты понесли оба тела на носилках к вертолётам, а я вынул из лейтенантского пистолета целую обойму с патронами, взвёл курок, не передёргивая затвора, и, направив дуло вверх, произвёл контрольный спуск. И вдруг вместо холостого щелчка произошёл выстрел. Я ещё раз недоумённо посмотрел на обойму. Но она действительно была полной. Значит, запасливый лейтенант загал в ствол дополнительный патрон. Куривший недалеко от меня командир корпуса недовольно оглянулся.

– Лишний патрон был в стволе, товарищ генерал, – оправдываясь, сказал я и показал ему обойму и пистолет с откинутым затвором. Генерал молча отвернулся. Пистолет я отдал Пейдусу, а пока офицеры из техостава искали детали самолёта, провалившиеся в снег, и осматривали их, мне захотелось подняться на гребень хребта, чтобы посмотреть место первого касания самолёта.

Склон хребта наверху с той стороны, откуда летел самолёт, был очень пологим, почти горизонтальным. Из-за постоянно дующих ветров толщина снега здесь не превышала трёх–четырёх сантиметров. Он лежал ровным слоем, безо всяких следов столкновения самолёта. Как же так? Неужели причина катастрофы в другом? Я продолжил свой путь дальше от гребня хребта и буквально метров через двадцать–двадцать пять наткнулся на пятно в снегу, представлявшее собой слегка вытянутый овал оголённого камня сантиметров десять в диаметре. Снег рядом с ним в направлении полёта был посечён мельчайшими брызгами камней, мха и дюралья. Получалось, что самолёт на одно мгновение лишь едва коснулся земли самой выпуклой частью фюзеляжа, и этого хватило для его разрушения или взрыва уже в воздухе. Такое точечное касание, учитывая ровную поверхность вершины, могло произойти, только если самолёт уже переходил в набор высоты и лётчикам не хватало всего нескольких сантиметров, чтобы уйти от земли. Но что-то не верится, чтобы из-за этого сантиметрового касания произошло разрушение. Ведь были случаи, когда УТИ Ми-5 без шасси производил посадку прямо на фюзеляж и всё обходилось без тяжёлых

последствий. Можно сделать ещё одно предположение, что лётчики, внезапно увидев перед собой землю, так хватанули ручку управления, что самолёт разрушился от перегрузки, чуть коснувшись перед этим вершины хребта. Но это тоже было бы удивительно. Данная конструкция отличается большой прочностью, и для её разрушения перегрузка нужна запредельная. Я не слышал ни одного случая, чтобы УТИ Ми-5 получил хотя бы остаточные деформации. Непонятно, почему никто из членов комиссии по расследованию не заинтересовался местом первого удара. Решив поделиться с ними своими впечатлениями, я пошёл назад к гребню хребта.

То, что я там увидел, неприятно меня удивило. Внизу по распадку среди хлопьев начавшегося снегопада летели два наших вертолёта. А как же я? Неужели про меня никто не вспомнил, и я остался в сопках один, без лыж, без еды и оружия? Стало тоскливо. Но тут внизу что-то зашевелилось. Это был мой старший укладчик парашютов.

– Нас что, забыли? – крикнул я ему.

– Да нет, вон там все, – махнул он рукой вниз.

Оказалось, что основная масса людей осталась. Увезли только командира корпуса, врача с телами погибших и ещё нескольких человек. За остальными обещали скоро вернуться. Но пока шёл густой снег, нечего было и думать об их возвращении, а когда в начавшихся сумерках снегопад прекратился, то солнце уже зашло за горизонт. И хотя в это время года в Заполярье ночь была светлая, надежды на то, что командование пришлёт нам вертолёт до утра, не было. Стали решать, что делать. Группа разделилась надвое. Одни, во главе с Пейдусом, предлагали ночёвку на месте и ожидание вертолёта. Другие говорили, что во время праздников будет запрет на вылеты всей военной авиации и ждать, возможно, придётся не меньше двух с половиной суток, а у нас нет еды. И хотя мороз небольшой, но находится столько времени в снегу с нашей экипировкой не так просто, как кажется сейчас в разгорячённом состоянии. Кроме того, надо думать и о солдатах, обутом в обычные кирзовые сапоги. Предлагалось выходить на Верхне-Тулумское водохранилище, которое находилось от нас не так далеко, если идти по распадку, а там решать, что делать дальше.

Позиция Пейдуса мне была понятна. Виктор Петрович был большим энтузиастом парашютного дела и выживания на местности. К тому же ему была присуща некоторая доля авантюризма. Но его сторонников оказалось меньше. Большинство склонялось к пешему переходу до Верхне-Тулумской ГЭС. Идти нужно было по памяти. Так получилось, что карты ни у кого не оказалось. Стали гадать, сколько километров до ГЭС. И тут выступил я, заявив, что, насколько мне помнится, до неё будет километров пятнадцать. Хотел сначала сказать двадцать, но подумал, что это кое-кого отпугнёт. А Пейдусу напомнил его любимое выражение: «Дорогу осилит идущий». После этого решающим большинством было принято окончательное решение: выходить на лёд водохранилища. Тут возникла новая сложность: в распадке лежал глубокий снег, а лыжи взяли немногие. После недолгого обсуждения решили пустить вперёд всех лыжников с возможно большей поклажей, а уже по сравнительно утрамбованной лыжне налегке пойдут пешие. Я предложил ещё один вариант. «Безлошадным», каким был и сам, не спускаться на дно распадка, а наоборот, подняться до гребня хребта и идти по обнажённой вершине до его конца, после чего соединиться с группой лыжников непосредственно перед выходом на лёд. Но меня никто не поддержал. Против деления группы был и Пейдус. Пришлось согласиться с мнением большинства. Пройдя небольшое расстояние вслед за лыжниками, я всё же взбунтовался. Ходьба по лыжне была мучительной. То одна, то другая нога неожиданно проваливалась в снег. Только вытаскишь одну ногу и прочно встанешь на лыжню,

а тут другая провалилась. Вдобавок мешали провалы от впереди идущих. Такая дерганая ходьба мне решительно не понравилась. Я сошёл с лыжни и пошёл наверх. Виктор Петрович ещё раз рекомендовал не делать этого, но я был неумолим. С собой, кроме сапёрной лопатки, неизвестно как оказавшейся в руках, у меня ничего не было. Вскоре затихли голоса рябят, и я остался один.

На гребень хребта выбрался изрядно запыхавшись, но зато теперь пошёл почти как по асфальту. С высоты было видно всё вокруг, в том числе и водохранилище. Только вот ГЭС что-то нигде не просматривалась. Насколько хватало глаз до самого горизонта только сопки. Может, за ними где-нибудь?

Путь до конца хребта прошёл легко и незаметно. Зря ребята не согласились на мой вариант. Теперь мне предстоял спуск по глубокому снегу, после чего нужно было повернуть под девяносто градусов и выйти к одному из

небольших заливов водохранилища, где должна состояться встреча с основной группой. Но спуск оказался не таким лёгким, как мне представлялось. Я проваливался по пояс, с трудом вытаскивал ноги из глубокого снега и дышал, как загнанная лошадь. Тогда попробовал сесть на сапёрную лопатку, чтобы съехать на ней. Не получилось. Снег оказался для этого слишком рыхлым, а склон не настолько крутым. После неудачи решил спускаться, перекаtywаясь всем телом. Вот забава-то в детстве была! Но сейчас не до забавы. Через некоторое время вращение и мелькание то неба, то земли привело к неприятному подташниванию. Как-никак с утра во рту ни крошки, а сейчас уже начало двенадцатого ночи. Попробовал катиться с закрытыми глазами, но самочувствие только ухудшилось. К тому же я стал то и дело наткаться на кусты, торчащие из-под снега. Решил немного посидеть и отдохнуть. Голова некоторое время ещё кружилась. Никогда не думал, что при спуске со снежного склона можно столкнуться с такими трудностями. Наконец в голову пришла новая мысль, самая рациональная. Я лёг на живот и, как ящерица, стал ползти вниз, загребая снег под себя. При этом он попадал и за пазуху, но зато я наконец сравнительно быстро одолел этот злополучный спуск. Внизу передо мной оказалось болото с редкими кустиками карликовых берёзок. Кое-где возвышались отдельные низкорослые, корявые сосны. Среди высоких кочек местами обнажился мох и кое-какая расти-

тельность в виде брусники, черники и ерника, на которых висели водянистые прошлогодние ягоды. Я стал загребать их рукой и с аппетитом отправлять в рот. Снег здесь был не такой глубокий, как на склоне, но зато мягкий мох под ним сильно проседал при каждом шаге, из-за чего ноги при ходьбе приходилось поднимать высоко. На это уходило много сил. Ходьба напоминала маршировку почти на месте. Идти было тяжело, а скорость передвижения слишком мала. Вскоре мне стало так жарко, что по спине побежали ручейки пота. Но делать нечего, в данном случае других вариантов нет. Я расстегнул куртку и комбинезон и время от времени отправлял горсточку снега то за шиворот, то за пазуху. Снег быстро таял под одеждой, и вскоре мне было всё равно, что там по спине и по груди течёт – то ли пот, то ли растаявший снег. Я шёл, загребая руками то снег, то ягоды – горсть ягод в рот, горсть снега за шиворот, горсть ягод в рот, горсть снега за пазуху.

Сколько так шёл – не знаю, но вдруг, наклонившись в очередной раз за ягодами, я застыл на месте.

Передо мной в снегу был чёткий отпечаток медвежьей лапы и раздавленные им ягоды. Вот так сюрприз! Я быстро осмотрелся. Вокруг никого. Присмотрелся к следам. Они были свежие. Прошедший не так давно снег не закрошил их. Значит, медведь прошёл здесь уже после снегопада. Его следы пересекали мой маршрут в попутном направлении, лишь немного уходя влево. Мне предстояло идти туда же. Если он встретится с нашей группой и повернёт назад, то мне деваться некуда. От корявых невысоких сосен толку нет. Медведь лучше меня влезет на любую из них. А из оборонительного оружия только сапёрная лопатка. Смешно. Вот когда я пожалел, что не послушал своего шефа. Но я ведь не предполагал, что какой-то медведь может так рано подняться. Хотя, может, он и не тронет меня? Может, он тоже хоть немного утолил свой голод прошлогодними ягодами? Вон их здесь сколько! Впрочем, судя по ровной цепочке следов, не заметно, чтобы медведь уделял ягодам какое-то внимание. Ну да что об этом думать? Всё равно идти мне больше некуда. Я продолжил свой маршрут, всё время вглядываясь вперёд в направлении медвежьих следов. Постепенно мы всё больше расходились, и я успокоился.

А через некоторое время стали слышны отдельные голоса людей поисковой группы. Я немного опередил их и теперь, отдыхая, поджидал недалеко от выхода на водохранилище. Ребята выглядели сильно уставшими. Особенно измотана была пешая группа. При выходе на водохранилище мы увидели множество лунок, просверленных рыболовами-любителями. И, упав на лёд, с жадностью стали пить воду из них. Я рассказал ребятам про медвежьи следы, но они с ними не встречались.

Выйдя из уютного залива на ледяной простор, группа разбрелась и растянулась. Самые ретивые лыжники рванули вперёд, увидев далеко на берегу, почти на горизонте, какую-то избушку. Другие направились к рыбакам в соседнем заливе, которые приехали сюда на своих машинах прямо по льду. Вскоре там послышались удивлённо-возмущённые возгласы участников нашего похода. Особенно громко выступал пожилой полковник из вышестоящего штаба. Когда мы проходили невдалеке, он повернулся и грозно спросил:

– Кто там... сказал, что до ГЭС пятнадцать километров?

Я уже хотел было отозваться, но Пейдус одёрнул меня:

– Молчи, молчи. Иди! – и подтолкнул меня вперёд.

Оказалось, что до Тулемской ГЭС ещё целых 35 километров. Я допустил большую ошибку, определив по памяти это расстояние в два раза меньше. Но этому есть и оправдание. Перед вылетом мне только мельком показали место падения самолёта на карте-двадцатикилометровой. А при таком масштабе 2,5 миллиметра ошибки – это уже 5 километров на местности. Но дело сделано. Мы на ровном льду водохранилища, а не среди сугробов в сопках. Рядом люди, да ещё с машинами, а это большое дело. И, как потом оказалось, их помощь потребовалась именно этому полковнику. А сейчас мы с Пейдусом, не оборачиваясь, равнодушно продефилировали мимо него в общей толпе ребят. Полковник же с несколькими офицерами остался, продолжая что-то выяснять у рыбаков. Как мы потом узнали, у него было больное сердце. Он из последних сил дошёл до водохранилища, надеясь на скорое окончание путешествия, поэтому крушение надежд оказалось для него большим ударом. Между тем было уже далеко за полночь, но небо оставалось светлым. Одна заря спешила сменить другую. Далеко-далеко на противоположном берегу сквозь деревья изредка светились фары автомашин. Минут через сорок мы подошли к домику, который

стоял в том месте, где берега сужались. Он принадлежал какой-то войсковой части, а хозяйничал в нём всего один солдат. Назначение этого пункта мы до конца так и не выяснили, да и не до того было. Главным для нас являлось наличие телефонной связи, благодаря которой удалось передать в штаб корпуса данные о своём местонахождении. Со спокойной совестью мы уже хотели завалиться спать – кто на жарко натопленную печь, кто на лавки или на пол, как вдруг в домик ворвался один из авиатехников и с порога выпалил:

– Полковник помер!

У меня непонятно похолодело внутри. Я почувствовал себя косвенным виновником его смерти. Но оказалось, что паника ложная, а техник выдал нам «сенсацию», основываясь лишь на своих предположениях. Когда паникёра стали допрашивать подробно, он рассказал, что, находясь на берегу рядом с домиком, наблюдал, как далеко из-за берегового изгиба, в том месте, где находились рыбаки, на льду водохранилища показались три вертикальные чёрточки-человечка, последние из всей группы. Это были два офицера, поддерживающие с трудом бредущего полковника. Потом полковник упал, а офицеры склонились над ним. Через некоторое время они снова пошли втроем, и снова полковник упал. Его подняли ещё раз, но он снова не удержался на ногах и больше уже не вставал. Один из офицеров двинулся назад к рыбакам, а другой остался стоять возле полковника. Из всего этого наш товарищ заключил, что случилась трагедия, и ворвался к нам с громким сообщением. Мы вышли из избы как раз в тот момент, когда вдали из-за берега на лёд выскочил маленький «Запорожец» и остановился возле нашего бедолаги. Он, слава Богу, встал на ноги и с помощью людей сел в машину. Все облегчённо вздохнули, подшучивая над паникёром, а у меня будто камень с души свалился. «Запорожец» проехал не так далеко от нас и, вымахнув на противоположный берег водохранилища, помчался по дороге в сторону ГЭС.

В избе кто-то уже храпел. Сон сморил нас мгновенно, но спать пришлось не более двух часов. Около восьми утра всех разбудил чей-то возглас:

– Вертолёт прилетел! – и одновременно все услышали характерный рокот. Мы как по тревоге выскочили на улицу. Вертолёт сел на противоположном берегу. Мы сели в вертолёт и в девять часов были на своём аэродроме. Там нас ждала машина, которая отвезла всех в гарнизон.

Дома я принял душ, выпил спирта, позавтракал и включил телевизор. Показывали первомайский парад и демонстрацию трудящихся. Хмель быстро ударил в голову. Я лёг перед телевизором на пол, застланный ковром, и стал писать жене письмо в стиле старинных русских былин, где вкратце описал последние события. Это письмо до жены так и не дошло. А жаль. Подобного вдохновения на былинный стиль у меня больше не появлялось.

Прошло время. Ребят похоронили. Я съездил в отпуск. В полку снова началась своя лётная армейская жизнь. А эта нелепая катастрофа, унёсшая две молодые жизни, стала очередной памятной зарубкой для других в приобретении лётного опыта. Но даже по прошествии многих лет мне непонятны два момента во всей этой истории:

– почему никто, кроме меня, не захотел подняться на вершину хребта для осмотра места первого касания самолёта? А оно, как мне кажется, представляло определённую загадку;

– почему с места катастрофы улетели оба вертолёта, оставив людей накануне праздника в заснеженных сопках без карты, без еды и соответствующей экипировки, хотя можно было взять на борт весь личный состав;

– а ещё – почему иногда в жизни некоторые вопросы возникают не сразу, а только по прошествии какого-то времени?

В каждом номере мы публикуем самые интересные читательские письма. Пишите нам о

том, чему не находите рационального объяснения, – о необыкновенных случаях, загадочных совпадениях, необъяснимых явлениях, пророческих предсказаниях и видениях, которые случались в вашей жизни.

МОЯ ВСТРЕЧА С НЕОБЪЯСНИМЫМ

Спасибо вам за ваш нелёгкий труд, за ту информацию, что можно почерпнуть из журнала. Сама я из простых людей, как у всех, много переживаний и страданий было: три раза умирала, цену и знаю помощь Творца, ангелов, Св. Николая Угодника (на иконе глаза его оживали). С мужем троих детей вырастила, все хорошие люди (один из сыновей – военный лётчик). Копаемся на садово-огородном участке, спорим с внучками (они совсем другие, чем были мы в их возрасте). Всё это я пишу для того, чтобы не сочли за ненормальную, так как бывают у меня разные видения. Два года назад в крещенские морозы купалась в проруби и через два дня слегла. Боль адская. Кажется, нет такого участка тела, которое бы у меня не болело. О голове лучше не говорить – разламывается. Закрываю глаза и тут же попадаю в какую-то совсем иную действительность. Маленькое закрытое помещение. Всюду слышатся шумы, хлопья, хрюканье, шуршание, стуки, хлопья... Я биолог-агроном по образованию, от мистики вроде бы далека, и тем не менее... Потом я попадала совсем в другое место: какой-то сборочный или ремонтный цех, где почему-то работала только молодёжь: шутки, смех, полное веселье. Когда я просыпалась, то привносила в мучительную для меня действительность тот самый кусочек радости и беззаботного веселья. Становилось полегче. Потом бессилие и боли повторялись снова.

Температура – выше 39 градусов. Наверное, многие переживали нечто подобное в полубеспомощности. Снились даже вирусы, которые со мной разговаривали. Я не стала бы об этом писать, если бы не получила там ответы на некоторые свои вопросы: например, почему мы боеем и почему все по-разному, узнала, что для выздоровления мне нужно в больших количествах поесть лимон и чеснок, и даже мне научно объяснили, что происходит со мной: «Идёт регулировка твоей внутренней химической лаборатории, твои химреагенты болезненно реагируют на стресс, вызванный тво-

им легкомысленным погружением в прорубь, к тому же грипп подключился. Завтра тебе станет полегче, и аппетит появится». Всё так и случилось. Утром захотелось есть. Сама сварила кашу и яйцо и съела с кусочком хлеба. Потом попила чаю (раньше во рту была постоянная горечь и есть совсем не хотелось). С того дня я пошла на выздоровление. Много раздумывала о случившемся, но так и не поняла, откуда были эти шумы, голоса и рекомендации. Не поняла, но поверила, что есть ещё какой-то другой, невидимый мир, в который мы иногда попадаем. Он так же реален, как и наш, материальный мир. Я восприняла его как микромир.

Н.В.Б.

г. Нефтегорск Самарской обл.

ТРЕВОГА ВЕЩЕЙ СНОВ

«Сила Господняя с нами; снами измучен я, снами...» До 19 декабря 2004 года так было и со мной. Например, снилась тёмная осенняя ночь. Воздух сыр и холоден. Я куда-то спешу (на поезд?), уже опаздываю! Вспоминаю, что недалеко находится гараж, где стоят полуразбитая машина сына Владислава (на большой скорости он не вписался в поворот и, перевернувшись, слетел в кювет) и мой велосипед. Оказываюсь в гараже. Здесь полное запустение. Машины нет. На металлическом полу валяются части усердно разломанного кем-то велосипеда. С потолка свисают нити паутины. Через неведомые щели льются редкие лучи лунного света. Эта картина навевала на меня тоску и страх.

...Лесная поляна. В детстве на ней мы собирали землянику. Вижу глубокую яму (метра два). Вместо земляных стенок – сруб, как в колодце. Дно водянисто-илистое. На нём растут несколько цветков. Их окраску сейчас плохо помню. Знаю, что мне надо достать цветы. Цепляясь за стены, лезу в яму. С яркой добычей, рискуя утонуть в грязи, с огромным трудом выбираюсь наверх. Однако вместо радости – тоска и страх...

Владислав ушёл от нас 19 декабря 2004 года в 35 лет – обширный инфаркт. Судьба словно спохватилась и добила осуществление предначертанного: при полёте в кювет сын серьёзной травмы не получил тогда. Значит, время ещё не пришло?! Однако меньше года оставалось ему быть с нами.

На 39-й день мне снилось, что мы с женой Валентиной сидим, как и было недавно, у гроба. Жена плачет и что-то говорит сквозь слёзы. Владислав, видимо, не желая слушать, отвернул-

ся от нас. Потом вижу: он лежит в гробу, но лицо его сильно похудело. А из-под век, прикрывших глаза, катятся по щекам слёзы. Я понял: сын жалеет нас и хочет, чтобы мы постарались успокоиться и поменьше горевали, но разве такое возможно?!

Как-то весной снится такой сон. Стою я недалеко от хлебного магазина и вдруг вижу «уазик», на котором ездили работники службы, начинавшейся Владиславу. На сей раз за рулём машины сидел он сам с серьёзным, даже строгим лицом. Я обрадовался, увидев сына, и махнул ему рукой: возьми, мол, меня с собой! Владислав, отрицательно качнув головой, повернул машину в сторону – на улицу, ведущую на окраину посёлка. Направление уличной дороги указывало на кладбище, которое находится в степи в нескольких километрах от посёлка. Сын дал понять, что мне ещё не время отправляться на место вечного успокоения. Видно, ещё не отбыла свой срок на земле. Вещие сны ничего, кроме необъяснимой тревоги не вызывали: «Снами измучен я, снами...» А вот видения, возникавшие в нашей голове, благодаря Владиславу (без тени сомнения!), помогли нам с женой поверить в Божественный промысел, в то, что жизнь не закончилась после его ухода с этого света. Иначе вряд ли бы мы устояли под ударом судьбы...

*И лишь надежды слабый свет
Сулит свиданье в мире новом,
Питает силой нас на склоне лет –
Мы встретим смерть легко и –
добрым словом.*

*Виктор Ольнев
п. Светлый Оренбургской области*

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ

С радостью за своего земляка прочитала в разделе «Нам пишут» (№ 6, 2006) письмо Ф. В. Корзунова из города Малая Вишера под заголовком «Не погуби себя страхом». Решила поделиться с любимым журналом мыслями, которые волнуют меня. Мне 57 лет, и чем дальше, тем больше вспоминаю я близких и далёких прекрасных женщин, память о которых скрашивает мне жизнь. Вот ведь какое чудо: они давно уже ушли из жизни, а я всё продолжаю с благодарностью думать о них. Во всех была своя особинка, своя чудинка. Это моя мать, и мои тётушки, и просто знакомые женщины. Люблю вспоминать свою тётушку Марусю. Как она готовила! Несомненно, у неё был талант: сколько я ни пробовала, у меня так не получалось. А как пела!

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

Всегда вспоминаю её любимую песню «Сегодня мне не весело, сегодня я грущу», но и грустила она не с безнадёжностью, а с надеждой на лучшее. А уж как радоваться умела! Но подробнее я хочу рассказать о Клавдии Сергеевне Лобановой. Юность её выпала на трудные военные годы. Санитарка, сестра милосердия. Это милосердное отношение не только к людям, но и к животным пронесла она через всю свою жизнь.

После войны работала медсестрой, жила с матушкой, а когда той не стало, посвятила Клавдия Сергеевна свою жизнь животным: кошкам и козочкам. Из-за недовольства соседки оставила она свою городскую квартиру и со всей живностью переселилась в лес. Не смогла изменить своей привязанности ради элементарных удобств. Было это в шестидесятых годах прошлого века. Через какое-то время построили ей в трёх километрах от посёлка домик. Будучи уже взрослой, я, проезжая на электричке, всегда думала о её нелёгкой судьбе и провожала взглядом крошечный домик. После смерти Клавдии Сергеевны домик сгорел, а я стала искать её могилку. В конце концов нашла на нашем местном кладбище и с тех пор сюда хожу. Радует, что могилка ухожена, значит, есть ещё добрые люди. Эти строки – дань памяти этой женщине.

*Почитательница вашего журнала
Валентина Васильевна Лунина
п. Большая Вишера Новгородской обл.*

ПОЖЕЛАЕМ ДРУГ ДРУГУ ДОБРА

«Сглаз» или «порча», о которых сейчас так много говорят и пишут, это энергетические удары. Можно ли от этого защититься? Кто-то носит оберег, кто-то заговорённое кольцо, кто-то ладанку. Носила и я когда-то зеркальце на груди, и крестик деревянный, кроме обычного, ездила по бабкам, но увы... Пока сама не осмыслила, в чём мне надо измениться, ничего не помогало. Была я очень обидчивой, и плевали мне в душу все кому не лень, а я не умела защитить себя. Пришлось потихоньку избавляться от этой слабости. Труднее всего отдать себе отчёт, что это твоя слабость (ведь нам часто кажется, что виноват кто-то, а мы-то всегда правы). Стала разбираться в каждой ситуации, от которой страдала, и постепенно поняла, что надо становиться более сильной, неуязвимой для чужой зависти, злости и понимать, что только духовная самозащита может спасти.

Как себя изменить, чтобы вместо отрицательных эмоций испытывать положительные, очень ясно сказано в книге А. Синельникова «Возлюби болезнь свою». Мне эта книга очень помогла в разных неприятных жизненных ситуациях. Стараюсь жить по принципу (от отца слышала): «Дай, Бог, мне коровку, а другим две, чтоб не завидовали мне». Пусть мне будет хорошо, а окружающим ещё лучше. Думать так – значит посылате в мир положительную энергию. Пожелаем же друг другу добра!

*Мария К.
г. Воронеж*

ЗАПОВЕДНОЕ МЕСТО

Очень мне нравятся статьи Надежды Масловой, чувствую я с ней какую-то душевную связь, общность восприятия, что ли. Особенно привлекли внимание статьи «Приворот с побочным действием» (№ 3, 2006) и «Как я побывала в Шамбале» (№ 8, 2006). Маслова пишет, что её порой одолевают видения. Нечто похожее происходит и со мной. Живу я в Сибири, но почти два последних года ощущаю, что в средней полосе России есть место, где когда-то жили мои прародители. Но где это место? Стала думать, представлять, внутренне искать. Представилось мне, что это Костромская область, где-то между реками Нея и Вохтома, чуть выше посёлка Антропово, ближе к посёлку Татаурово. Я часто думаю про это место, которое меня притягивает. «Вижу» (или чувствую) – есть там красно-белая гора, из которой вытекают два источника. Один с холодной водой, другой – с тёплой. Вода – лечебная, с озерцу, которое образуют эти источники, приходят люди. Вот и думаю, может, не случайно мне всё это представляется, может, действительно вода та поможет моей старшей пятилетней дочке, у которой поражение нервной системы. Врачи не помогли, может, то место и вода целебная помогут? Ращу я ребятишек (второй дочке три года) одна, без мужа. Положение материальное не позволяет мне пока отправиться в те заповедные для меня места. Но я мечтаю и надеюсь.

От очерков Надежды Масловой моя вера в чудо только укрепилась. Я надеюсь, что мечта побывать в далёких от Сибири краях исполнится и девочке моей полегчает. А Надежде Масловой передайте, что я благодарю её за чуткое сердце и прекрасные публикации.

*Светлана Невская
г. Петровск-Забайкальский
Читинской обл.*

Люблю думать и о прошлом, и о будущем (настоящее ведь здесь, при мне). Для этого много читаю. Каким представляется нам, скажем, начало XX века, довоенные годы? Бесшумным, медленным течением жизни, с умиротворёнными горожанами, погружёнными в себя интеллигентами? Что-то вроде этого. Но вот случайно открываю какую-то дореволюционную книжку и, к удивлению своему, читаю такие строки: «Племена и народы сбились, стеснились, сплотились в огромных очагах движения и жизни. Отдалённость и границы государств потеряли своё прежнее значение. Железные дороги и водные пути соединяют самые далёкие страны, и человеческий язык забыл, что значит «далеко». Неимоверно ускорился пульс научной жизни, неимоверно возросла сила идейных разногласий...» – и дальше в таком же духе. И вдруг просветлело у меня в голове, стало ясно то, что ускользало раньше: в любую эпоху современнику кажется, что именно сейчас происходит что-то «самое, самое», чего раньше не было. И не догадывается он, что это – не истина времени, а всего лишь ощущение его, возможно, ложное относительно прошлого (которым он чаще всего не интересуется) и будущего (которое от него скрыто).

*Т. Большакова
г. Псков*

Я пытаюсь написать историю восточных марийцев, живших и живущих на территории современного Башкортостана. Для этого приходится заниматься изучением их одежды, сопоставлять с одеждой ираноязычных, угорских и тюркских племён. Сколько я ни искал, не смог найти описания одежды и тканей персов. Лишь в вашем журнале встретил рисунок (№ 6, 2006) Андрея Симанчука к рассказу Всеволода Соловьёва «Перс», который достоверен, так как горный ландшафт и пустыни рождают естественную необходимость в зелёном и синем цветах и растительном орнаменте. Дело в том, что финно-угорские племена имели разнообразные связи с Ираном через сарматов и персов, а также контактировали с народами, жившими 1200–1500 лет назад, о чём говорят легенды, мифы и предания марийцев. Восточные марийцы, жившие в лесных районах, имели красную пестрядь с узкими полосками. Я готовлюсь издать за собственный счёт книгу (200–500 экземпляров) и очень бы хотел опубликовать рисунок Андрея Симанчука, конечно, с указанием авторства.

*С. Новиков
г. Уфа*

Геннадий Черненко

«СЕДЬМОЕ НЕБО» ГЮСТАВА ЭЙФЕЛЯ

Немного найдётся монументов, которые по известности и красоте могут соперничать с Эйфелевой башней. Вот уже более 115 лет высится она в центре Парижа, поражая своей необычностью. Поначалу, вызвав отчаянные споры и неприятие, это удивительное сооружение скоро превратилось в неотъемлемую часть французской столицы, яркое свидетельство огромных возможностей человеческого разума, мастерства и смелости.

ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЙ МОНУМЕНТ

Башня названа в честь её строителя Александра Гюстава Эйфеля – выдающегося инженера и непревзойдённого организатора. Подчёркивая его талант, Эйфеля иногда называли «инженером Вселенной». Ему было 32 года, когда он открыл в предместье Парижа собственное конструкторское бюро, быстро завоевавшее известность созданием в разных частях света отличных мостов, путепроводов, виадуков и уникальных строительных конструкций вроде раздвижного купола астрономической обсерватории в Ницце или внутреннего остова статуи Свободы в Нью-Йорке. Уже этих сооружений с лихвой хватило бы, чтобы навечно прославить Эйфеля. Однако настоящий звёздный час, триумф ждал его впереди.

В конце 80-х годов позапрошлого века Франция готовилась к проведению в Париже Всемирной промышленной выставки, приуроченной к столетию Великой французской революции. Доказательством быстрого расцвета науки и техники страны-хозяйки выставки должно было стать какое-либо необыкновенное сооружение, достойное всемирного смотра достижений человечества. Тогдашний премьер-министр Фрейсине заявил: «Нам нужна идея, великая идея, нечто сенсационное, чрезвычайное, заманчивое, невидаль!» Другими словами, требовался величественный монумент, символ грандиозной выставки.

Идея носилась в воздухе. Ещё в 1833 году английский изобретатель Ричард Тревитик предлагал соорудить в Лондоне чугунную решётчатую колонну высотой около 300 метров в память о важном законе, принятом английским парламентом. Но технике того времени это было ещё не под силу. Много лет спустя, во время Всемирной выставки 1876 года в Филадельфии, идею Тревитика осуществили американские инженеры Кларк и Ривс.

Эйфель это хорошо знал и за пять лет до открытия Всемирной выставки в Париже поручил своим инженерам Эмилю Нугье и Морису Кёхлину подумать о конструкции башни в виде стальной мачты высотой не менее 300 метров из четырёх решётчатых столбов, расходящихся у основания.

НА ПУТИ К ИДЕАЛУ

Хотя проект новой башни стал результатом тщательных инженерных расчётов и вполне осуществимым, тем не менее для Всемирной выставки он не подходил: особой изысканностью формы и архитектуры башня не отличалась.

Сам Эйфель вначале башней почти не занимался, предоставив своим сотрудникам полную свободу действий. В частности, архитектор Стефен Совестр начал «облагораживать» формы башни и достиг в этом немало успеха. Он предложил «обшить» опоры камнем, связать их и нижний этаж величественными арками, разместить на трёх площадках башни застёкленные залы, а верхушке её придать округленную форму. В таком виде необычное сооружение уже могло получить шанс быть одобренным организаторами Всемирной выставки.

Тогда и Эйфель всерьёз заинтересовался проектом и осенью 1884 года как руководитель и владелец фирмы вместе с разработчиками берёт на конструкцию гигантской башни патент, а впоследствии даже выкупает право на единоличное владение этим патентом.

Проект Эйфелевой башни (будем теперь называть её так) в мае 1886 года рассматривался на конкурсе сооружений для Всемирной выставки наряду с сотней других и выиграл.

Год спустя с властями Парижа был подписан договор, согласно которому Эйфель получал будущую башню в аренду сроком на 20 лет и субсидию на строительство в размере полутора миллионов золотых франков. Однако

Строители башни работали на огромной высоте, напоминая цирковых воздушных гимнастов

А.-Г. Эйфель

Творец «парижского чуда» поднимает над своим детищем национальный флаг Франции

эта сумма могла покрыть лишь одну четвертую часть строительных расходов. Тогда Эйфель организует акционерное общество с капиталом в 5 миллионов франков, половину которых составили его личные средства.

Строительство башни началось 26 января 1887 года. Велось оно невиданными темпами. На укладку массивного фундамента потребовалось не более полугода. На возведение металлических конструкций – всего около 20 месяцев. При этом работа шла слаженно, без спешки и суматохи.

СООРУЖЕНИЕ ЖЕЛЕЗНОГО КОЛОССА

Все части и узлы башни изготавливались на заводе Эйфеля с большой точностью. Доставленные на строительную площадку, они быстро устанавливались на те места, где им и надлежало находиться. Башня состояла из 18 тысяч элементов, скреплённых двумя миллионами заклёпок. Общий вес её достигал 10 тысяч тонн, однако давление её на землю равнялось всего 3–4 килограммам на квадратный метр, то есть было меньше давления на стул сидящего человека.

Поддача тяжёлых узлов наверх производилась с помощью специальных паровых кранов, которые с ростом высоты башни также поднимались всё выше и выше. На строительстве одновременно трудилось до 250 рабочих.

Французский журналист, побывавший на стройке, писал: «В горле щекотало от густого дыма гудрона и угля. От оглушительного грохота металла, вибрирующего под ударами молотов, закладывало уши. Рабочие, примостившись на балках шириной в несколько сантиметров, вбивали тяжёлыми кувалдами временные крепёжные болты. Создавалось впечатление работы кузнецов, методично куящих металл на наковальне в какой-нибудь деревенской кузнице». Затем болты заменялись заклёпками, предварительно разогретыми докрасна в переносных горнах.

Работали на огромной высоте. Строители напоминали цирковых воздушных акробатов. В жару и морозы, продуваемые холодными ветрами, они трудились по 9 и даже 12 часов в сутки. Но за всё время строительства произошёл лишь один несчастный случай, когда рабочий-итальянец сорвался с башни и погиб.

К 7 декабря 1887 года строительство было доведено до первого этажа башни, расположенного на высоте 57 метров. К 14 августа 1888 года башня поднялась на высоту 115 метров, до второго её этажа. А 31 марта 1889 года строительство гигантского сооружения, взметнувшегося на высоту трёх сотен метров, с четырьмя опорами, расположенными точно по сторонам света, было закончено. В этот день сам Эйфель под звуки «Марсельезы» и аплодисменты тысяч парижан, собравшихся у подножия башни, поднял на её вершине национальный флаг.

ПАРИЖ В ОПАСНОСТИ!

Для подъёма туристов на этажи Эйфелевой башни потребовалось разработать вместительные вертикальные лифты. Подобные устройства были в то время новинкой техники. Правда, на первую и вторую площадки можно было взойти и по лестницам. Три двухъярусных лифта, вмещавших по 80 пассажиров и двигавшихся в наклонных опорах, связывали основание башни с её вторым этажом. Ещё один лифт, состоявший из двух спаренных кабин, поднимал туристов на третий этаж, на вершину башни. Сперва лифты имели гидравлические приводы. Позже были применены электродвигатели.

Весть о том, что в центре Парижа собираются возводить «нелепую» железную «мачту», столь чуждую, как представлялось, среди старинных зданий, улиц и площадей, возмутила многих французских деятелей культуры. В середине февраля 1887 года, то есть в то время, когда началось строительство башни, была опубликована так называемая «Петиция протеста» за подписью четырёх десятков известных писателей, художников, композиторов: Александра Дюма-сына, Ги де Мопассана, Шарля Гуно и других, требовавших отказаться от строительства сооружения, «уродующего лицо Парижа».

Этим видным деятелям культуры казалось, что под угрозой «нетронутая красота Парижа». Они выражали свой протест, как говорилось в петиции, «от имени пограничного французского духа и находящегося в опасности национального искусства» против возведения в самом центре столицы уродливой и бесполезной железной колонны.

Иллюминация Эйфелевой башни во время проведения Всемирной промышленной выставки 1889 года

«Неужели, – говорилось в петиции, – Париж надолго свяжет свою судьбу со странными и расчётливыми прихотями какого-то технаря, нанеся тем самым непоправимый ущерб своей красоте и навечно обесчестив своё имя?» Авторы петиции называли башню «истинным позором», сооружением, которое, подобно огромной чёрной заводской трубе, нависнет над Парижем, отбрасывая на весь город «мрачную тень, похожую на огромное чернильное пятно».

ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ

Эйфель не оставлял эти нападки без ответа, доказывая, что его башня, её притягательная сила просто не вписываются в привычный стиль искусства, понимание этого придёт позже.

И в самом деле, когда строительство башни завершилось, споры, полемика вокруг неё постепенно затихли. Мало того, удивительный монумент стали воспринимать как величественное произведение архитектуры. В 20-х годах прошлого века башня становится олицетворением современного, передового искусства.

Творение Эйфеля начинает вдохновлять поэтов и композиторов на создание новых произведений. Башня фигурирует в пьесах и песнях. Она – «участница» художественных фильмов.

Например, в одном из фильмов тех лет под названием «Париж спит» несколько парижан спасаются на вершине башни от таинственных лучей, под воздействием которых весь город был погружён в летаргический сон.

Эйфелеву башню запечатлевают на своих полотнах самые знаменитые живописцы. Было что-то загадочное в притягательной силе этой гигантской башни. В частности, на картине знаменитого художника-импрессиониста Жоржа Сёра она изображена ещё до полного окончания постройки. Другие художники, в том числе и Марк Шагал, также включили знаменитую башню в свои парижские композиции.

В 1893 году Гюстав Эйфель (ему исполнилось тогда 60 лет) решил оставить предпринимательскую деятельность и всецело посвятить себя научным исследованиям. Он хотел доказать, что его башня может принести пользу науке. На вершине её расположилась станция метеорологических наблюдений. Башня оказалась прекрасным местом для постановки различных физических опытов, в частности, с маятником Фуко, тарировки приборов и даже для изучения воздействия высоты на организм человека.

ГОСТИНАЯ ПОД НЕБЕСАМИ

На самом верхнем этаже своей башни Эйфель устроил обсерваторию для астрономических наблюдений, лабораторию для проведения физиологических опытов, свой рабочий кабинет, а также небольшую гостиную, где принимал видных персон. Так, например, здесь произошла его встреча с прославленным американским изобретателем Томасом Эдисоном. Об этом событии ныне напоминают восковые фигуры, сидящие в той же самой гостиной на «макушке» башни.

Когда в начале прошлого века появилась авиация, Эйфель начинает исследования по аэродинамике, отдавая этой работе много времени и сил. Сбрасывая с башни модели разной формы, он с помощью созданных им приборов определял силу сопротивления воздуха. Эти данные потом широко использовались создателями летательных машин.

Сыграла башня большую роль и в развитии радио. Отсюда были осуществлены первые сеансы радиосвязи французским инженером Эженом Дюкрете. А в 1906 году тут обосновалась постоянная радиостанция.

Во время Первой мировой войны радиостанция Эйфелевой башни имела исключительно важное значение для перехвата вражеских радиосообщений. Так удалось обнаружить известную шпионку Мату Хари и раскрыть план наступления немецких войск на реке Марне.

Гюстава Эйфеля не стало в конце декабря 1923 года. Через несколько лет была сделана попытка передачи с башни телевизионного изображения. А ещё 10 лет спустя, в 1935 году, отсюда же началась регулярная трансляция телевизионных программ.

В наше время вершину башни венчает телевизионная мачта высотой более 20 метров. Следовательно, высота башни вместе с этой мачтой теперь равна почти 321 метру. Ну и, конечно, здесь – множество других антенн, с помощью которых ведётся трансляция радио- и телепередач на Париж и его окрестности.

Как ни странно это звучит сегодня, в былые времена неоднократно поднимался вопрос о сносе знаменитого сооружения, и всякий раз на защиту башни поднималось общественное мнение, спасавшее её.

ТРАГИЧЕСКИЙ ПРЫЖОК

Эйфелева башня открылась для посетителей 15 мая 1889 года и сразу же стала местом паломничества великого множества туристов. С её верхней, третьей, платформы можно было увидеть панораму на рассто-

Бронзовый бюст Эйфеля у подножия башни

Панорама Всемирной промышленной выставки

янии 72 километров. Только за время работы Всемирной промышленной выставки башню посетили более двух миллионов человек. Тогда же была заведена «Золотая книга» для отзывов почётных гостей. Томас Эдисон оставил в ней такую запись, посвящённую Эйфелю: «Бесстрашному создателю гигантского и неповторимого творения».

Поток туристов, желавших, так сказать, изнутри осмотреть башню, с течением времени не иссякал, напротив, возрастал. В настоящее время башню посещает около 6 миллионов человек ежегодно! Стоимость билета на первую площадку равна 3,7 евро, на вторую – 6,9, на третью – 9,9. Следует заметить, что на первой площадке расположен превосходный ресторан «Жюль Верн», также привлекающий посетителей.

Кроме туристов, башня, подобно магниту, притягивает к себе смельчаков самого разного рода. В 1901 году воздухоплаватель Сантос-Дюмон первым облетел Эйфелеву башню на дирижабле. Спустя восемь лет граф Ламбер пролетел над башней на аэроплане. Были попытки пролететь на самолётах под арками башни. И нескольким авиаторам удалось благополучно выполнить этот рискованный трюк. А вот попытка пролёта под башней молодого авиатора Леона Колле в 1926 году закончилась катастрофой. Его машина зацепилась за какую-то оттяжку. Самолёт упал и погубил пилота.

Столь высокое сооружение казалось очень удобным для испытаний новых парашютов. В 1912 году совершил прыжок с первого этажа башни Франсуа Рейхельт. По профессии он был портным. Его парашют представлял собою диковинный костюм, который в воздухе должен был превратиться в купол. Увы, конструкция парашюта оказалась неудачной. Спасательный костюм не раскрылся, и Рейхельт разбился насмерть. Подобная же трагическая участь постигла в 1928 году и другого смельчака, Марселя Гэе, также бросившегося с башни для испытания парашюта. Впрочем, сегодня парашютисты прыгают с творения Эйфеля вполне успешно.

КУРЬЁЗНЫЕ РЕКОРДЫ

За долгий век своего существования разное видела старая башня. Не раз она служила местом установления курьёзных рекордов. К примеру, один парижский булочник ухитрился подняться по ступеням до самого верха башни на ходулях. Другой рекордсмен ухитрился спуститься с её нижней площадки на велосипеде. В 1848 году дрессировщик Бульон (артист из весьма известной цирковой фамилии) сумел завести на первый этаж башни... слона. А в 1989 году француз Филипп Пети прошёл по канату длиной 700 метров, натянутому между Эйфелевой башней и соседним дворцом Шайо. Видывали здесь и самоубийц.

Постепенно башня изнашивалась. Четверть века назад было решено подвергнуть тщательной ревизии все её элементы, всю конструкцию. Ряд частей пришлось отремонтировать, укрепить. В результате вес башни уменьшился почти на 1400 килограммов. Были также проверены все лифты, а некоторые – заменены новыми, более совершенными.

Несколько раз башня меняла свой цвет. Первоначально, в 1889 году, она имела коричнево-красную окраску. Три года спустя её перекрасили в жёлто-охристый цвет. Затем цвет стал коричневым. В настоящее же время она – бронзового оттенка, причём яркость его ослабляется с высотой. К слову сказать, для того чтобы покрасить это гигантское сооружение (а такая трудоёмкая процедура повторяется каждые семь лет), требуется целый год. При этом расходуется около 60 тонн краски.

Эйфелева башня оставалась самым высоким сооружением в мире до 1931 года, когда в Нью-Йорке был возведён небоскрёб «Эмпайр Стейт Билдинг» высотой 381 метр. По образу парижской башни стали возводить высотные конструкции в Англии, Японии, Германии, Китае. Да и наша Останкинская телевизионная вышка – близкая родственница Эйфелевой, более чем на 100 метров обогнавшая свою предшественницу в росте.

Такова история этой удивительной башни, украшения и «чуда Парижа».

ИНОПЛАНЕТНАЯ «МОРЗЯНКА»

Автобусы остановились на краю Моавской пустыни. Дальше группа из шестидесяти человек двинулась пешком. Впереди шёл проводник. Это был Джордж Ван Тассель. Стрелки часов показывали 8 часов утра, но пустыня уже дышала зноем, столбик термометра поднялся до отметки в 39 градусов. Через два часа путники наконец достигли цели своего путешествия – гигантской скалы, стоявшей посреди пустыни. Её чёрные, сглаженные тысячелетними ветрами бока глянцево и мрачно поблёскивали, делая окружающий пейзаж каким-то неземным, нереальным.

У подножия скалы был сооружён небольшой деревянный помост. После короткого отдыха Тассель приступил к действию, ради которого собравшиеся преодолели тысячи километров, ведь многие из них приехали из отдалённых штатов США, а некоторые прилетели из Европы.

Он влез на помост и, запрокинув голову и воздев руки к небу, начал громко вопрошать: «Мы пришли. С кем я говорю?» Односторонний разговор этот продолжался в течение нескольких минут: «Включайтесь! Это я, Джордж. Мы ждем сообщений. С кем я говорю?» Наконец Ван Тассель, подобно медиуму, начал отвечать на собственные вопросы громким, грубым голосом характерного дребезжащего тембра: «Меня зовут Кнут. Я принёс тебе любовь». Кнут рассказал, продолжая вещать устами Джорджа, что он находится на межзвёздном корабле в небе над Землёй в 200 милях к югу от Моавской пустыни. Длина его корабля составляет 5260 футов. «Откуда ты, Кнут?» – спросил Джордж. «Из Утренней галактики», – был ответ.

Джордж Ван Тассель

Вся эта фантазмагория происходила 9 ноября 1958 года в Джант-Рок (Моавская пустыня, штат Калифорния). Подобные сеансы связи с инопланетными существами Тассель проводил каждый год. Эти сессии, названные уфологами Конвенциями, подробно описаны в книге Грея Баркера, известного хроникёра наблюдений НЛО. Книга вышла в США в 1976 году под названием «Грей Баркер в Джант-Рок». Конвенции продолжались с начала 50-х до конца 70-х. Каждый год здесь собирался цвет мировой уфологии.

Джордж Ван Тассель работал в аэровокзальной компании «Локхид». После выхода в отставку в возрасте 37 лет он купил участок земли в Моавской пустыне рядом с чёрной скалой и построил там ранчо, а также взлётно-посадочную полосу, получившую название «Джант-Рок аэропорт». По словам хозяина, здесь могли совер-

шать аварийную посадку авиаторы-любители. Однако близкие к Джорджу люди говорили, что он строил посадочную полосу, лелея надежду, что здесь когда-нибудь приземлится инопланетный корабль.

В 1953 году Тассель заявил, что получает телепатические сообщения от пилотов межпланетного корабля. 24 августа он якобы был приглашён на борт этого корабля и встретился там с разумным существом по имени Солганда. Сеансы связи с инопланетянами обычно проходили в подвальном, абсолютно герметичном помещении на ранчо в Джант-Рок – «слышимость» там была лучше.

Первая Конвенция, организованная Ван Тасселем, прошла в 1954 году. Впервые такое число уфологов и контактеров собралось в одном месте. Присутствовали известные исследо-

ватели «летающих тарелок» – Орфео Ангелуччи, Даниэль Фрай и Джордж Хант Уильямсон. Они выступили перед собравшейся публикой с лекциями. Контактёры подробно доложили о своих встречах с физическими и нематериальными существами из иных миров. Когда стусились сумерки, начался сеанс связи с инопланетянами, передававшими «послания универсальной любви» через Тасселя. К сожалению, кинохроники и аудиозаписи этих Конвенций, если они и существовали, не сохранились. Очевидцы же, описавшие эти собрания, рассказывали позднее, что послания братьев по разуму из Утренней галактики часто были совершенно неразборчивы. Однако все помнят, что инопланетяне внушали землянам мысль, что они несут им «универсальную любовь» и желают человеческой цивилизации добра. Одной из первых представительниц инопланетного разума, ус-

Я УВИДЕЛА ВО СНЕ БУДУЩУЮ РЕАЛЬНОСТЬ!

Летом 1871 года я, четырнадцатилетняя воспитанница Николаевского сиротского института, жила на даче вместе с другими воспитанницами. В ночь на восьмое сентября мне приснился живописный сон. Будто бы почтальон приносит письмо, в котором отец сообщает мне, что он умер. Потом я долго еду куда-то в карете, бегу по длинному двору, спрашивая у прохожих: «Где часовня?» Попадаю в какое-то помещение, где лежат покойники, а посередине на катафалке вижу своего семидесятилетнего отца, над которым кто-то в монашеской одежде читает большую книгу. Я проснулась в гнетущем состоянии, будучи твердо убеждена, что с отцом случилось что-то нехорошее. Вслед за этим я получаю письмо от сестры, которая не сообщает мне никаких неприятных новостей. Немного успокаиваюсь.

На следующий день мы переехали с дачи в город, и меня тут же вызвали в приёмную, сказав, что ко мне пришли. Это была сестра. Она нервно говорила о каких-то мало-значимых вещах, но я тут же перебила её: «Я знаю, зачем ты приехала, – отец умер. Я видела это во сне».

Оказалось, отец мой предчувствовал свою смерть и сам добрался в Николаевский военный госпиталь, так как часовня в казённом доме, где он жил, была разрушена, а он хотел, чтобы гроб с его телом непременно стоял в часовне. Он действительно умер в одиннадцать часов вечера 8 сентября, значит, то, что я видела во сне, ещё не случилось, но мне уже дано было знать! Сон мой повторился до малых деталей: классная дама повезла меня в карете на панихиду. Мы ехали очень долго; я бежала по госпитальному двору, спрашивая у встречных, где часовня. В часовне стояли гробы, а посередине на катафалке – мой отец, над которым читальщик читал Псалтырь...

Прошло двадцать лет, а я вижу этот момент моего прошлого очень живо и всё думаю: как могло случиться, что мне предвиделось то, что только ещё должно было случиться?! Сама я убеждена: наше будущее предопределено, и поэтому в какой-то очень важной своей части оно могло переместиться в настоящее, пусть и в несколько завуалированном виде, и отразиться в смутном беспокойном сне.

А. Барабаш-Клименко
«Петербургский листок», 1896

У подножия этой гигантской скалы, стоящей посреди Моавской пустыни, Джордж Ван Тассель проводил сеансы связи с инопланетянами

тановившей контакт с Тасселем, была некая Аштар, позднее ставшая суперзвездой в интергалактическом хит-параде. Помимо Тасселя каналом связи для инопланетян был Чарльз Лагхед, который получал их послания в своем доме в Вигпле (Аризона). По словам Лагхеда, он обычно общался с разумным существом, имеющим собачью голову и тело человека, по имени Спектра.

В книге уфолога Джорджа Ханта Уильямсона «Летающие тарелки говорят!» описана связь с пришельцами методом «радиотелеграфа». Автор общался таким образом с некими существами – Барухом, Эрмоном и Актой. Они передавали радиосигналы, похожие на морзянку. Уильямсон ловил их с помощью обыкновенного радиоприёмника. Барух сообщил ему код к инопланетной «морзянке», таким образом Джордж смог расшифровать послания.

Тассель вёл постоянное наблюдение за небом над Моавской пустыней. На своём ранчо он оборудовал наблюдательный пункт, похожий на обсерваторию. Джорджу удалось сделать несколько фотографий НЛО. Большинство из них имеют форму шара, некоторые напоминают блюдца. Все объекты светятся белым светом. Роджер Стокмен, владелец закуской, расположенной в нескольких милях от Джиант-Рок, утверждал, что он не раз наблюдал подобные светящиеся летающие объекты над Моавской пустыней.

К сожалению, после смерти Ван Тасселя от сердечного приступа в 1978 году Конвенции прекратились. С тех пор не было слышно никаких сообщений и о наблюдениях НЛО в небе

над пустыней. Свой опыт общения с космическим разумом Ван Тассель обобщил в нескольких книгах: «Прогулка в летающей тарелке» (1952), «Вне миров» (1956). При жизни он читал лекции на организованных им семинарах по «универсальной мудрости» и выпускал ежемесячный журнал «Развитие», в котором периодически публиковал тексты сообщений, полученных им от братьев по разуму.

Масштаб личности замечательно-го уфолога и контактера Джорджа Ван Тасселя вызывает бесспорное уважение. Однако напрашивается вопрос: где он взял деньги на строительство своего ранчо и взлётной полосы посреди пустыни? Издание книг и журнала также требовало вложения средств. Один из исследователей феномена НЛО, посещавший в своё время Конвенции, утверждает, что Джордж однажды доверительно сообщил ему, что начальную сумму, около 50 тысяч долларов, ему каким-то образом передали пришельцы. Впоследствии, когда Конвенции, журнал и книги приобрели популярность, у Ван Тасселя появилась масса поклонников. На его открытый счёт постоянно поступали взносы от людей, интересующихся уфологией. Самый маленький взнос, полученный от десятилетнего мальчика, равнялся 5 долларам, самый крупный – 18 тысяч долларов – сделала некая богатая леди.

После смерти «космического проповедника» его родственники продали ранчо в Джиант-Рок. Нынешний хозяин не стал ничего перделывать в доме. Иногда по просьбе поклонников Тасселя или заезжих уфологов он устраивает экскурсии по ранчо.

Юлия Дунаева

ПЕРНАТЫЙ «ГЕПАРД» ПАТАГОНИИ

Птицы-великаны – герои многих легенд, мифов и сказок – когда-то действительно существовали. У учёных есть сегодня убедительные доказательства их пребывания на Земле.

ДРЕВНИЙ ХОЗЯИН ПАМПАСОВ

Можете представить себе хищного страуса с огромным крючковатым клювом? Да ещё ростом с жирафа? Скажете – ночной кошмар? Однако для теплокровных обитателей Южной Америки, живших 15–20 миллионов лет назад, это страшилище отнюдь не было фантомом. Тогда гигантские пернатые форораки во множестве водились на просторах аргентинской пампы и в Патагонии.

Птицы трёхметровой высоты с массивным клювом длиной до 40 сантиметров не могли летать, но по земле передвигались на мускулистых четырёхпалых ногах со скоростью не меньшей, чем у современного страуса. Настигнув жертву, разрывали её мощными лапами и тяжёлым клювом. Добычей фороракоча чаще всего становились сумчатые млекопитающие среднего размера, которые населяли в миоцене (23 – 5 миллионов лет назад) южноамериканский континент. На протяжении всего этого периода исполинские нелетающие птицы были здесь самыми опасными наземными хищниками.

Тогда обе Америки еще были изолированы друг от друга. Панамский перешеек образовался гораздо позже,

около 3 миллионов лет назад. Крупным хищным млекопитающим с других континентов путь в Южную Америку в миоцене был закрыт, поэтому форораки в то время чувствовали там себя весьма привольно.

До 80-х годов XIX века учёные ничего не знали об этих существах. В 1887 году аргентинский палеонтолог Флорентино Амегино опубликовал статью, где описал новый вид ископаемого млекопитающего внушительных размеров; его кости были обнаружены на юге Аргентины, в Патагонии. Если быть точным, учёный нашёл всего одну кость, которую принял за нижнюю челюсть какого-то примитивного неполнозубого. Только через два года Амегино понял, что ископаемые остатки принадлежат вовсе не млекопитающему, а огромной нелетающей птице. Он назвал её *Phororhacos*, что в переводе с греческого значит «морщинистый», видимо, из-за особой структуры поверхности костей. Так с лёгкой руки аргентинца пернатый гигант стал фороракочем. Слово прижилось не только в научной, но и в бытовой лексике. Скорее всего, потому, что оно напоминает грозный клёкот исполинской хищной птицы.

Которого, впрочем, никто из людей никогда не слышал.

А имя учёного, представившего форорака миру, вскоре стало известно далеко за пределами его родины. После смерти Флорентино Амегино в 1911 году благодарные сограждане решили увековечить его память. Они назвали в честь замечательного палеонтолога административную область в провинции Буэнос-Айрес и главный город этой области. Имя учёного носит также кратер на Луне.

«БРОЙЛЕР» ИЗ МИОЦЕНА

Доисторические животные не раз вдохновляли кинематографистов XX века. Пальма первенства тут, безусловно, принадлежит динозаврам. Однако и другим вымершим тварям порой перепадает порция экранной славы. Не обошла она стороной и форорака.

В 1961 году киностудия «Коламбия Пикчерс» выпустила фильм «Таинственный остров», снятый по роману Жюль Верна. Правда, сюжет литературного первоисточника, как это часто случается в кино, сценаристы немного подправили. В романе, как мы помним, все действующие лица

СЪЕДОБНЕ НЕСЪЕДОБНОЕ

Странный человек лет 23–24 появился в Одессе. Фамилия его де Ветрио. Он способен то ли глотать, то ли есть всё, что бы ему ни предложили. На выступлении Ветрио перед ним лежали куски кокса, деревянного и каменного угля, стекла, мыло, резина, галоши, рваный ботинок и бутылка керосина. Фокусник откусил (!) приличный кусок угля и прожевал его с видимым аппетитом. Налил стакан пива, положил туда горсть серных спичек и выпил. Он жевал стекло, резину, кожу и даже листовое железо. Как же всё это он делает? Очевидцы предположили: желудок крепкий, управляется со всем несъедобным; отличные зубы; ест много картофеля, который обволакивает неудобоваримые несъедобные вещества и т. п. Только неубедительно звучат эти объяснения.

«Свет»
Одесса, 1893

ТЕЛО В ВОЗДУХЕ

Когда принц Узльский посетил Калькутту зимой 1875 года, я, бывший в группе сопровождения, увидел много интересного и непонятного. Представление проходило на большой площади в присутствии туземных принцев, принцесс и пяти тысяч зрителей. Поклонившись принцу Узльскому, старый факир взял три шага с поперечными рукоятками и воткнул их в землю остриём вверх на шесть дюймов в глубину. Затем появился молодой факир и после нескольких пассив, проведённых над ним стариком, упал, казалось, бездыханным. Подошёл третий факир, вместе со стариком они положили бездыханное тело на острия шага: первая шага – под затылком, вторая – между лопатками, третья – у основания спинного хребта. Тело сохраняло полное равновесие и неподвижность. После этого факир взял кинжал и стал раскапывать землю вокруг рукоятки первой шага, а затем вытащил её из земли и заткнул себе за пояс. Так же он поступил со второй и третьей шагами. Тело продолжало лежать в том же положении, ни на что не опираясь. Другими словами, оно парило в воздухе! Старый факир позвал помощника, они взяли тело и осторожно положили на землю. Затем старик несколькими пассивами вернул его к жизни. Юноша пришёл в себя и выглядел так, как будто с ним ничего не случилось.

В. Раїм
«North American Review», 1893

– мужчины. Для ленты, рассчитанной на массового зрителя, это, конечно, недопустимо. Чтобы колонистам было веселее обживать остров, компанию им составили две дамы – тётушка с юной племянницей, которые по чистой случайности потерпели кораблекрушение в тех же водах и в то же время. Племяннице, потерявшей в морской пучине одежду, тетушка сварганила чудесный кожаный минисарафанчик. В нём девушка разгуливала по острову в течение всего фильма, нисколько не смущаясь своего одеяния, столь далёкого от моды середины XIX века.

«Модификация» подверглась и фауна таинственного острова. У Жюль Верна она хоть и тропически богатая, но всё же вполне реальная. Кинематографистов такая «обыденность» не устраивала. Было решено населить этот клочок суши фантастическими существами. По воле сценаристов колонистам предстояло встретиться с гигантским крабом, исполинскими пчёлами и доисторической птицей форораком. Создать киномастеров попросили известного мастера спецэффектов Рэя Харрихаузена.

Конечно, его главные свершения тогда, в 1961 году, были ещё впереди. Ещё предстояло выйти в свет нашумевшим картинам – «Миллион лет до нашей эры», «Язон и аргонавты», «Золотое путешествие Синдбада». Ждала его в будущем и премия «Оскар». Однако в анимационных созданиях «Таинственного острова» почерк маэстро уже виден достаточно хорошо. Многие критики потом объясняли огромный зрительский успех фильма именно спецэффектами Рэя Харрихаузена.

По сценарию, хищный форорак неожиданно выбегает из тропичес-

кого леса, собираясь наброситься на тётушку с племянницей, мирно расположившихся на пляже. Один из колонистов отважно бросается прямо на спину чудовищной птице, отвлекает и прогоняет её. Этот небольшой эпизод потребовал от мастера-аниматора долгого кропотливого труда. Была изготовлена кукла-форорак, разумеется, не в натуральную величину, но достаточно большая, чтобы её можно было «нарядить» в настоящие птичьи перья. Перья взяли куриные, и монстр получился белым. Для пушей выразительности голову ему раскрасили в яркие красно-жёлто-оранжевые тона. А кто докажет, что гигантская птица не была такой? Ведь учёные-палеонтологи ничего, кроме костей форорака, не видели, стало быть, и критиковать киноверсию не имели права.

Как восприняла ленту научная общественность США, неизвестно. Но вряд ли продукция массового кинематографа могла всерьёз заинтересовать кого-либо из высоколбых обитателей Гарварда или Беркли. Зато после выхода картины стало ясно, что от широкой американской публики Рэй Харрихаузен хотел слишком многого. Большинство зрителей вообще не признали в создании мастера спецэффектов доисторическую птицу форорак. Из-за белых перьев и коротких крылышек все решили, что это – гигантский цыплёнок. Так его обозначали на афишах и называли в журнальных статьях. Хотя успеху фильма это совершенно не помешало, а может быть, даже способствовало ему. Ведь разве есть что-нибудь более привлекательное для истинного любителя Кентукки-чикен, чем цыплёнок исполинских размеров?

Череп форорака, найденный на юге Аргентины

ИСТОЧНИК ГОРНЫХ ДУХОВ

Рассказ

Рисунки Бориса Косильникова

Телефон в прихожей надрывался так, что его трели, наверное, слышали соседи в доме напротив. Не включая свет, я, ругая про себя того, кто вздумал звонить среди ночи, зашлёпал в прихожую.

– Здорово, старик! Не разбудил?... Я тебя с обеда разыскиваю. Ты камушек помнишь? Тот, что мне весной подарил? Ну, тёмно-синий, на сколе как чёрный хрусталь. Так вот, камушек-то с серьёзным сюрпризом оказался. Ты, помнится, говорил, что он у тебя лет пять на столе лежал. Так вот, срочно дуй к врачам и проверяй кровь. Да попроси сделать полный анализ. Светит камушек-то. Чуть не десятикратное превышение естественного фона даёт.

– Постой, как это светит? – смысл сказанного не сразу дошёл до меня.

– Вот так и светит! Ты хоть знаешь, что это за минерал? Это кобальт. Мужик, который купил у меня его, говорит, что по содержанию металла в руде камень уникальный – практически чистый кобальт, не требующий никакого обогащения. Знакомый парень из Гипроруды растолковал, что кобальт чуть ли не до ста лет наведённую радиацию сохраняет. Вот и думай теперь, рядом с какой дрянью наш камень валялся... Ну ладно, старик, извини, что разбудил. А у медиков-то на всякий случай побывай. Будь здоров!

Откровенно говоря, я давно забыл об этом камне, о загадочной истории, участником которой пришлось мне стать много лет назад.

Горных источников-аржанов в Туве великое множество. Исстари и сами тувинцы, и осевшие здесь казаки-енисейцы лечились водой из них – кто «от суставов», кто «от позвоночника», кто «от живота»...

Многие из этих рассказов казались совершенно неправдоподобными. Наверное, я не поверил бы им и сейчас, если бы не тонкий розовый шрам на стопе между пальцами...

ЗА ТУМАНОМ И ЗА ЗАПАХОМ ТАЙГИ...

Шёл четвёртый месяц, как судьба забросила меня в этот захудалый городишко. Пятак кривых улиц, обсаженных седыми от пыли тополями, да десятка полтора переулков и тупиков – вот и всё поселение, именуемое городом, да к тому же ещё районным центром.

Солнце по утрам вставало в зловещем красном мареве, в воздухе ощущалось пахло гарью – за Хемчиком гонела тайга. Улочки среди дня пустели. Пожухлая листва на тополях не шуршала, а гремела, точно вырезанная из тонкой жести. Одуревшие от жары куры, раскинув крылья и раскрыв клювы, лежали в тени заборов.

Горожане отваживались покидать жилища лишь в сумерках. Все на чём свет стоит кляли жару и с надеждой посматривали в сторону Хемчикского хребта, над которым каждый вечер клубились сизые тучи. Изредка оттуда доносилось ворчание грома, а по ночам небо над ним непрестанно озаряли бело-голубые сполохи. Среди местных рыбаков и охотников хребет и его предгорья пользовались недоброй славой. Всему виной были сильнейшие грозы. С ранней весны и до начала зимы, какая бы ни стояла погода в долине, они гремели над хребтом постоянно. И не было года, чтобы в тех гиблых местах кто-нибудь не пропал. Вот и нынешним летом меньше месяца назад геодезисты, работающие за Хемчиком, привезли в городок то, что осталось от трёх рабочих, попавших под удар молнии в горах...

Денег у меня едва хватало на то, чтобы раз в день скромно перекусить, гостиничный счёт рос с угрожающей быстротой, а каких-то определённых перспектив пока не вырисовывалось. Вернее, вопрос с работой решился, но надо было дожидаться возвращения директора лесхоза, уехавшего к родственникам на Украину.

На моё счастье, к концу месяца директор вернулся, и уже к выходным я смог получить, наконец, свои подь-

ёмные, а в понедельник перебрался жить на квартиру к тётке Саре Новосёловой, муж которой, дядька Тимофей, работал в лесхозе конюхом.

Работы свалилось столько, что я и не предполагал. Похоже было, что бумагами здесь никто не занимался. Кое-как выписанные лесорубочные билеты да ещё ордера на заготовку орехов – вот и всё, что я смог найти. В конторе пахло сыростью и мышами. Солнечный свет едва пробивался сквозь затян timer паутиной пыльные оконные стекла. Два дня я разгребал и выносил мусор, а потом засел за бумагу.

Всё свободное от работы время я старался проводить на реке. Своенравная, она была совершенно не похожа на ту, на которой я вырос. Прозрачная, чистая как слеза вода её оставалась ледяной в самую сильную жару. Стоило постоять в воде минуту-другую, как ноги начинало покалывать, точно иголочками, и я торопился выбраться на раскалённый песок. Кроме того, у речки был на редкость скверный характер. Помимо традиционного весеннего половодья, она гуляла ещё раза три за лето. Не успеет высоко в горах пройти ливень, как буквально в считанные часы узенькая речушка, в которой и воды-то воробью по колено, превращалась в бешеный грязный поток, сметающий всё на своём пути. Во время таких разливов она нередко меняла русло.

Но стоило речке войти в берега и слегка посветлеть воде, как начиналась чудесная рыбалка. Стремительные хариусы наперебой бросались на заброшенного кузнечика или «мушку» из клочка бурой медвежьей шерсти. За азартом ловли забывались все дневные неприятности. С сожалением я сматывал удочку, собирал улов, почти наощупь выбирался на дорогу и шёл туда, где тускло мерцали огни городка и лениво перебрёхивались в ночи собаки.

– Кто рыбалит да удит, у тово ни хрена не будет! – встречал меня дядька Тимофей.

Он ловлю удочкой презирал, считая её мальчишеской забавой, недостойной взрослого мужчины. Впрочем, меня его отношение не особенно волновало. И в любую свободную минуту я торопился под любым предлогом смотаться из дома. Слишком уж сомнительным удовольствием было коротать вечера с вечно злым на весь белый свет Тимофеем.

Была и ещё одна причина крайне нелюбезного его отношения ко мне. В первый месяц работы я подру-

жился с Серёгой Пичи-оолом – местным печником, моим ровесником. Был Серёга, как и я, заядлым рыболовом, за годы работы проводником у топографов исходил всю округу, прекрасно знал все таёжные тропы. Лучшее напарника было не найти. Но не так считали мои квартирные хозяева.

– А ну, годи, паря! – остановил меня как-то раз Тимофей, недобро щуря глаза. – Ты чо же это, а? В моём дому живёшь, а с хозяином выпить гребуешь? А с «сойотом» («собакой» – так называли местных тувинцев пришедшие в XIX веке переселенцы) дружбу водить не гребуешь?

Я попытался объяснить Тимофею, что не переносу самогона, а друзей привык выбирать сам, но только ещё больше разозлил его:

Я взял ружьё, удочку, прихватил в карман кусок хлеба и зашагал к реке, обдумывая по дороге, куда бы перебраться на постой, пока не закончится ремонт лесхозовской квартиры. Занятый такими мыслями, я не заметил, как ушёл далеко, и спохватился лишь когда стало быстро темнеть. Тропку свою в темноте я почти сразу потерял, огней городка не было видно, и куда бы я ни повернул, всюду натёк на плотную стену колючего кустарника.

В конце концов я прекратил бесполезные поиски потерявшейся тропы. До крови царапая руки, ежеминутно рискуя остаться без глаз, наломал веток, пустил на растопку пачку изпод сигарет, и едва огонь занялся, освещая пляшущими бликами обступившие большую поляну кусты, склон горы, начинавшийся в полусотне шагов от меня, как неожиданно близко залаяла собака, к ней присоединилась вторая. Бросив костёр, подхватив с земли ружьё и удочку, я заспешил в сторону собачьего лая.

ЛЕГЕНДА, РАССКАЗАННАЯ У КОСТРА

Собачий лай доносился совсем не с той стороны, где, как мне казалось, остался наш городишко, но сейчас мне было это безразлично. Там люди, а значит, не придётся торчать всю ночь одному у хиленького костерка, вздрагивая от ночных шорохов. И хоть понимаешь, что ничего плохого не случится, через несколько часов рассветёт, найдётся тропа, а по ней до города всего-то с час ходу, но всё-таки лучше, когда такой вот тёмной ночью ты не один.

Из-за пологих горных вершин вылила большая оранжевая луна, и

в её неверном свете кусты, камни, редкие лиственницы – всё разом переменилось. И если в полной темноте идти было скверно, то сейчас стало ещё хуже. Чёрные тени от каменных глыб казались огромными валунами, и я старательно обходил их, неожиданно больно натёкаясь на сами камни, ставшие в лунном свете почти неразличимыми.

Когда, обливаясь потом, я взобрался наконец на лысую, вытоптанную овцами вершину горы, собаки умолкли, и сколько я ни вслушивался, кроме стука собственного сердца не слышал ничего. Я вскинул ружьё, и два гулких выстрела разорвали тишину ночи. Не успело умолкнуть разбуженное эхо, как из темноты ко мне кинулись две большие лохматые собаки и с ожесточённым лаем закрутились вокруг, норовя схватить. Прижавшись спиной к громадному валуну, я едва успевал отбиваться прикладом ружья и удочкой, но их это только больше злило. Отчаявшись, я нашаривал в кармане патроны, чтобы выстрелами отогнать окончательно озверевших псов, когда темноту прорезал луч фонарика и кто-то сердито прикрикнул на них. Этого оказалось достаточно. Собаки, щетина загривки и злобно скалясь, неохотно отошли в сторону, напряжённо карауля из темноты каждое моё движение.

– Эй! Кто ходи? – раздалось из темноты. Свет фонаря приближался, и через минуту-другую на поляну вышел маленький человечек.

– Тывоя кто есь? Пошто ночью ходи?

Он подошёл ближе, и я разглядел, что это был старик-тувинец.

– Э-ки-и! – тонким хриплым голосом поздоровался он. Выслушав моё торопливое объяснение, покивал головой, пососал чубук погасшей трубки. – Однако, юрта ходи. Чай пить будим, говорить будим. – Он повернулся и зашагал в темноту, изредка подсвечивая себе под ноги фонариком. Впрочем, делал он это скорее для меня. Сам старик, хотя и опирался на палку, шёл уверенно и быстро. Мы спустились в широкий распадок. Чуть ниже, там, где он перешёл в пологий, ровный как стол склон, белела юрта, удивительно похожая на оброненную кем-то огромную тюбетейку. Поодаль от неё едва слышно журчал ручей, угадывалась длинная приземистая кошара, из которой глухо, словно из-под земли, доносились бляньё и топот потревоженных овец.

Сопровождаемые собаками пошли мы к юрте. Она оказалась совсем

не такой, как издали, – неожиданно большой и высокой. Старик откинул полог из толстой кошмы, приглашая войти. Сняв у входа, по примеру хозяина, сапоги, я шагнул через невысокий порог внутрь жилища, едва не задев головой подвешенную над входом керосиновую лампу. Посреди юрты на пятчке голой земли, обложенном закопченными камнями, тусклыми огоньками мерцала грудка углей. Над очагом на длинной цепи, уходящей к потолку, висел большой казан. Видимо, хозяева совсем недавно ужинали. Стоял запах варёной баранины, дикого лука, подгоревшего жира и ещё чего-то. Только сейчас я вспомнил, что с самого утра во рту крошки не было, и почувствовал, как страшно голоден.

Мы чинно расселись на небольших жёстких войлочных подушечках, заменивших стулья, и старик что-то негромко сказал в темноту юрты. Колыхнулся ситцевый полог, отгораживающий дальний угол, и заспанный худенький подросток проворно захлопотал у очага. Глаза привыкли к полутьме, и пока хозяева готовили ужин, я с интересом осматривался.

Справа от куска кошмы, заменявшего дверь, стоял вполне современный умывальник. На проволочном крючке на стенке висел карабин с потёртой, стянутой сырмятным ремешком треснувшей ложей и новенькая вертикалка двенадцатого калибра. Рядом с умывальником, прислонённое к стене юрты стояло ещё одно ружьё – старинная одностволка с большим изогнутым курком, возвышавшимся над длинным гранёным стволом. По стволу, по тёмным, почти чёрным металлическим «щёчкам» вился орнамент, отдалённо напоминающий арабскую вязь. Несмотря на грязный, затёртый приклад, притянутую проволочной скруткой ложу и привязанную вместо ремня верёвку, ружьё выглядело изящно и благородно. По тому, как бережно переставил его старик с места на место, видно было, что он дорожит своим старым ружьём.

Слева от входа, напротив умывальника, стоял аккуратный миниатюрный столик наподобие журнального, рядом с ним – потемневший от времени деревянный шкафчик-антара – копия маленького деревенского комода. На нём поблёскивала никелем швейная машинка. Дальнюю, плохо освещённую часть юрты отгораживал ситцевый полог, за ним, видимо, спал подросток. Здесь же, рядом со шкафчиком, свалены в кучу сёдла, конская упряжь, большой эмалированный таз с грязной посудой.

Я вспомнил про походную фляжку со спиртом, которую на всякий слу-

чай прихватил с собой, торопливо вытащил её из кармана и протянул старику.

– Спирт? – расплылся тот в улыбке. – Спирт шибко хорошо. – Но сразу же согнал с лица улыбку и церемонно протянул мне руку. – Однако, знакомиться давай. Твоя как зовут? Оль-ег! – нараспев повторил он. – Хороший имя. Моя – Очур-оол зовут.

Мы пожали друг другу руки. Из уважения к гостю он старался как можно лучше говорить по-русски. Пока мы знакомились, тот, кого я принял за подростка, снял с цепи казан и, согнувшись под его тяжестью, поставил его перед нами, подбросил в очаг дров, подвесил над огнём другой казан, такой же чёрный от копоти, но поменьше, для чая. Пламя очага ярко осветило юрту, и я с удивлением разглядел, что никакой это не подросток, а миловидная девушка, почти девочка, лет четырнадцати-пятнадцати, с озорно блестящими, как у белки, глазами и такой открытой, приветливой улыбкой, что просто нельзя было не улыбнуться в ответ. Заметив, что я смотрю на неё, девушка зарделась от смущения, закрыла лицо рукавом и проворно юркнула за свой полог. Старику такое неуважение к гостю не понравилось. Он негромко, но строго сказал что-то по-тувински, и девушка послушно вышла из-за полога и, не поднимая глаз, села напротив меня.

Прежде чем приступить к еде, старик церемонно, как того требовали правила приличия, представил меня Кара-кыс – так звали девушку. Она, если я всё правильно понял, заканчивала интернат в городе, а сейчас, пока отец её – внук старого Очур-оола, совхозный чабан – был в отъезде, помогала прадеду присматривать за отарой.

Я разлил по кружкам спирт. Очур-оол осторожно, точно боясь расплескать, первым поднёс кружку ко рту, пошептал над ней, обмакнул в спирт скрюченные пальцы и, продолжая шептать, брызнул себе за спину, потом в очаг, пыхнувший в ответ голубоватым пламенем, и только после этого, зажмурившись, одним глотком опрокинул в себя огненную жидкость, торопливо запив водой из поданного Кара-кыс котелка. К моему великому удивлению, и Кара-кыс, в точности повторив за стариком весь ритуал, выпила свой спирт, а потом оба принялись за горячее мясо, выхватывая куски из казана прямо руками.

От спирта зашумело в голове, приятное тепло растекалось по усталому телу. Я утолил первый голод и, отодвинувшись от казана, дождался, когда будет готов чай. Исподволь, стараясь не выказать своего любопытства, наблюдал я за моими новыми знако-

мыми. А они деловито доставали из казана кусок за куском, прихватывали краешек зубами и молниеносными движениями узких, острых как бритва ножей отхватывали маленькие кусочки у самых губ.

Смотреть на это было жутковато. Мне казалось, что вот-вот кто-нибудь из них обязательно полоснёт ножом себе по губам или отрежет кончик носа. Но, слава Богу, всё обошлось. Мясо кончилось, и Кара-кыс, проворно убрав опустевший казан, водрузила на его место другой – с подбелённым овечьим молоком солёным кок-чаем. Должен признаться, ничего более противного в жизни пробовать мне не приходилось. Сделав большой глоток из кружки, я с трудом удержался, чтобы не выплюнуть горько-солёное с привкусом бараньего жира варёво. А когда Кара-кыс поставила передо мной миску с полагающимся чаем поджаренным на сковороде сухим пшеном – «тара», я и вовсе растерялся. Но отказаться, не попробовать угощение значило обидеть этих добрых людей, так тепло приютивших меня среди ночи. И я рискнул. Прокалённое, каменной твёрдости пшено скрипело на зубах так, точно я пытался разжевать горсть мелкой гальки. Давясь, с великим трудом проглотил я горсть «тара», запил его противным горячим кок-чаем и, стараясь изобразить на лице удовольствие, принялся с опаской ожидать, что из этого получится. Кара-кыс со стариком поступили по-другому. Они насыпали горсть пшена в кружку с чаем, дождались, когда оно размякнет, и только тогда всё это с аппетитом съели. Кара-кыс собралась подсыпать «тара» и в мою миску, но я вежливо и решительно удержал её руку. Пожевал корочку хлеба из своих запасов, поддевая её из глубокой миски густую жирную сметану-ореме до тех пор, пока не обнаружил в ней несколько жирных зелёных мух, и, чувствуя, что большего я уже не выдержу, отодвинулся в сторону от очага, старательно изображая человека, наевшегося до отвала.

Следом за мной отвалился от «стола» и Очур-оол. Кара-кыс собрала грязную посуду, сложила её в таз у входа, протёрла тряпочкой закопчённое стекло лампы и вывернула фитиль. Яркий свет залил юрту. Старик отдыхал, полулёжа на войлочной подушке. Он был стар, очень стар. Седой ёжик редких волос не закрывал глубоких шрамов, тянущихся от лба к затылку, оставленных когтями какого-то зверя. Такие же седые кусты бровей нависли над глубоко сидящими выцветшими глазами. Они были словно две прозрачные капель-

ки на тёмном, задубевшем под солнцем и ветрами, изрезанном глубокими морщинами лице. Редкая, словно припорошённая пеплом бородёнка едва прикрывала подбородок. Такие же реденькие седые усы двумя пучочками свисали в уголках губ. Всё это делало старика похожим на доброго духа из забытой детской сказки. Только в отличие от духов, одет он был в засаленный овчинный кожушок-тон, положившийся на сгибах от старости и зашитый толстыми, выгоревшими на солнце нитками, с деревянными палочками вместо пуговиц. Из-под распахнутого тона выглядывала чистая старенькая фланелевая рубашка. Бог знает как попавшие к нему солдатские брюки подпоясаны были узким брезентовым ремнём, на котором висели кожаные ножны. На ногах у старика толстые, домашней вязки носки из собачьей шерсти, доходившие почти до колен.

Очур-оол в очередной раз набил «дунзой» (дешёвый трубочный табак) крошечную, на две хорошие затяжки, трубочку с длинным таловым чубуком, прикурил от уголька, окутавшись сизоватым дымком, и, прикрыв глаза и чуть покачиваясь, что-то негромко замурлыкал себе под нос.

Вернулась в юрту Кара-кыс. Поставила у входа таз с вымытой посудой, задула лампу и скрылась за пологом.

Угли в очаге подёрнулись пеплом, из-за полога доносилось посапывание Кара-кыс, а старый Очур-оол всё сидел, посасывая чубук трубочки, погружённый в свои думы. Попытался улечься и я, но даже изрядно уставшему уснуть в юрте без привычки не так-то просто. Сначала никак не мог выбрать удобное положение на жёстком войлоке, а когда задремал, вдруг почувствовал, что всё тело горит, словно исхлёстанное крапивой. Кошма на полу буквально кишела блохами. Какой уж тут сон! Нашарил в кармане сигареты и наощупь выбрался на улицу.

Едва я закурил, как полог юрты откинулся, и старик с кряхтением присел рядом со мной на валявшееся у юрты сухое бревно.

– Пошто не спи, дарга? – поинтересовался он, набивая трубочку и не дожидаясь ответа, вдруг заговорил о другом. – Твоя пошто тайга ходи? Камня гляди? Поди алдын-дэшь (золотой камень) ищи? Шибко дрянная камня! Много люди тайга ходи, горы ходи ево ищи. Геолук, охотник. Кому Шулубус алдын-дэшь на тропа бросал – всё пропадал. Дрянная камня!

– Нет, Очур-оол, я золото не ищу. Я в лесу работаю. Ходим по тайге, смотрим, где лес сажать надо, пожары тушим.

– О-о, твоя – Арыг-дарга! Шибко хорошо, – закивал головой старик. – Тайга везде ходи. Танну-Оола ходи, туда ходи, – махнул он рукой куда-то на север. – Однако, дарга, Кемчуг-хребет ходи не надо. Арт-даш ходи не надо. Шибко худой место. Много люди пропадал.

Я и до этого не раз слышал про дурную славу Хемчикского хребта, но что-то в голосе старика заставило меня насторожиться.

– Скажи, Очур-оол, почему все говорят, что на Хемчикский хребет лучше не ходить? Ведь геологи работают там много лет, да и у нас в том районе работы немало намечено.

Старик помолчал, уселся поудобнее:

– Говорю тебе, худой место. Кемчуг-хребет есть скала красный, как кровь дракона. Туда ходи совсем нельзя. Беги надо, далеко беги. Красный скала смерть живёт. Арт-даш есть много чёрный-чёрный камня, шибко тяжёлый. Туда ходи тоже нельзя, там злой Шулубус живёт. Кто туда ходи, болеет. Волосы с головы падают, голова Тас-Баштыг будет, потом помирай. А кому Шулубус на тропа алдын-дэшь бросит, тот разом теряй.

Моя шибко много ходил, шибко много видел. Много зверь стрелял. Большой хайракан (медведь) мне лапой башка драл – моя убил хайракан... Нога ломал – сильный вода с аржан лечил. Хорошо лечил, много лет хожу. Твоя слышал про сильный вода? Давай ещё маленько спирт пить будем, потом расскажу тебе про сильный вода. Сильный вода кырган-ачей – отец моего отца находил. Шибко сильный вода. Любый рана лечит.

Я принёс из юрты кружки, хлеб, разрезанную луковицу и фляжку с остатками спирта. Старик выпил, не прикоснувшись к закуске, запил спирт водой и продолжал молча сидеть чуть покачиваясь. Мне показалось даже, что он задремал, и я тоже начал присматривать местечко, где бы прилечь, когда он вздохнул, выколотил о ладонь пепел из трубочки, набил её новой порцией «дунзы» и едва слышно заговорил. Говорил он медленно, чуть нараспев, время от времени надолго замолкая, точно припоминая давно забытое.

– Слушай, дарга. Расскажу тебе про Эрес-оола из рода Монгушей. Давно это было. Шибко давно. Тайга ещё совсем маленький был, и горы не были такими высокими. Кырган ачей – отец моего отца, Эрес-оол звали. Великий охотник был Эрес-оол Монгуш. Стрелой из саадака (лук) элика насквозь бил, марала бил. Три юрты мясом кормил Эрес-оол. Сильнее его не было. Бороться

на поясах выходил – всех на земля кидал, такой сильный был Эрес-оол. Сам великий хайракан боялся Эрес-оола, свой берлога прятался. Так говорили.

Пришёл инекчылы (год быка) – шибко худой год. Зима плохой был. Много скотина подох, элик, марал далеко горы ушли. Много люди помирал тот год. Никто не ходил охотиться Кемчуг-хребет, хотя зверя там. Старики говорили – нельзя. Не слушал стариков Эрес-оол. Далеко ходил, много мяса добыл. Шулубус сердился, на ево тропа алдын-дэшь бросал. Поднял Эрес-оол алдын-дэшь, аал таскал. Купец аал приходил, Эрес-оол алдын-дэшь ему таскал. Шибко радовался купец. Новый юрта давал Эрес-оолу, «дунза»-табак давал, мука много давал, соль давал. Говорил: «Ещё таскай такой камня – ещё больше дам. Ружьё дам! Сильный ружьё. Шибко далеко пуля бросай будет».

Только не зря Шулубус на него сердился. Не стало удачи Эрес-оолу. Долго ходил он. Следы не глядел, зверь не стрелял, мяса не добывал, всё под ноги глядел, алдын-дэшь искал. Однако ничего не нашёл. Аал пришёл – мука кончался, табак кончался, мяса нет. К купцу пошёл, тот сердился на него, кричал: «Твоя, Эрес-оол, обманщик! Где алдын-дэшь? Ничего не дам! Ищи алдын-дэшь, а то с голодудохнешь!»

Шибко плохой купец. Злой, как сабака.

Взял Эрес-оол саадак свой, стрелы взял, копьё, на охоту пошёл. Далеко ходил, но не было больше удачи Эрес-оолу. Надо зверя искать, а он земля глядит. Далеко ушёл Эрес-оол, за Арт-даш ушёл, а так никого не убил. Собрался назад идти, да услышал в логу рёв страшный. В лог заглянул, а там большой хайракан-самец самку с детёнышем убивает. Натянул Эрес-оол свой крепкий лук-саадак, пустил стрелу в большого хайракана, да только не достала стрела до сердца, шибко большой зверь был. Шкура толстая, жиру много.

Словно гора поднялся он на дыбы, на охотника пошёл. Эрес-оол изо всех сил ударил копьём в самое сердце зверя. Страшно заревел хайракан, горы вздрогнули от рёва его, кровь из пасти оскаленной рекой хлынула. И хоть подыхал уже хайракан, а все же достал он охотника когтями страшными. Мясо до костей рвал, руку ломал, кожу с головы когтями драл.

Открыл глаза Эрес-оол, не поймёт никак, живой он или уже мёртвый. Над головой звёзды яркие, вокруг него чёрные скалы, рядом вода журчит. И словно стонет кто-то. Привстал Эрес-оол, в сторону взглянул, а там, у аржа-

на, из-под чёрных камней выбегающего, медведица, та самая, которую он спас, вся в крови, и детёныш рядом топчется. Закрыв глаза охотник, а когда снова открыл, луна взошла, осветила всё вокруг. И вдруг слышит Эрес-оол говорит кто-то:

– Эй, Эрес-оол, твоя живой или подох уже?

Приподнял он голову и видит – стоит мужик чёрный. Совсем чёрный, только глаза светятся да зубы белые блестят. Испугался охотник, не знает, что ответить, а мужик и говорит:

– Если подыхай не хочешь, ползи к аржану. Рука мочи, башка мочи. Три дня мочи, потом малень-

ко когержик (кожаная фляга) вода бери и уходи. Больше не ходи сюда. Придешь ещё – силу твою отберу, Тас-Баштыг (лысый) будешь и подохнешь скоро!

Сказал так чёрный мужик и в камни ушёл. Три дня мыл раны водой из аржана Эрес-оол, и не стало ран, только шрамы страшные остались.

Вернулся охотник домой, увидели люди шрамы его, спрашивать стали.

Не умел говорить

неправду смелый охотник, рассказал всё... Дошли слухи эти до нойона (начальника улуса). Послал он цириков (стражников) за охотником, велел идти на аржан и принести большую бурдюк сильной воды. Отказывался охотник, помнил, что дух горы сказал. Били цирики Эрес-оола шаагаями (кожаные мешочки, набитые речным песком) по щекам, били манзой (доской) по спине, всё терпел охотник, но когда приказал нойон мелко нарубить конского волоса и насыпать в глаза Эрес-оолу, чтобы никогда уже не увидел он ни гор, ни солнца, не выдержал смелый охотник, согласился.

Никто не встретил их у аржана, только сам аржан камнями огромными завален оказался. Разгрёб Эрес-оол завал, с трудом набрал воды в бурдюк, идти собрался, а поднять бурдюк сил нет! Забрали цирики воду, самого его бросили пропадать в горах. Кое-как добрался он до юрты своей. Но не донесли цирики сильную воду нойону. Только подъехали к его юрте – лопнул бурдюк, и вся вода на землю вылилась. Разгневался нойон, били цириков шаагаями по щекам, а потом снова отправили за Эрес-оолом. Но вернулись цирики и принесли нойону страшную весть – «чёрная болезнь» с ним приключилась. Волосы выпали, помрёт скоро. Напугался нойон заразы чёрной, а Эрес-оол так и не встал больше. Отнял дух горы силу его за то, что не послушался...

Мы ещё покурили и отправились спать. И странное дело, на этот раз я уснул сразу, не чувствуя ни укусов насекомых, ни жёсткого, неудобного валика под головой, словно провалился в тёмную бездонную яму. Снился ключ, бьющий из подножия чёрной горы, оскаленные звериные морды...

Проснулся от громкого ржания лошади. В юрте никого не было, а за стенкой снова фыркнула и призывно заржала лошадь, ей ответила другая, слышались голоса. Полог откинулся, в полумрак юрты ворвался яркий солнечный свет, а в просвете появилась Кара-кыс в спортивном костюме, с влажным после умывания лицом и стопкой мисок в руках. Встретившись глазами со мной, она засмузилась, улыбнулась и захлопотала у очага, приглашая на завтрак.

До городка я дошёл неожиданно быстро. Как оказалось, заблудился я всего-то в пяти-шести километрах и только увал, через который я перевалил, помешал мне ночью увидеть огни городка. Дядьки Тимофея дома не было, тётя Сара, хлопотавшая у печи, даже не удостоила меня взглядом. Наскоро переодевшись, я поспешил в лесничество, прикиды-

вая, к кому бы попроситься на квартиру.

– Потерпи малость! – сочувственно покивал головой наш водитель Гриша, с которым я решил посоветоваться. – Тимофей, он, конечно, не подарок, но проспится, глядишь, потише будет. А тебе какой резон из-за полутора-двух недель квартиру искать? Ремонт-то, считай уж, закончили.

– Слушай, Гриша, что это за аржаны такие? – полюбопытствовал я, когда, умотавшись от лазанья с топором и буссолью по таёжным распадкам, мы лежали у костерка. Ночной разговор со стариком-чабаном не шёл у меня из головы. Уж больно неправдоподобным он мне показался. – Мне старик Монгуш такое порассказал – ни в одной сказке не вычитаешь. Прямо живая вода, да и только!

К моему удивлению, Гриша шутку не поддержал.

– Кто ж знает? Может, брешут, а может, и правду говорят. Я сам-то в духов ихних и не верю, а на Хемчикский хребет и батька мой не хаживал, и меня туды калачом не заманишь. Поганое место. А про аржаны всяко говорят. Запрошлым летом вон сам Максим Мунзук приезжал спину лечить. Говорят, совсем его радикулит доконал, никакие доктора не помогали, а в аржане три денька покупался и козлом запрыгал, не гляди, што семьдесят с гаком. Да ты лучше дружка свою, Серёгу-печника, поспрошай. Он три лета топографов на хребет водил. Лучше его эти места никто не знает.

ГДЕ ЗОЛОТО МОЮТ В ГОРАХ...

Вернулись мы в тот день вечером. Усталый плёлся я домой, предвкушая, как буду полоскаться в прохладном сумраке баньки, а потом завалюсь спать. Но едва успел я стянуть негнущуюся от пыли и пота энцефалитку, как дверь комнаты распахнулась, и на пороге появилась тётя Сара. Вид её не предвещал ничего хорошего.

– Никак спать собрался? – язвительно пропела она. – Погодить малость придётся! Разговор к тебе шибко сурьёзный будет. Ты на Тимофея никак обиделся? Ну, то твоё дело. А вот то, што через тебя ко мне в избу сойот прётся, – это я терпеть не стану. – Голос её сорвался на визг. – Перед людьми стыдоба! Цельный день под окнами торчит! Раньше-то, небось, и близко к дому подойти побоялся бы, а тут... Тьфу!

Тётя Сара, повернувшись, напоследок так хватила дверью, что жалобно зазвенела посуда в старинной горке и с грохотом посыпались на пол книги с висящей на стене полки. Какое уж тут к чёрту мытьё! Только через несколь-

ко минут до меня дошло, что это же Серёга искал меня. Это его обозвала она сойотом! Торопливо накинув куртку, я выскочил на улицу и сразу же увидел приятеля, нерешительно прислонившегося к забору шагах в десяти от калитки.

– Здорово! Ты, брат, прямо как чувствуешь. Разговор у меня к тебе есть. Пойдём ко мне, чайку попьем, заодно и поговорим, – потянул я за рукав приятеля, но Серёга решительно замотал головой.

– Чок, дарга. Моя туда ходи не будет. Новосёл-баба ругается! Дрянь баба! Совсем собака. Моя говорил – дарга Олег надо, – всё равно ругается. И Тимофей Новосёл – шибко дрянь человек. Пойдём мой бажин (дом), дарга, а? Там чай пить будем.

– Ну, хорошо, пойдём, только погоди минутку, я с собой кое-что прихвачу.

Я зашёл к себе и сгрёб со стола приготовленные к вечернему чаю хлеб, колбасу, печенье, сунул в карман фляжку со спиртом и поспешил к Серёге.

– Моя пришёл тебя Тагар-Шеми звать. Улуг хайруз шибко хорошо ловится. Моя удочка приготовил, мушка приготовил, только маленько червяк копай нада! – оживлённо рассказывал Сергей, пока мы шагали тёмной улицей.

Наше недавнее случайное знакомство на реке переросло в настоящую, крепкую дружбу. Серёга откровенно и чуточку наивно гордился дружбой с русским «лесным даргой», так он меня называл, а мне приятно было общество этого бесхитростного парня. Но главным, что сблизило нас, была, конечно же, рыбалка. Рыбаком Серёга был страстным и умелым, что среди тувинцев большая редкость.

Накормив и уложив спать тяжело болевшую Чечек-ма, мы вышли на крылечко покурить. Сергей был грустным и молчаливым, часто курил, то и дело настороженно прислушивался сквозь полуоткрытую дверь к дыханию спящей матери.

– Шибко худо авай (маме), – негромко проговорил он, отвечая на мой безмолвный вопрос. – Моя эмчи (доктор) звал, эмчи приходил, таблетка давал. Ево говори – шибко хороший таблетка, сильный. Врал, однако. Укол делай, тоже не помогай. Может, за сильный вода пойдут... – Он отбросил в темноту недокуренную сигарету и тихо, стараясь не шуметь и не скрипеть половицами, ушёл в дом.

О болезни Серёжиной матери я слышал от знакомых из районной больницы. Это была запущенная тяжёлая форма бруцеллеза. За последние месяцы болезнь превратила Чечек-ма, совсем не старую и в недавнем прошлом красивую женщину, в немощную старушку.

Сергей вернулся, когда я, уже не надеясь дожидаться его, собрался уходить.

– Твоя не надо сердиться на Серёжку, дарга, – проговорил он, смущённо отводя глаза. – Авай шибко жалко... Твоя говорил, Кемчуг-хребет работай будешь? Шибко худой место. Люди туда мало ходи.

– Но ты же работал там? Сам ведь рассказывал, что с геологами да с топографами весь хребет исходил. К нам работать пойдёшь? Сто десять в месяц да плюс «дикие», по-моему, нормально.

– Э-э, дарга! – шутливо погрозил глазами приятель. – Шибко мало, однако! Геолук больше платил. – Но, увидев, что ответ меня огорчил, уже серьёзно протянул мне руку.

– Дарга Серёжка друг, так? Серёжка дарга тоже друг! Моя согласен.

И Серёга, видя, что я собрался уходить, решительно потянул меня в дом.

– Твоя, однако, здесь спи. Туда ходи не надо. Новосёл-баба опять ругаться будет.

...Машина, как по клавишам, прогромычала по брёвнам моста, под которым пенिला желтоватая вода Хемчика, свернула вправо и козлом запрыгала по раздолбанной каменной дороге. Степь осталась на правом берегу, а здесь почти вплотную к воде подступил крутой склон, поросший густой тайгой. Временами горы словно нависали над проложенной по узкой скальной полке дорогой. Местами она была настолько узкой, что встречные машины с трудом разъезжались на ней. Правая обочина дороги заканчивалась пятиметровым каменистым обрывом, под которым шумел Хемчик. Горы закрыли солнце, и в долине царил прохладный полумрак, а откуда-то сверху доносилось отдалённое ворчание грома.

– Смотри, Вадимыч, может, пере-думаешь? – Гриша опасно по-ко-

сился на горы. – Сам посуди, ну кому нужны эти твои натурные обследования? Неужто думаешь, найдётся дурак, который пойдёт лазить по горам проверять тебя? Петрович, тот, что до тебя работал, все сведения за столом делал, и всегда всё сходилось.

– А Гришуха-то дело говорит! – подержал шофёра Генка. – Места паршивые. Не зря ведь мужики наши ни орешничать, ни охотиться сюда не забираются. Хоть тут и зверя полным-полно, и ореха, и ягоды всякой, да больно слава у хребта худая. Ведь года не проходит, чтобы кого-нибудь не пришибло. А так, глядишь, мы лещишек бы наловили, ушицу заварганили.

Честно сказать, после этих разговоров мне совсем не хотелось тащиться туда, в глубь хребта, но я представил, как будет ухмыляться в прокуренные усы дядька Петро, как обязательно расскажет Новосёловым и прочим о том, что я струсил, и это придало мне уверенности. Да и Серёга где-то здесь ждёт меня.

– Ладно, мужики, хватит трепаться. Заводи, Гриша, поехали.

Сергей дождался нас у своей дальней родни на краю маленького посёлочка Ишкин, расположившегося в устье бурной горной речки Алды-Ишкин – Золотой Ишкин. К подъехавшей машине из покосившегося саманного домишка с просевшей крышей высыпала толпа дочерна загоревшей, голопузой ребятни. Рядом с домиком дремали привязанные к забору три низкорослые мохноногие лошади-монголки. Пока хозяева угощали нас кок-чаем с лепёшками, Серёга оседлал лошадку, навьючил на них палатку, наши рюкзаки и теперь покуривал в тени, рассматривая разложенную на коленях карту.

Наша задача – обследовать междуречье двух Ишкинов, берущих начало где-то в отрогах Западного Саяна. Геологи и топографы исходили здесь всё давным-давно, а вот лесники сюда пока не добирались. Мы поднимаемся вверх по Алды-Ишкину до зимних стойбищ, если получится, то постараемся пройти и дальше. Во всяком случае, тропа, указанная на моей карте, вела к самым истокам реки. Потом по перевалу перейдём в долину Устю-Ишкина и уже по ней вернёмся к Хемчику, где нас будут дожидаться Гриша с Генкой. По карте это получалось немногим больше ста километров.

– Дня за четыре управимся? – поинтересовался я у Серёги, но он лишь покачал головой.

– Э-э, дарга! Зачем так говори? Горный тропа – длинный тропа. Однако, раньше субботы ждать не надо.

– Ты что, Сергей, смеёшься? Что мы, двадцать пять километров в день не пройдем? Ну ладно – день ещё на отдых и всякие непредвиденные задержки, всё равно в пятницу к обеду должны быть на Хемчике!

– Да не спорьте вы! – вмешался Генка. – Серёга зря болтать не будет. Мы с Гришкой приедем в пятницу к обеду. Если что, на бережку заночуем – не зима, не замёрзнем. Глядишь, к нашему приходу рыбки поймает...

– Элик стреляй не надо, воняет сильно! – посмотрев на наши карабины, посоветовал вышедший проводить нас Серёгин родственник – маленький мужичок, одетый, несмотря на жаркий день, в длинный стёганый тон и лохматый собачий треух. – На зимниках нынче хайракан много. Ево тоже стреляй не надо, только если сам нагадай будит, – деловито говорил он, не выпуская из рта чубук крошечной трубочки. Они ещё о чём-то говорили с Серёгой, часто повторяя: «Арт-даш». Сергей слушал его, кивал головой, изредка роняя: «Ча!» Наконец они обзарились, потёрлись щеками по тувинскому обычаю, и мы тронулись.

– Ево говорил, чтобы мы Арт-даш не ходили, – пояснил Сергей мне предмет их спора. – Там чёрный скалы, шибко худой место. Башка сильно боли, ноги не ходи. А ещё говорил, что осенью видел там большой пятнистый кошка.

– А что это за Арт-даш? Где он? – вновь вспомнил мне рассказ старого Очур-оола.

– Здесь! – ткнул пальцем Сергей в конечный пункт нашего маршрута – один из истоков Алды-Ишкина в самом центре Хемчикского хребта, рядом с отметкой в две тысячи восемьсот метров. – Ево туда на охота за элик ходил... – Сергей явно что-то недоговаривал.

Сразу за последними домиками посёлка начиналась тайга. Высокие ели и лихты, сомкнувшиеся у нас над головами, не пропускали солнечный свет, и здесь, в логу, царил влажный прохладный полумрак. Мохнатые лошади наши шли сами, уверенно находя тропу даже там, где она совсем терялась среди завалов и громадных обомшелых валунов. На передней покачивался в седле и что-то мурлыкал себе под нос Серёга. Какое-то время я тоже ценой героических усилий ехал верхом, но хватило меня ненадолго. Твёрдое седло с каждым шагом лошади выскальзывало из-под меня, и я поминутно заваливался то в одну, то в другую сторону, судорожно хватаясь за гриву или обхватывая руками шею зло фыркающей и скалящей большие жёлтые зубы лошади.

Часа через полтора, совершенно обессилев от такой езды, я сполз на землю и, зевая и спотыкаясь, словно на протезах, тащился сзади.

На коротких перекурах я торопливо заносил на карту обширные плантации облепихи, прошлогодние горельники. Чем дальше вверх по реке поднимались мы, тем больше сужалась речная долина. Края её становились всё выше, круче, пока наконец горы не зажали Алды-Ишкин в глубокую расщелину с крутыми, поросшими крыжовником и смородиной краями. Тропинка наша с каждым шагом всё заметнее уходила вверх, всё чаще под ногами попадались рваные гранитные глыбы, через которые и мы, и наши лошадки перебирались с крайней осторожностью. За очередным таким завалом Серёга остановил наш караван, тщательно проверил подпруги, крепление выюков и протянул мне длинную верёвку.

– Вяжи к седлу, дарга. Держаться будешь. Хороший тропа кончился, горы ходить будем. Теперь до самый зимний стоянка дорога худой будет.

Действительно, тропинка крутым серпантинном полезла вверх, то и дело пересекая свежие языки курьумников. Каждый шаг по ним сопровождался шорохом сползающих камней и затаённым гулом. Особенно опасно было там, где из-под камней с тихим журчанием выбивались роднички со студёной и прозрачной, как слеза, водой. Камни здесь были скользкими. Казалось, стоит сделать один неверный шаг и покатишься вниз вместе с этими рваными розоватыми камнями. Крепко вцепившись в верёвку, я старался не смотреть туда, где обрывались языки осыпей. Река осталась где-то далеко внизу, и спуститься к ней нечего было и думать. Дважды нам пришлось переходить с шумом несущиеся между камней небольшие речушки – почти ручейки с чистой и такой ледяной водой, что холод чувствовался даже сквозь сапоги. Вода не доходила и до колен, но напор её был такой, что переходить можно было лишь опираясь на палку.

– Ничо, дарга! Скоро первый зимовка будем. Совсем маленько осталось! – подбадривал меня Серёга.

Однако мне это его «совсем маленько» показалось вечностью. Когда, наконец, горы расступились и тропа вновь спустилась в долину, на мне сухой нитки не было от пота. Руки и ноги дрожали противной мелкой дрожью, сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди, а перед глазами плыли радужные круги. Лошадки наши на ходу с жадностью хватили пучки сочной густой травы. Спины

их потемнели от пота, уши повисли, словно у дворян.

Единственным желанием моим было свалиться во влажную, прохладную траву и лежать, чувствуя, как постепенно уходит усталость. А потом собрать вон в том лесочке дров, развести костёр, перекусить, напиться чаю и блаженствовать в сытой полудрёме. Но Серёга так не считал.

– Маленько отдыхай будем, и надо дальше ходить! – категорично заявил он, видя, что я собрался развязывать рюкзаки. – На четвёртый зимовка ночевать будем, дарга. Место там шибко хороший, вода вкусный. Рыба ловить будем, отдыхай хорошо будем.

– А чем тебе здесь не нравится? – удивился я. – Лошадям травы полно, дров наберём, хариусов-то, поди, и здесь наловим. Может, тут и заночуем?

Но приятель мой оставался непреклонен.

– Летом тут плохо отдыхай. Слышишь, ево как греми? – показал он на клубящиеся над недалёким уже хребтом серые облака. – Ночью, однако, дождик будет. Если сильный пройдёт, здесь к утру всё зальёт.

– С чего ты решил, что поляну зальёт? – продолжал упрямыться я. – Кошара ведь стоит.

– Э-э, дарга! Пошто не веришь? – обиделся Серёга. – Моя не врёт! Сам гляди! – указал он на не замеченные мной, наполовину замытые песком кучи плавника среди травы. – Видишь, тут вода был? Маленько отдыхай, а потом иди надо.

Перекусили подогретыми над огнём кусками варёной баранины, запили дегтярной крепости чаем, и когда, казалось, никакая сила не заставит подняться с этих нагретых теплом собственного тела камней, Серёга заторопил.

Сразу за второй зимовкой, оказавшейся неожиданно недалеко от первой, в этой же зелёной долине, тропа пошла круто вверх. Горы по обоим берегам реки сошлись здесь вплотную, оставив Алды-Ишкину лишь узкий скальный коридор. Тропинка наша то и дело подходила к самому краю каньона, и тогда далеко внизу видна была извилистая лента реки. Вся в белых шапках пены. Из последних сил добрались мы до гребня перевала и здесь, окончательно обессилевшие, опустились на сырые камни. Ниже нас, цепляясь за изуродованные ветрами лиственницы, плыли обрывки серых облаков. В разрывах между ними виднелась густая щетина тайги, а всюду, куда ни глянь, словно исполнинские волны вздыбились вершины сходящихся здесь хребтов Ор-Тайга и Хемчикского. Видно было, что совсем недалеко от нас каньон разделя-

ется. Алды-Ишкин уходил левее, туда, где сияли на солнце ледяные шапки белков (вершины с вечными снегами) Западного Саяна, а наша тропа сворачивала круто вправо, почти строго на север, в самое сердце Хемчикского хребта, к таинственным безымянным высокогорным озерам, из которых и берёт начало большинство этих рек и речушек.

– Серёга, а почему реку Алды-Ишкин назвали? Что, здесь золото мыли, что ли?

– Тимофей Новосёл искал, Стародум Паша искал, другой люди тоже вездеходи, алдын-дэшь ищи. Наверно, и здесь ищи. Моя не знает. Алдын-дэшь шибко худой камня. Пойдём, дарга! Шибко холодно, однако, – зябко передёргивая плечами, предложил Сергей. Уговаривать меня не пришлось. Леденящие порывы ветра насквозь продували и штормовку, и мокрый от пота свитер. Даже не верилось, что совсем недалеко от нас светит солнце, зеленеет трава, цветут цветы...

Дорога вниз по склону показалась намного легче. Впрочем, очень-то расслабляться не пришлось – примерно через час хода тропка пошла широкой скальной полкой, за краем которой был такой страшный обрывище, что, взглянув туда, я вынужден был с минуту стоять, не в силах справиться с нахлынувшим головокружением. К великой моей радости, полка вскоре сменилась сравнительно пологим склоном, поросшим изуродованными ветрами, бог знает за что держащимися здесь лиственницами и кедрами, а далеко внизу показалось среди тайги изумрудное пятно большой поляны, по краю которой серебром сверкнула узкая полоска воды.

– Однако, почти пришли, дарга! – с улыбкой обернулся ко мне идущий впереди Серёга. – Вон, видишь? – показал он на поляну. – Маленько совсем осталось. Там место хороший. Рыба шибко много, вода вкусный. Сейчас дрова заготовим, хайруз ловить будим. Уха сварим, маленько спирт пить будим. Шибко хорошо отдыхай будим! – подмигнул он.

И хотя до поляны было ещё верных четыре-пять километров спуска по извилистой тропе, вид её, слова Серёги о скором отдыхе придали сил. Да и лошадки наши зашагали веселее.

Солнце было ещё высоко, когда тропинка наша нырнула в лог, заросший еловым и пихтовым мелколесьем, ощутимо потянуло откуда-то сыростью и прохладой, а ещё через несколько минут словно сказочная Земля Санникова открылась перед нами.

Окончание следует.

ВЛЮБЛЁННЫЙ ГОГОЛЬ

Для многих современников писателя оставалось загадкой: что может связывать светскую красавицу Александру Осиповну Смирнову (урождённую Россет) с разночинцем Николаем Васильевичем Гоголем, к тому же наделённым множеством странностей. Конечно, Гоголь ещё при жизни воспринимался как классик, но теснейшая дружба и взаимопонимание?!

Известно, что Гоголь никогда не был женат и к женщинам относился настороженно и весьма прохладно. А не виною ли тому Александры Осиповны, пробудившая бурные чувства в совсем молодом человеке (конец 20-х – начало 30-х годов XIX века), тогда очень уравновешенном, точно осознающем своё призвание? В письме к «любимой своей матушке», с которой всегда был очень откровенен, он сам удивлялся нахлынувшей на него страсти: «Вы знаете, что я был одарён твёрдостью даже редкою в молодом человеке... Кто бы мог ожидать подобной слабости?» – и далее следует горячий каскад слов признания свершившегося факта: «В порыве бешенства и ужаснейших душевных страданий кипел упиться одним только взглядом... О, какое жестокое состояние! Мне кажется, если грешному уготован ад, то он не так мучителен... Взглянуть на неё ещё раз, – вот, бывало, одно-единственное желание, возроставшее сильнее и сильнее с невыразимой едкостью тоски».

В страшном смятении, понимая, что надеяться ему не на что, волевым усилием Гоголь прервал свои страдания, уехав за границу. Он нашёл единственное средство, способное хоть как-то излечить его от любовной тоски: «Мне нужно переделать себя, переродиться, оживиться новой жизнью, расцвести силою души в вечном труде и деятельности...»

К маю 1831 года Гоголь написал несколько повестей, составивших первый том «Вечеров на хуторе близ Диканьки». В том же году Александра Осиповна Россет вышла замуж за Смирнова, человека очень богатого, но недалёкого...

Теснейшая их дружба началась в 1836 году, когда Александра Осиповна переехала в Берлин с мужем, служившим в посольстве. Туда же приехал Гоголь. Потом были Париж, Баден, Рим, Петербург, Ницца... Гоголь старается следовать за Александрой Осиповной чуть ли не по пятам. В 1842 году она остановилась во Флоренции. Николай Васильевич пишет: «Я хотел бы ехать тотчас, но меня удержал больной Языков, бывший на моих руках, а главное, я боялся разъехаться с вами, не зная на верное вашего маршрута. Уведомьте меня двумя строками... Видеть вас у меня душевная потребность. Любящий без памяти вашу душу...»

На Александру Осиповну часто находила безотчётная тоска, свойственная и Николаю Васильевичу. Как-то, душевно желая помочь, Гоголь переписал для неё 14 псалмов, настойчиво рекомендует выучить их. Смирнова-Россет очень дорожила этой дружбой: «Смотрите, не скройте своего таланта... Не оставьте нам шутки или выходы сатирически огорчённого ума». В ответ на свои доброжелательные сентенции она получала странное: «Мне нужны ваши письма!.. Обнимаю всей мыслию и всей душою».

В 1851 году, за год до смерти, Гоголь собирался ехать из Москвы в Петербург, где жила Александра Осиповна, но его остановила болезнь, имевшая трагический исход...

И. Сепрева

«ДЕРЗНОВЕНИЮ ПОДОБНО»

В 1782 году на Сенатской площади в Петербурге был открыт памятник Петру I. История его установки заслуживает особого внимания.

Из Парижа был выписан скульптор Этьен-Мария Фальконе. Руководил строительством по поручению Екатерины II Иван Иванович Бецкий, действительный тайный советник. Для подножия памятника императрица собственноручно выбрала огромный дикий валун, на котором должна была стоять скульптура Петра, скачущего на коне с простёртой вперёд правой рукой. Этот валун был обнаружен в деревне Лахты, расположенной километрах в двенадцати от столы. Местные называли его камень-гром, так как однажды в него ударила молния. Камень почти наполовину врос в землю, весил десятки тонн, перевезти его было невозможно. А изобрёл средство для перевозки простой русский кузнец: он придумал конструкцию металлических шаров, вложенных в желоба, выдолбленные в бревнах.

В начале 1769 года приступили к подъёму и переносу камня. Чтобы укрепить дорогу, на пути вбили сваи. Двенадцать дней камень везли сухим путём, а потом столько же водным. В память этого события была выбита специ-

альная медаль: на одной её стороне портрет императрицы, на другой – валун, окружённый восхищёнными зрителями, и надпись «Дерзновению подобно».

В середине того же года Фальконе окончил работу над моделью. «Не весь умру», – писал он о своей уверенности в успешном завершении грандиозного начинания. Однако во время плавания меди произошёл несчастный случай: металл вылился из формы. Фальконе и сопровождающие его лица в ужасе бросились вон из плавильни. Положение спас пушечный литейный мастер по фамилии Хайлов: несмотря на угрожавшую ему гибель, он сумел собрать разлившуюся медь всю до капли.

Скульптура была готова летом 1777 года. Однако голлов всадника изваял не Фальконе, а приехавшая с ним Мари-Анн Колло.

Фальконе настолько перенервничал в связи с доставкой и отливкой памятника, что после окончания работ немедленно покинул Петербург и даже не присутствовал на открытии.

Памятник был открыт ровно через сто лет после вступления Петра I на престол.

Н. Подобедов

Когда мы в полном развитии и богатстве душевных и телесных сил, при наружном здоровье, когда всё нам благоприятствует, когда горизонт нашей жизни совершенно ясен, тогда-то мы менее всего должны доверять так называемой фортуне. После светлой продолжительной погоды или ведра обычно бывает ненастье; после глубокой тишины осени наступает жестокость холода. Надобно быть готовым ко всему и, наслаждаясь настоящим счастьем, предугадывать и отвращать будущие опасности. Если же они неотразимы – встречать их с мужеством и неустранимостью. Когда при всех стараниях наших счастье внезапно разрушается, надо утешать себя мыслью, что ни здоровье, ни красота тела, ни богатство, ни слава, ни почести, ни образованность ума, ни знаменитость предков не спасают нас иногда от внезапных ударов судьбы. Что это значит? То, что наша жизнь со всеми её благами нам дана свыше и что есть высшая, непостижимая сила, движущая ею по своему изволению, независимо от наших соображений и усилий. Чистая безусловная покорность Провидению – вот самая твёрдая опора во всех обстоятельствах жизни, в её печалях и радостях. Во всяком случае, лучше сносить несчастья с покорностью и надеждою и черпать утешение в отрадном источнике Веры, чем страдать безнадёжно и без всякого утешения.

*Протоиерей
Иродион Ветринский*

ПРЕДОЩУЩЕНИЕ ТРАГЕДИИ

В 1992 году в автомобильной катастрофе погибла Грейс Келли – звезда Голливуда, вышедшая замуж за князя Монако. Она была не только красавицей, любящей женой и примерной матерью, но и обладала редкими парапсихологическими способностями, предвидела многие события и даже собственную скорую смерть. «Я давно заметила за собой одно странное свойство, – говорила Грейс сотрудникам Института парапсихологии в штате Северная Каролина, который посетила по собственному желанию за два года до гибели. – У меня часто бывали предчувствия, я мысленно видела землетрясение, наводнение или смерть известного мне человека, а потом эти события действительно происходили. А когда у меня родились дети и с ними случались какие-нибудь беды, я почему-то всегда об этом знала, хотя и находилась в тот момент вне сферы общения с ними. У меня начало болеть то самое место, которое повредил ребёнок».

Близкая подруга Грейс рассказывала: «С дочерьми Каролиной и Стефанией её связывала какая-то особая, почти мистическая близость. Например, Грейс, находившаяся в Монако, однажды вдруг ощутила сильную боль в ноге. Каким-то шестым чувством она угадала: что-то случилось с Каролиной, гостившей у родственников в Париже. И действительно, девочка упала и сильно расшибла ногу».

В Институте парапсихологии Грейс предложили назвать будущего победителя компьютерных скачек лошадей. Ей показали несколько десятков забегов, и каждый раз принцесса совершенно правильно называла победителя. Там же зашёл разговор о возможности жизни после смерти. «Сколько я себя помню, – сказала Грейс, – я всегда верила в загробную жизнь. Я никогда не сомневалась в том, что наш мир лишь внешняя материальная оболочка другой, высшей реальности, в которую каждый из нас возвращается после смерти».

А. Платонов

ТОЛЬКО КРАСОТА – И НИЧЕГО БОЛЬШЕ...

В 1873–1876 годах Илья Ефимович Репин пребывал за границей. Между тридцатилетним художником и его руководителем во время учёбы в Академии художеств И. Н. Крамским, который был старше на семь лет, завязывается переписка. Крамской с большим уважением относится к своему младшему товарищу по искусству и просит Репина написать о впечатлении, из Парижа: «Давайте мне то, чего у вас в избытке: солнца, света, разнообразия»; «Там всегда такая ярмарка, такой праздничный мир, что впечатления мрачные, гнетущие скоро изглаживаются... это город самый живой из художественных центров». В одном из ноябрьских писем Крамской просит написать о впечатлении, произведённом на Репина Венерой Милосской: «Дело в том, что мне сдаётся, будто эта особа есть нечто такое, чему равного я указать не могу ни на что. Ей всё позволено, и она всё себе позволяет, но в то же время она ничто не делает такого, что было бы недостойно существа высшего порядка, это богиня настоящая и в то же время реальной женщиной... Впечатление об этой статуе лежит у меня так глубоко, так покойно, так успокоительно светит через все томительные и безобразные наслоения моей жизни, что всякий раз, когда образ её встаёт передо мною, я начинаю опять юношески верить в счастливый исход судьбы человечества...» На этот гимн красоте Репин отвечает Крамскому: «Венеру Милосскую я видел в Лувре, и я ничего особенного не увидел в оригинале (я знаю её хорошо по слепку). Такая же она превосходная статуя греков, один из лучших обломков времён расцвета скульптуры. Воскресим некоторые новейшие истории археологии, доказывающие, что она будто бы сделана не в лучшую пору греческой скульптуры, потому разжаловали её и поставили рангом ниже... Как бы её новое и грядущее время не развенчало, а я не могу отделаться от этого образа. Я многое уже забыл, что видел, а эта – и теперь стоит передо мной как живая... Впечатление не потускнело и не ослабло... Ни одно произведение так высоко на меня не действовало, а оно, как вам известно, только красота, и ничего больше, да ещё женская красота...»

Чудо по циркулю

Юрий Туйск

ЗЕМНОЙ ДОМ ХРАНИТЕЛЯ РАЯ

Работая над одной из статуй для собора Святого Петра в Риме, Микеланджело оказался во власти её обаяния. Чем дальше он вглядывался в своё творение, тем отчётливее видел, что холодный мрамор наполняется жизнью, словно обретая плоть и кровь. Забывшись, мастер заговорил со скульптурой. Не получив ответа, разгневанный ваятель вскричал: «Почему ты не отвечаешь мне?» – и в сердцах ударил статую по колену. Так гласит легенда.

В западной части Рима на холме Монте-Ватикано и правом берегу Тибра расположено самое маленькое государство планеты – Ватикан (территория – 44 гектара, население – менее 1000 человек). Его правителем и одновременно главой всей римско-католической церкви является Папа Римский. Сейчас папский престол занимает Бенедикт XVI. Несмотря на свои карликовые размеры, Ватикан печатает собственные деньги и марки, имеет свои представительства в десятках стран, здесь работают радио- и телецентр, а также ряд издательств. Жители этого города-государства да и римляне гордятся тем, что на их земле ещё в XVI веке построен величайший из храмов мира – базилика Святого Петра.

ЛЮБИМЫЙ УЧЕНИК ХРИСТА

Из двенадцати учеников Спасителя, ставших впоследствии апостолами (исключая Иуду Искариота), с особой теплотой Иисус относился к Петру. Господь называл его Кифа – «камень» по-арамейски (по-гречески «камень» – Пётр), зная наперёд, что будущий апостол станет основателем всемирной Церкви Христовой, которая будет крепка, как камень. Иисус познакомился с Симоном (таково было первоначальное имя его ученика) на берегу Генисаретского озера в Галилее, когда тот ловил рыбу. Господь позвал его с Собой, и Симон-Пётр с радостью согласился. Он искренне верил в Христа, как в Мессию, любил Его, и Иисус отвечал ему тем же. На Тайной Вечере, проходившей в Иерусалиме накануне иудейской Пасхи, Пётр по-

обещал Учителю, что никогда не предаст Его. Христос возразил: «Трижды отречёшься от Меня в эту ночь, прежде нежели пропоет петух». И действительно, после того как Иисус, преданный Иудой Искариотом, был схвачен по приказу еврейских первосвященников, Пётр, смалодушничав, отрёкся от Него. Однако Господь знал, что Пётр был ещё не крепок в вере, и, когда воскрес из мёртвых, простил ему тяжкий грех. Незадолго до Вознесения на небо Христос сказал Петру: «Паси агнцев Моих» (то есть верующих в Спасителя). Апостол Пётр оправдал доверие Учителя. Он много путешествовал (был в Сирии и других странах, на берегах Чёрного моря), повсюду основывая церкви и проповедуя учение Христа, творя чудеса и исцеления. В последние годы жизни был епископом Рима. При императоре Нероне язычники обвинили Петра в числе многих других христиан в поджоге столицы империи и приговорили, как и Иисуса, к распятию. Подвешенный на кресте вниз головой, апостол и умирая обращался к собравшемуся народу со словами правды.

НА СТРОЙПЛОЩАДКЕ – ТИТАНЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Апостол Пётр принял мученическую смерть в 64 году и был похоронен на городском кладбище. Первый христианский император Константин повелел в память о святом возвести над его могилой базилику, которая простояла более тысячи лет. В XV веке обветшавшую постройку разобрали, и на её месте в 1506 году заложили новый грандиозный храм. Он сооружался 120 лет при 20 папах и с участием десяти архитекторов. Первоначальный проект разработал ученик Леонардо да Винчи Донато д'Анджело Браманте. Зодчий предложил построить собор, взяв за основу равносторонний греческий крест. Браманте удалось сделать немного – заложить фундамент, возвести несколько пилонов и часть одной из стен. После его смерти строительство продолжили гениальный итальянский живописец и архитектор Рафаэль Санти и его ученик Джулиано да Сангалло. Последний спроектировал свой вариант собора, где предпочтение отдавалось не греческому, а удлиненному латинскому кресту. Коль скоро существуют два мира – земной (ему соответствует горизонтальная перекладина креста) и небесный (вертикаль креста), утверждал зодчий, причём второй сильно удалён от первого, небесная ветвь креста должна быть весьма значительной. Строительство храма надолго прервала эпоха страшного разорения Рима. Когда Рафаэль не стало, Папа Павел IV вызвал в 1547 году из Флоренции великого Микеланджело Буонаротти. Ему удалось объединить всё сооружение в единый гармоничный ансамбль. Микеланджело увенчал постройку громадным куполом диаметром 52 метра! Работу над ним завершил архитектор Джакомо дела Порта. Из четырёх малых куполов удалось возвести только два. Собор был освящён в 1590 году при Папе Павле V. Однако он захотел, чтобы храм стал ещё более грандиозным, и потребовал увеличить его длину до 210 метров. Кроме того, было решено придать сооружению черты модного в то время в Западной Европе стиля барокко. На достройку и обновление собора ушло 30 лет. И лишь к концу 1626 года все работы завершились и храм вторично освятил Папа Урбан VIII.

ГРОМАДА, ПОДЧИНЕННАЯ ПРАСОТЕ

Своей поистине царственной величественностью и художественной выразительностью собор Святого Петра выделяется среди древних построек Рима, столь богатой архитектурными памятниками. Особенно впечатляет вид на храм с площади перед ним, которая служит как бы преддверием к собору.

Это самая большая площадь города (340x240 метров). Разведённые, словно руки для объятия, к базилике ведут две колоннады, составленные из 284 15-метровых колонн; на них установлены 164 мраморные статуи святых и мучеников. В центре площади находится 30-метровый гранитный обелиск весом 330 тонн. Когда-то он стоял в цирке Нерона, но в XVI веке монумент перенесли на площадь перед храмом и водрузили на его вершине крест с частицей Древа Животворящего Креста Господня. В XVIII веке рядом с обелиском появились два красивых фонтана. На фоне их сверкающих струй собор выглядит особенно эффектно.

Человеку, который стоит у подножия ведущей в храм царской лестницы, кажется, что она уходит прямо в небеса. Это удивительное ощущение достигнуто благодаря хитроумному приёму зодчих. Длина каждой из последующих ступеней лестницы постепенно уменьшается, что и создаёт эффект устремлённости ввысь.

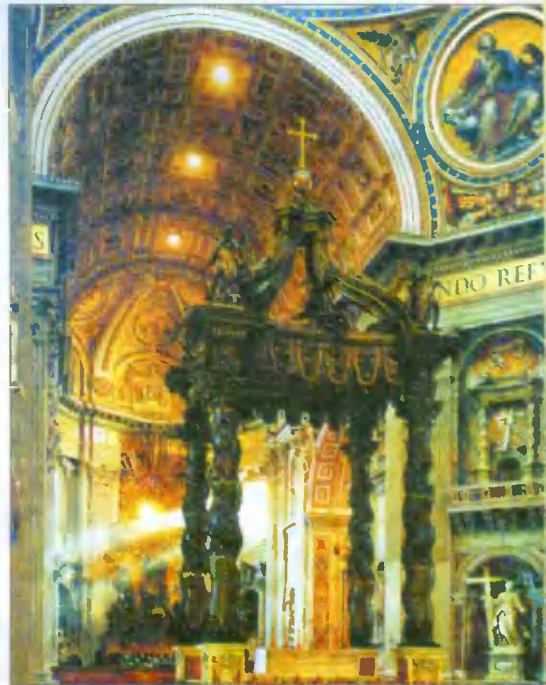
Вход в базилику оформлен великолепным портиком, украшенным многочисленными колоннами и пилястрами. Над зданием парит кажущийся невесомым главный купол, а ещё выше, над башенкой, установлен пятиметровый латинский крест. Общая высота собора Св. Петра составляет 132,5 метра (для сравнения: высота храма Христа Спасителя в Москве – 103,5 метра, Исаакиевского собора в Петербурге – 101,5 метра).

Своей грандиозностью и роскошью убранства базилика потрясает и внутри. Массивные пилоны, поддерживающие барабан купола, многочисленные арки и своды, тяги, карнизы, полы отделаны различными видами цветного мрамора и другими породами камня.

Четыре громадных столба поддерживают среднюю арку свода. В нишах между столбами располагаются четыре статуи – апостола Андрея, святой Вероники, святой царицы Елены и сотника Лонгина. Тут же помещены и четыре святыни, связанные с историей этих лиц: глава апостола Андрея, плат Вероники, часть Животворящего Креста Господня, меч сотника Лонгина.

Святые мощи апостола Петра скрыты от взоров и находятся в подземной церкви, куда ведёт бронзовая дверь. Спуск в подземелье, представляющее собой остаток базилики Константина, окружён мраморной решёткой, которая почти всегда закрыта. Богомолец может только преклонить колени перед ней.

Над захоронением Верховного апостола находится главный алтарь собора (всего здесь установлено 50 алтарей). Его украшает бронзовый балдахин высотой 29 метров, покоящийся на че-

Собор Святого Петра. Интерьер

тырёх витых столбах. На этих опорах изображены пчёлы – символ трудолюбия пап и всех католиков. На изготовление балдахина было израсходовано 63 тонны бронзы! Алтарь и балдахин выполнены по проекту выдающегося скульптора Лоренцо Бернини. Рядом с алтарём размещена огромная кафедра 30-метровой длины. Посетитель видит здесь бронзового Петра, сидящего на папском престоле. В руке апостола ключи от Царства Небесного, рая, которыми его удостоил по смерти Господь. Правая ступня святого истёрта от бесчисленного множества поцелуев и прикосновений. Считается: если загадать желание, взявшись за ступню, то оно непременно сбудется.

Справа от центрального нефа можно видеть одно из лучших творений Микеланджело – скульптурную композицию «Пьета» («Оплакивание Христа»). Богоматерь держит на коленях тело мёртвого сына, на её лице, высеченном рукой гениального ваятеля, – боль, скорбь, любовь, смирение.

Помимо мощей апостола Петра в соборе покоятся нетленные останки других христианских святых – Иоанна Златоуста, Григория Богослова и Папы Григория Великого. В храме и его подземелье находятся многочисленные надгробия пап, богато украшенные мрамором и бронзой. Всеобщее внимание привлекает гробница Папы Юлия II, над которой установлена статуя Моисея – ещё одно выдающееся произведение Микеланджело.

ТАЙНЫ НА ПОЛОТНЕ

Гермес

Есть творцы, которые своим присутствием на Земле ставят незримую цель для многих. Они отражают свои путешествия в иные миры. В этих людях планета как бы осуществляет свои мечты, когда должно отразить бытование запредельных измерений, того, что не видно обычным взглядом и что приходит в снах. Такова и Виктория Преображенская – хореограф, композитор, поэт, живописец и график.

В движении миров и их взаимопроникновении состоит одна из самых сокровенных тайн жизни. Именно оттуда на нас нисходят божественные импульсы, и мы чувствуем свою сопричастность ко всей Вселенной. Любой художник всегда пытается постичь это. Каждая из работ Виктории Преображенской отражает стремление выразить невыразимое, понять непознаваемое. Её кисть выхватывает из безымерных (как когда-то назвал их поэт Бальмонт) сфер фрагменты иных миров.

Работы Виктории Преображенской включены в солидные международные каталоги, печатаются репродукции её картин, выпускаются открытки.

В детстве на неё сильно повлияла любимая бабушка, врач по профессии, которая интересовалась литературой, искусством. Она и привила Виктории любовь к слову. Это отразилось на выборе профессии. Виктория закончила сначала культурно-просветительское училище, библиотечное отделение. Потом поступила в Киевский университет, на факультет журналистики. Сотрудничала в газетах, на радио, телевидении. Проработала десять лет журналистом, а потом перешла на стезю художника. Ею написано более семидесяти картин.

Из известных мастеров кисти ей близки по духу Николай Рерих и Константин Васильев. Николая Константиновича Рериха Виктория считает своим вдохновителем. О Константине Васильеве отзывается как о живописце, интуитивно отразившем древнюю ведическую Русь.

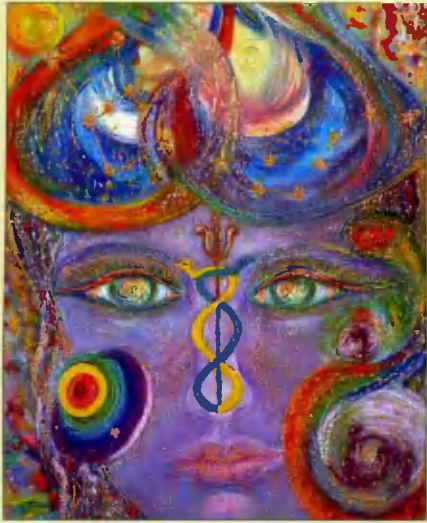
Во время тяжёлой болезни у Виктории Преображенской был критический момент, пережив который она сильно изменилась: у неё пропал интерес к политике и социальной журналистике. Познав другой мир, она начала передавать его образ людям. А также Любовь, Красоту, Чистоту – всё

то, чего сегодня так нам не хватает. В этом Виктория видит высшую ценность искусства.

Она ощущает цвета как музыку сфер, построенную по радужному спектру. Её диапазон включает и низшие вибрации – как на картине «Трижды Величайшая», – земной коричневый цвет, чтобы показать земное начало древней Земной Богини; и вибрации высшие – от фиолетового и до бело-золотистого тона надмирного пространства. Ментальный, огненный слой ноосферы весь состоит из таких цветовых вибраций, которых на Земле просто не встретить. И выразить цветовое многообразие земными красками невозможно. Но Виктория пытается показать это через своё видение, свою эзотерическую живопись.

Последний вернисаж Виктории проходил в залах выставочного салона «Творчество» на Таганке. Посетители увидели много новаций и достаточно заметное, по сравнению с предыдущими выставками, движение вперёд. Виктория Преображенская верит, что Творец обязательно протянет руку человеку – своему дитящу. Он не оставит нас без помощи.

Лев Сафонкин

**Мать
Гипербореи**

Солнцевяление

Макроcosмическая Роза

Единство Восхождения

Великая Возлюбленная